

Н. А. Лейкинъ.

ПО СѢВЕРУ ДИКОМУ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ И ОБРАТНО.

ПОѢЗДКА

НА ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева». 2-я Рождественская ул., д. № 7.
1899.



Н. А. Лейкинъ.

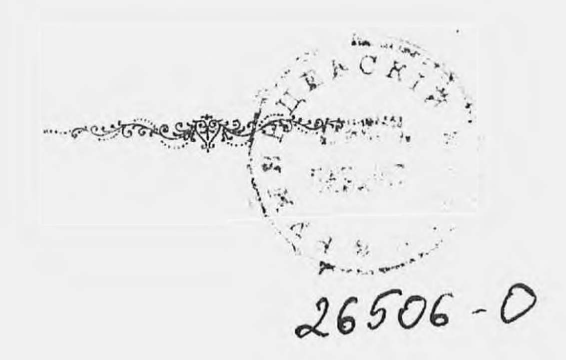
ПО СѢВЕРУ ДИКОМУ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

ВЪ АРХАНГЕЛЬСКЪ И ОБРАТНО.

ПОѢЗДКА

НА ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 2-я Рождественская ул., д. № 7.
1899.



ПО СѢВЕРУ ДИКОМУ.

ПО СѢВЕРУ ДИКОМУ.

I.

Зимой одинъ мой знакомый говорилъ мнѣ:

— Вы все ѣздите по югу Европы для отдыха. То летите на французскую Ривьеру, то стремитесь въ Италію, колесите по Испаніи, разъѣзжаете по Турціи, а ни разу на Сѣверъ не заглянете. А теперь Сѣверъ въ модѣ. Всемірные путешественники англичане—всѣ на Сѣверъ хлынули. Швеція и Норвегія кишатъ ими. Они заглядываютъ въ нашу Финляндію и даже черезъ норвежскій городъ Варде проникаютъ къ намъ въ Архангельскъ, дѣлая на пароходахъ прогулки по Ледовитому океану и Бѣлому морю.

— Прокатиться на сѣверъ Россіи я давно собираюсь,—отвѣчалъ я:—но неудобства путей сообщенія—вотъ что останавливаетъ.

— Батенька, теперь Ярославско-Архангельская желѣзная дорога есть. Сядете въ Ярославлѣ въ вагонъ и живо...

— А вы ѣзжали по ней?—спросилъ моего собе-

сѣдника другой собесѣдникъ и лукаво улыбнулся.

— Нѣтъ. А что?

— Говорятъ, подъ Архангельскомъ поѣздъ по три версты въ часъ идетъ. Топкая тундра. Пассажиры выходятъ изъ вагоновъ и пѣшкомъ около паровоза идутъ, хвощи и бѣлый оленій мохъ собираютъ.

— Вы это сами продѣлывали, что-ли?—задалъ въ свою очередь вопросъ первый собесѣдникъ.

— Нѣтъ. Я дальше Москвы никуда не ѣздилъ. Меня служба стѣсняетъ. Но говорятъ. Говорятъ нѣчто ужасное. Говорятъ, что по осени шелъ, шелъ поѣздъ и остановился. Нельзя дальше идти. Болото... Насыпь размыло, шпалы выперло.

— Что-же, это было напечатано?

— Нѣтъ. Но мнѣ кто-то разсказывалъ. По этой желѣзной дорогѣ оттого никто и не ѣздитъ въ Архангельскъ, а всѣ предпочитаютъ водяной путь, по Сѣверной Двинѣ.

— Да... Такъ... Вѣдь туда еще водяной путь есть. Вотъ вы по Сѣверной Двинѣ и поѣзжайте,— обратился ко мнѣ первый собесѣдникъ.

Подошелъ третій собесѣдникъ.

— А вы знаете, что это такое водяной путь?— сказалъ онъ. — Садитесь въ Вологдѣ на пароходъ и сами не знаете, когда пріѣдете въ Архангельскъ. Пароходы то и дѣло на мель садятся, на пристаняхъ неизвѣстно для чего по полдня стоятъ. Мнѣ Ивановъ разсказывалъ. Онъ лѣсничій... Былъ командированъ въ Вологодскую губернію для осмотра

казенныхъ лѣсовъ и нѣсколько разъ ѣздилъ на этихъ пароходахъ.

Таковъ былъ разговоръ. Всѣ что-то слышали очень неодобрительное про пути на сѣверъ Россіи, но сами ихъ не испытали.

Не взирая на такой разговоръ, мысль сдѣлать прогулку на Сѣверъ укрѣпилась во мнѣ, и я рѣшилъ нынѣшнимъ-же лѣтомъ испытать два пути въ Архангельскъ—водный и желѣзнодорожный. Къ тому-же въ книжныхъ магазинахъ появился въ продажѣ „Путеводитель по сѣверу Россіи“. Я тотчасъ-же купилъ его, просмотрѣлъ и ничего въ немъ неодобрительнаго о путяхъ сообщенія не нашелъ. Напротивъ, и желѣзная дорога, и пароходство по Сѣверной Двинѣ и вокругъ Мурманскаго берега расхваливались, самыми заманчивыми красками описывалось путешествіе, историческіе памятники, встрѣчающіеся на пути, картины природы и пр.

Путеводитель этотъ составленъ Д. Н. Островскимъ, нынѣшнимъ архангельскимъ вице-губернаторомъ, очень обстоятельно, полонъ интересныхъ свѣдѣній, снабженъ подробными картами сѣвера Россіи и изданъ, кстати сказать, совсѣмъ изящно, такъ что книжечка напоминаетъ собой иностранныя изданія путеводителей.

Путеводитель совѣтовалъ отправиться въ путешествіе на Сѣверъ въ концѣ мая или въ началѣ іюня, дабы воспользоваться не успѣвшей еще спасть водой въ рѣкахъ, а также—сѣверными бѣлыми ночами и видѣть не заходящее солнце. Я назначилъ

днемъ своего отъѣзда изъ Петербурга 10-е іюня. Въ путешествіи скучно одному. Но у меня нашелся и спутникъ, мой собратъ по перу К. С. Баранцевичъ, съ которымъ я сговорился заранѣе. Онъ такъ же, какъ и я, поѣхалъ недѣли на двѣ отдохнуть въ пути. Соображаясь съ Путеводителемъ, мы полагали, что въ теченіе двухъ недѣль мы не только успѣемъ проѣхаться до Архангельска воднымъ путемъ и вернуться въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ, но изъ Архангельска побывать и въ Соловецкѣ на Бѣломъ морѣ, и по пріѣздѣ въ Архангельскъ увидали, что ошиблись. Опытъ показалъ, что на посѣщеніе изъ Петербурга Соловецка нужно не менѣе трехъ недѣль, и то если приходящіе поѣзда будутъ сходиться съ отправленіемъ въ путь пароходовъ и наоборотъ, чего достигнуть почти невозможно.

10 іюня мы отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ черезъ Бологое на Рыбинскъ и Ярославль, а оттуда на Вологду. Есть поѣзда прямого сообщенія до Рыбинска, но мы въ такой поѣздъ не попали—и хорошо, что судьба уберегла насъ отъ него хоть въ одинъ конецъ. Въ поѣзда прямого сообщенія стремятся всѣ попасть, чтобы не пересаживаться на пути изъ вагона въ вагонъ — и вотъ вслѣдствіе этого поѣзда эти переполняются до невозможности. Въ поѣздѣ прямого сообщенія мы возвращались въ Петербургъ изъ Рыбинска, и вагоны перваго и второго класса были до того набиты пассажирами, что кто успѣлъ усѣсться на

скамейкѣ четвертымъ, тотъ считалъ себя счастливымъ, а нѣкоторымъ пришлось стоять или сидѣть на своихъ чемоданахъ. И такъ всю дорогу. Пассажиры, кончавшіе путь на промежуточныхъ станціяхъ, тотчасъ-же замѣщались новыми. Лучше просидѣть на станціи Бологое въ буфетѣ четыре часа и прбродить на станціи въ Рыбинскѣ три часа въ ожиданіи отправленія поѣзда въ Ярославль, какъ это было съ нами, когда мы ѣхали не въ поѣздѣ прямого сообщенія, чѣмъ тѣсниться въ вагонѣ въ духотѣ и не имѣть возможности не только прилечь, но даже ноги протянуть. Въ простыхъ-же поѣздахъ мы сидѣли вполнѣ свободно, имѣли отдѣльное купэ, пили всю дорогу чай, который заваривали на станціяхъ въ своемъ чайникѣ, и благодушествовали, лежа каждый на отдѣльномъ диванѣ врастяжку.

Пишу это для свѣдѣнія отправляющихся въ Рыбинскъ. Мнѣ могутъ возразить, что можно взять мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Но на Рыбинско-Бологовской дорогѣ билетовъ въ спальномъ вагонѣ не выдается, хотя въ нашемъ поѣздѣ и ѣхалъ вагонъ второго класса съ надписью на немъ „спальный“.

Итакъ, путь отъ Петербурга до Рыбинска мы сдѣлали въ простомъ пассажирскомъ поѣздѣ вполнѣ комфортабельно, попивая чай, закусывая и изучая желѣзнодорожный „Спутникъ“ Ланцерта и „Путеводитель по сѣверу Россіи“, нужды нѣтъ, что у насъ раза четыре или пять осматривали наши билеты. Къ намъ въ купэ дѣлали визиты цѣлыя депутаціи, состоящія изъ ревизора, кондуктора и

оберъ-кондуктора. Билеты и тщательно, и подозрительно осматривались со всѣхъ сторонъ. Ихъ чуть не нюхали и, наконецъ, какъ-бы не-хотя простригали.

Въ 11 часовъ вечера мы прибыли въ Бологое и засѣли въ буфетной комнатѣ. Поѣздъ въ Рыбинскъ отходилъ только въ 3 часа ночи. Мы занялись наблюденіемъ желѣзно-дорожно-буфетныхъ нравовъ.

II.

Ожидающихъ въ Бологое рыбинскій поѣздъ и пріѣхавшихъ съ нами было человѣкъ десять, бо́льшей частью дамы. Дамы тотчасъ-же направились въ дамскую комнату, но сейчасъ-же оттуда стали выходить обратно.

— Маленькая комната и занята,—жаловалась мнѣ одна дама съ дѣвочкой лѣтъ двухъ.—Всего два дивана въ комнатѣ и на нихъ разлеглись какія-то двѣ толстухи, снявъ съ себя все до бѣлья и укрывшись пледами. Начала я умывать дѣвочку—въ претензіи, зачѣмъ шумимъ.

Имѣется на станціи и мужская комната для пассажировъ перваго и второго класса. К. С. Баранцевичъ отправился туда тоже поискать мѣста прилечь, но тоже тотчасъ-же вернулся.

— Все занято,—сказалъ онъ мнѣ.—Спятъ врастяжку и по виду совсѣмъ не представляютъ изъ

себя пассажировъ двухъ первыхъ классовъ, а скорѣй мелкіе желѣзнодорожные служащіе.

Отъ нечего дѣлать мы стали пить чай. Станція была освѣщена только на половину, то-есть былъ освѣщенъ столъ, на которомъ стояли на металлическихъ блюдахъ порціи изъ телятины: отбивныя котлеты, рубленыя котлеты, грудинка, печенка, да и тутъ освѣщеніе гасилось, какъ только уходилъ отъ станціи поѣздъ, и оставлялись только двѣ лампы на все громадное станціонное зало. Экономію наводили тщательно. Дѣлали это очень оригинально.

Пока мы сидѣли на станціи, черезъ Бологое изъ Петербурга и Москвы прошло поѣздовъ пять-шесть, и каждый разъ послѣ ухода поѣзда гасились огни. Выходило это такъ: какъ только семафоръ давалъ знать, что сейчасъ прибудетъ поѣздъ, изъ кухоннаго помѣщенія выходилъ усатый поваръ въ бѣлой фуражкѣ и бѣлой курткѣ съ наборомъ ножей въ ножнахъ за поясомъ. Сзади его открывалось цѣлое шествіе. Четыре или пять сонныхъ офиціантовъ несли по металлическому блюду съ порціями, прикрытыми металлическими-же колпаками, снимали колпаки и ставили блюда на металлическіе таганы, подъ которыми стояли потухшія спиртовыя лампочки. Старшій офиціантъ въ то же время зажигалъ свѣчи и керосиновыя лампы на столѣ, оставляя спиртовыя лампочки потухшими. Поваръ-же, вооружившись ложкой, освѣжалъ зачерствѣвшія въ кухнѣ на плитѣ порціи соусомъ, черпая его для всѣхъ родовъ кушанья изъ одного и того-же соус-

ника, и перемѣшивалъ приправу—картофель и макароны, помѣщавшіеся въ латочкахъ. Просыпался буфетчикъ, дремавшій за буфетной стойкой на стулѣ, и выставлялъ на длинный мѣдный подносъ двѣ или три пустыя рюмки. Выбѣгала изъ дамской комнаты заспанная барышня-книжница и быстро отворяла шкапчикъ съ продающимися книгами, причемъ будила спавшаго тутъ-же на деревянномъ диванѣ мальчика-газетчика. Тотъ вскакивалъ, зѣвая, надѣвалъ форменную фуражку съ мѣдной бляжкой, хваталъ свою камышевую выставку съ газетами и журналами и направлялся на платформу продавать ихъ.

Но вотъ простучалъ и прошипѣлъ поѣздъ и остановился. Первый звонокъ. Въ станціонное зало входятъ три, четыре позѣвывающіе и покачивающіеся отъ вагонной тряски пассажира, бродятъ какъ мухи около стола, останавливаются противъ повара и тупо смотрятъ на него и на освѣженныя подливкой порціи. Поваръ, ожидая приказаній положить что-нибудь для пассажира на тарелку, вооружается тарелкой и вилкой, но пассажиръ быстро отвертывается отъ него и, подойдя къ буфетной стойкѣ, требуетъ водки, которую и проглатываетъ, закусивъ корочкой хлѣба.

Рѣдко кто спрашивалъ себѣ ночью порцію чего-нибудь и поспѣшно съѣдалъ ее. Всѣ выходившіе въ буфетъ ограничивались рюмкой водки, бутылкой сельтерской воды или покупали коробокъ спичекъ. Барышня раскладывала книги на полочкѣ, на нихъ

смотрѣли, перелистывали ихъ, но никто не покупалъ.

Третій звонокъ. Дребезжащій свистокъ кондуктора, дикій свистокъ паровоза, и поѣздъ отходитъ отъ станціи. Старшій офиціантъ гаситъ лампы и свѣчи, поваръ удаляется въ кухню, а сзади него четыре или пять офиціантовъ тащатъ на плиту покрытыя колпаками металлическія блюда съ порціями.

— Что продалъ?—спрашиваетъ барышня-книжница возвратившагося съ платформы мальчика-газетчика.

Барышня зѣваетъ, запираетъ книжный шкапъ и удаляется въ дамскую комнату прилечь.

Черезъ часъ опять то же самое.

Бѣдная барышня! Ни днемъ, ни ночью покоя. И все это за двадцать рублей въ мѣсяцъ. Поинтересовавшись, какія книги больше продаются въ шкапчикѣ, я подошелъ къ ней и сталъ ее разспрашивать и кстати узналъ о жалованьѣ ея.

— Вѣдь ѣдущіе по дорогѣ очень мало у насъ покупаютъ,—сказала она мнѣ.—А главные наши покупатели здѣшніе жители, проживающіе въ Бологое. Вѣдь выписывать дороже. Надо за пересылку платить. А здѣсь они прямо мнѣ заказываютъ, чего у меня нѣтъ. Я пишу и мнѣ высылаютъ для нихъ.

Поинтересовался я, что мальчикъ-газетчикъ получаетъ. Оказалось, что получаетъ онъ только пять рублей въ мѣсяцъ.

— Ему лучше меня живется,—кивнула на него барышня.—Хорошіе господа, покупая у него газеты, двѣ-три копѣйки сдачи ему на пряники оставляютъ, а я при одномъ жалованьѣ.

Петербургскій поѣздъ прямого сообщенія на Рыбинскъ опоздалъ. Онъ долженъ былъ придти въ Бологое въ 2 ч. 15 м. ночи, а пришелъ послѣ трехъ часовъ и тотчасъ-же отправился въ Рыбинскъ, какъ только усѣлись въ него пассажиры.

Я и мой товарищъ очутились въ вагонѣ, переполненномъ пассажирами. Мало кто спалъ врастяжку и то только наверху, поднявъ спинку дивана. Большинство-же дремало на нижнихъ скамейкахъ, сидя, уткнувъ носы въ уголъ. Я помѣстился въ креслѣ у окна. Духота была страшная. Лишь только я отворилъ окно, какъ на верхней скамейкѣ кто-то, поднявшись сфинксомъ, заговорилъ:

— Нѣтъ, ужъ пожалуйста, закройте. У меня и такъ морскимъ канатомъ одно ухо заткнуто, а спать при открытомъ окнѣ, такъ къ утру и второе заткнешь.

— Да вѣдь жара, духота...

— Въ жару-то и надо опасаться сквознаго вѣтра.

Заплакала маленькая дѣвочка, ѣхавшая съ молодой дамой. Дама принялась ее укачивать. Дѣвочка не унималась. Пассажиръ на верхней койкѣ опять приподнялся сфинксомъ и изъ устъ его послышалось:

— Ѣздятъ съ ребятами и только людей тревожатъ. Съ ребятами надо дома сидѣть.

Мой товарищъ по путешествію попалъ на мѣсто среди дамъ. Дамы рядомъ и дамы напротивъ. Онѣ возымѣли явное намѣреніе выжить его. Я слышалъ, какъ полная дама, отъ которой такъ и несло гофманскими каплями, говорила ему:

— Вамъ-бы пересѣсть вонъ на ту скамейку, къ мужчинамъ. Тамъ двое сидятъ, но зато та скамейка длиннѣе.

Товарищъ молчалъ и даже притворился спящимъ.

— Третью ночь ѣду и уснуть не могу...—продолжала дама, пахнувшая гофманскими каплями, обращаясь къ другой дамѣ, сидѣвшей противъ нея.—Голова треснуть хочетъ. Ни одеколонъ, ни гофманскія капли не помогаютъ. Я изъ К* ѣду. Мой мужъ прокуроръ. Въ К* я помѣстилась въ вагонѣ отлично.

— Не хотите-ли валерьяновыхъ капель?—предложила ея сосѣдка.—Можетъ быть это васъ успокоитъ.

— Ахъ, дайте пожалуйста. Въ К* я помѣстилась въ вагонѣ отлично... Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. И что это скупятся на вагоны? Развѣ можно возить публику въ такой тѣснотѣ!

Запахло валерьяновыми каплями.

— Мой мужъ прокуроръ, а братъ мой судебный слѣдователь, деверь—членъ суда. Наша семья прямо юридическая, но всѣ по разнымъ городамъ...—продолжала дама и душила воздухъ валерьяной.—Послушайте,—обратилась она къ моему товарищу,—отчего-бы намъ не прибѣгнуть къ слѣдующей комбинаціи? Вы подняли-бы спинку дивана и легли-бы

наверхъ, а меня пустили-бы протянуться на нижней скамейкѣ.

Товарищъ по прежнему молчалъ. Я отлично сплю сидя и засыпалъ въ креслѣ.

Когда я проснулся, голова моего товарища виднѣлась вверху на приподнятой спинкѣ дивана. Смѣсь-ли запаха валерьяновыхъ капель съ гофманскими на него подѣйствовала, или изъ уваженія къ юридической семьѣ, но онъ послушался даму, залѣзъ подъ потолокъ вагона и спалъ тамъ. А дама, растянувшись на нижнемъ диванѣ, покуривала папироску и такъ и тараторила съ сосѣдкой. Слышалось:

— Вы Скрипуновыхъ знаете въ Б*. уѣздѣ?

— Какъ-же, какъ-же... Еликанида Андреяновна... Вѣдь она глава въ домѣ, а мужъ у ней подъ башмакомъ. Первая франтиха... На наряды ничего не жалѣетъ, но по дому первая сквалыжница. Мужа и себя на бараньемъ супѣ съ кашей держитъ. Фунтъ осетрины мужъ купитъ, такъ она за разореніе себѣ считаетъ. Ругаетъ его, ругаетъ и уняться не можетъ.

— Да что вы!

— Вѣрно, вѣрно. Подсолнечнымъ масломъ салатъ заправляютъ, потому что прованское дорого стоитъ. А за шляпку двадцать пять рублей заплатить ей ничего не значитъ.

Въ вагонъ вошла ревизія.

— Билеты ваши приготовьте!—возгласилъ кондукторъ.

III.

Въ Рыбинскъ пріѣхали съ опозданіемъ, но если-бы и во-время пріѣхали на станцію, то поѣзда не сходятся. Прямого сообщенія изъ Петербурга до Ярославля нѣтъ. Въ Рыбинскѣ пересадка въ другой поѣздъ. Пришлось ждать поѣзда, отправляющагося въ Ярославль, часа два. А ждать негдѣ. Рыбинскій вокзалъ передѣлывается. Станціонныя зданія полуразрушены. Буфетъ помѣщается въ сколоченномъ изъ досокъ балаганѣ и представляетъ изъ себя очень маленькій шалашекъ, а стеченіе публики большое. Шалашекъ былъ заставленъ у платформы другимъ поѣздомъ и попасть въ буфетъ можно было только обойдя поѣздъ. Поѣздъ, идущій въ Ярославль, отправляется съ другой стороны, носильщикъ и посовѣтовалъ намъ сразу перебраться на другую сторону пути. И здѣсь пришлось перелѣзать черезъ поѣздъ, да не черезъ одинъ, а черезъ два товарныхъ и одинъ пассажирскій, которыми были заставлены пути, прилегающіе къ противоположной платформѣ. Пришлось подлѣзать подъ товарные поѣзда, карабкаться черезъ тормазъ пассажирскаго поѣзда.

Вотъ и платформа. На ней мы увидѣли нѣчто подобное бивуаку, который бываетъ послѣ крупнаго пожарища. На платформѣ этой, крытой только на половину, мы увидѣли пассажировъ, ожидающихъ

поѣзда въ Ярославль и сидѣвшихъ прямо на полу на своихъ котомкахъ, узлахъ и чемоданахъ. Нѣкоторые трапезовали, нѣкоторые пили чай изъ жестяныхъ чайниковъ. По всей платформѣ скамейки не было ни одной. Пришлось и мнѣ съ товарищемъ располагаться лагеремъ, что̀ мы и сдѣлали. Полуденное солнце такъ и жарило. Хотѣлось пить, но до шалашика съ буфетомъ круговымъ путемъ было добрыхъ полъ-версты. Бродили сборщики съ книжками и собирали на погорѣлые храмы. Богомолка съ котомкой за плечами просила на билетъ до Ярославля. Толпы мальчишекъ, очевидно дѣтей мелкихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, играющихъ въ чехарду и задирающихъ другъ друга. Желѣзнодорожнаго начальства никакого, хотя на одной сторонѣ у платформы стоялъ поѣздъ, отправляющійся въ Петербургъ. Поѣздъ, направляющійся въ Ярославль, поданъ еще не былъ.

Наконецъ, прибылъ поѣздъ изъ Костромы и остановился у другой стороны платформы. Изъ него высыпали пассажиры и спѣшили пересаживаться въ поѣздъ, отправляющійся въ Петербургъ. Тѣснота на платформѣ сдѣлалась еще гуще.

— Вотъ этотъ костромской поѣздъ и пойдетъ теперь на Ярославль, а потомъ въ Кострому,—говорили опытные пассажиры.

Толпа сунулась занимать въ немъ мѣста, но кондукторы не пускали.

— Нельзя...—загораживали они дорогу. — Его

еще чистить поведутъ. Надо дровами и водой запастись. Успѣете еще въ вагонахъ-то насидѣтся.

— Когда-же онъ пойдетъ въ Ярославль? — задаются вопросы.

— А вотъ петербургскій поѣздъ отойдетъ, такъ черезъ десять минутъ.

Сидѣнье на платформѣ на своихъ вещахъ продолжается. Таборъ все увеличивается. Пріѣхала почта на двухъ тройкахъ и начала выгружать на ту-же платформу запечатанные чемоданы съ посылками, мѣшки съ письмами, желѣзный сундукъ. Чиновники въ форменныхъ фуражкахъ почтоваго вѣдомства съ карандашемъ за ухомъ сортируютъ мѣшки, полученные изъ поѣзда и отправляемые въ двухъ поѣздахъ, записываютъ въ книжки нумера, ямщики кряхтятъ и перетаскиваютъ грузныя „мѣста“. Сидимъ и дивимся, что и для казенной почты не сдѣлано никакого приспособленія на платформѣ— ни прилавка, ни скамейки. Всѣ записыванія тюковъ происходятъ на полу на платформѣ.

Поѣздъ, на которомъ намъ надо отправляться въ Ярославль, забравъ въ почтовый вагонъ почту, отошелъ отъ платформы чиститься. Продолжаемъ сидѣть на своихъ пожиткахъ.

— Когда-же, наконецъ, кончится это рыбинское сидѣнье! Оно ужъ уподобляется знаменитому азовскому сидѣнью!—поднимаю я вопль, обливаясь по̀томъ.

— Терпѣніе, терпѣніе... Терпѣніе все превозмогаетъ,—ободряетъ меня мой товарищъ.

Но вотъ, наконецъ, нужный намъ поѣздъ вычистился и вернулся къ платформѣ. Опять бросились занимать мѣста, но вагоны оказались запертыми. Подошелъ носильщикъ и подмигнулъ намъ:

— Пожалуйте садиться. Вагонъ второго класса съ одного входа отворенъ. Только надо занимать мѣста не съ платформы, а съ той стороны, чтобы замѣтно не было.

Онъ взялъ наши вещи. Мы обошли поѣздъ и черезъ пять минутъ сидѣли въ вагонѣ, захвативъ лучшія мѣста. Я хорошо далъ ему за его хитрость и спросилъ:

— Чайку заварить можно?

— Сколько угодно. Успѣемъ еще.

Вскорѣ мы сидѣли за столикомъ у открытаго окна въ удобномъ вагонѣ и благодушествовали за чаемъ, завареннымъ въ нашемъ металлическомъ чайникѣ. Вошелъ оберъ-кондукторъ, устремилъ на насъ удивленные глаза и воскликнулъ:

— Кто впустилъ?

— А развѣ надо еще спрашивать насчетъ впуска?—отвѣчалъ я.—Носильщикъ взялъ наши вещи, привелъ насъ сюда и усадилъ. У насъ билеты отъ Петербурга до Вологды.

— Ну, вольницы! Помилуйте, что-же это такое! Я еще поѣзда не принялъ, вагоны не осмотрѣлъ, а тутъ ужъ садятся и чаи распиваютъ!— развелъ кондукторъ руками и прибавилъ: — Надо пожаловаться начальнику станціи. Съ этой перестройкой вокзала носильщики у насъ совсѣмъ отъ рукъ отбились. Чистое наказаніе.

Наконецъ поѣздъ тронулся. Переѣздъ отъ Рыбинска до Ярославля всего 78 верстъ. Сидѣть въ вагонѣ было совсѣмъ свободно. Смѣшанный вагонъ второго класса ѣхалъ совсѣмъ даже пустой. Товарищъ мой говорилъ мнѣ:

— Вѣдь вотъ поди-жъ ты... Какъ только поѣздъ не прямого сообщенія — сейчасъ въ немъ и вагоновъ больше, и вагоны лучше, и сидѣть въ немъ удобнѣе. Выходитъ это какъ будто такъ: вотъ я тебѣ даю прямое сообщеніе, не заставляю тебя пересаживаться, не задерживаю на станціяхъ, но ужъ зато ты долженъ сидѣть въ тѣснотѣ, какъ и гдѣ попало. А если ты ѣдешь въ простыхъ поѣздахъ, кочуешь изъ поѣзда въ поѣздъ, изнываешь въ великихъ сидѣньяхъ на станціяхъ, то вотъ тебѣ зато просторъ въ вагонахъ, лежи врастяжку на диванахъ и благодушествуй!

Въ пятомъ часу подъ вечеръ мы были въ Ярославлѣ. Поѣздъ изъ Ярославля въ Вологду отходилъ въ 11 часовъ вечера. Предстояло новое, на этотъ разъ уже шестичасовое сидѣніе. Вокзалъ Ярославско - Вологодской - Архангельской желѣзной дороги находится на противоположной сторонѣ Волги. Такъ и первая станція этой дороги у Ярославля называется „Волга“. Предстояло проѣхать черезъ весь городъ на лошадяхъ и перебраться черезъ Волгу на пароходѣ или на лодкѣ и ужъ оттуда отправиться на вокзалъ. Для сокращенія пути

кондукторъ намъ посовѣтовалъ не доѣзжать до самаго Ярославля, а выйти изъ поѣзда подъ Ярославлемъ на полустанкѣ Всполье, что мы и сдѣлали.

Этимъ мы, какъ оказалось, укоротили себѣ переѣздъ черезъ городъ до набережной Волги, откуда пароходы перевозятъ къ другому вокзалу, болѣе чѣмъ на половину.

IV.

Переѣздъ въ Ярославлѣ съ одного вокзала на другой представлялъ собой для насъ огромнѣйшія трудности. Древнѣйшіе путешественники Улисъ и его спутники смѣло могли-бы гордиться такими трудностями. Прежде всего убійственная мостовая. Извозчикъ, нанятый отъ желѣзнодорожной станціи по объявленной намъ носильщикомъ таксѣ—шестьдесятъ копѣекъ, подвезъ насъ къ пароходу, переправляющему пассажировъ на ту сторону Волги, подвезъ насъ къ пристани, и мы разсчитались съ нимъ. Вдругъ мы видимъ на пристани объявленіе, гласящее, что извозчики, взявшіеся везти пассажировъ съ одного вокзала на другой, обязаны переѣзжать съ ними вмѣстѣ на паромѣ на ту сторону и тамъ доставлять прямо къ вокзалу, за что получаютъ 60 копѣекъ, уплачивая отъ себя и за переѣздъ на паромѣ. Такова такса.

Мы тотчасъ-же бросились съ пристани обратно къ извозчику, но его ужъ и слѣдъ простылъ.

Пришлось только руками развести. Парохода еще нѣтъ. Ходитъ черезъ каждые полчаса. На пристани размѣстились пассажиры съ котомками, бураками, свернутыми полушубками. Пристань усѣяна шелухой отъ подсолнуховъ. Многіе аппетитно жуютъ зеленый лукъ, покупаемый ими тутъ-же отъ разносчика. Бродитъ рѣчной сторожъ. Спрашиваемъ его:

— А далеко на томъ берегу отъ пристани до вокзала?

— А вамъ на Вологодскую дорогу? Да больше чѣмъ съ полверсты будетъ.

— Вотъ тебѣ разъ! А извозчики на той сторонѣ у пристани есть?

— Какіе-же тамъ извозчики! Извозчиковъ отсюда берутъ, переѣзжаютъ съ ними на паромѣ—и вотъ они подвозятъ. Вотъ пристань на той сторонѣ, а эво вонъ гдѣ вокзалъ-то стоитъ,—указалъ рѣчной стражъ.

Предстояла перспектива тащиться съ багажомъ по берегу куда болѣе полуверсты на нашъ взглядъ.

— А багажъ нашъ кто-же тамъ перенесетъ съ парохода на станцію?—снова задаемъ вопросъ.

— Тамъ босяки есть. Они этимъ дѣломъ занимаются. Да вамъ зачѣмъ на пароходѣ-то переѣзжать? Если вамъ на желѣзную дорогу, то господа рѣдко на пароходѣ переѣзжаютъ! На паро-

ходѣ ѣдетъ только простой народъ. А господа или съ извозчикомъ на паромѣ, или...

— Да у насъ былъ извозчикъ, но онъ надулъ насъ, ничего не сказалъ...

— Тогда лодку берите. Коли извозчики надуваютъ, господа всегда лодку берутъ. Лодка васъ доставитъ вонъ куда—къ самому вокзалу. За лодку десять копѣекъ платится. Ну, а лодочнику на чай дадите, такъ онъ и багажъ вашъ на вокзалъ перенесетъ.

Это насъ оживило. Плотъ лодочниковъ былъ тутъ-же. Мы усѣлись въ простую неокрашенную лодку и стали переѣзжать на ту сторону Волги...

Какая дивная картина представилась намъ, когда мы выѣхали на середину рѣки! Какъ красивъ ярославскій берегъ съ его набережной, съ бѣлыми церквами и бѣлыми-же каменными домами (въ Ярославлѣ всѣ строенія бѣлыя), выглядывающими изъ густой зелени!

Перевозчикъ подвезъ насъ къ самому вокзалу, находящемуся на берегу, вытащилъ лодку на песокъ и потащилъ за нами на вокзалъ нашъ багажъ. Вокзалъ отъ пристани былъ въ пятидесяти шагахъ. Это маленькое деревянное зданіе, очень привѣтливое на видъ, окрашенное въ желтый цвѣтъ. Прошли мы по берегу, прошли по деревянной платформѣ и размѣстились въ буфетѣ.

Здѣсь кстати упомянуть, чтó беретъ простой человѣкъ за свой трудъ, если за этотъ трудъ нѣтъ таксы и съ нимъ не сторговались. Лодка черезъ

Волгу стоитъ гривенникъ. Это по таксѣ. И его взялъ отъ насъ староста при посадкѣ въ лодку. За переносъ нашего ручного багажа на станцію даемъ перевозчику пятіалтынный—мало. Перемѣняемъ его на двугривенный—тоже мало. Лодочникъ подбрасываетъ его на рукѣ и говоритъ:

— Здѣсь таксы нѣтъ. А хорошіе господа по два двугривенныхъ даютъ.

Пришлось дать тридцать копѣекъ, тогда какъ каждый желѣзнодорожный носильщикъ за такой трудъ всегда бываетъ доволенъ пятіалтыннымъ. А заупрямиться, и не дать тридцать копѣекъ, было неловко: вокругъ лодочника, подбрасывавшаго на рукѣ двугривенный, собралась ужъ толпа и съ такимъ взглядомъ во взорахъ, какъ будто бѣднаго человѣка совсѣмъ обижаютъ.

Мы расположились въ буфетѣ. Это была станція „Волга" Ярославско-Вологодской желѣзной дороги. Хотя эта-же самая дорога идетъ черезъ Вологду на Архангельскъ, но Архангельскою дорогою ее никто не называетъ, да отъ Вогогды на Архангельскъ, какъ это выяснилось впослѣдствіи, очень мало кто и ѣздитъ лѣтомъ, благодаря распускаемымъ сплетнямъ про эту дорогу, и предпочитаютъ водный путь по Сухонѣ и Двинѣ. Въ буфетѣ этомъ предстояло третье сидѣнье въ ожиданіи поѣзда, ярославское, какъ мы его назвали, на этотъ разъ самое долгое, шестичасовое. Вокзалъ Ярославско-Вологодской желѣзной дороги! Замѣтьте: вокзалъ, а не станція.

Мы такъ на него разсчитывали, думали хорошенько попитаться на немъ. К. С. Баранцевичъ говорилъ мнѣ:

— Волга... Въ рыбное царство пріѣхали. Здѣсь рыбы много и она дешева. Закажемъ себѣ въ буфетѣ хорошую рыбную селянку, велимъ окуней зажарить. Надо пользоваться случаемъ. А времени для приготовленія хорошей селянки — уйма. Два раза успѣемъ поѣсть за это время.

— Зачѣмъ-же селянку?—возразилъ я. — Селянку изъ соленой рыбы можемъ вездѣ ѣсть, а здѣсь на Волгѣ мы закажемъ хорошую стерляжью уху.

— Ну, уху изъ живой стерлядки. Да надо спросить, нѣтъ-ли здѣсь грибовъ. Навѣрное есть. Грибы ужъ продавали на станціяхъ рыбинской дороги. Стерляжья уха... жареные окуни съ свѣжепросольными огурцами и грибы въ сметанѣ. Отличный обѣдъ будетъ.

Но насчетъ обѣда этого да и какого-либо обѣда пришлось окончательно разочароваться и разочароваться горько.

Буфетчикъ только еще раскладывался на своей стойкѣ. Первымъ онъ вынулъ изъ шкапа и поставилъ на буфетъ объемистый графинъ съ водкой, а затѣмъ сталъ его окружать самой разнообразной формы бутылками.

— Послушайте... Грибы у васъ есть?—спросилъ я его.

— Грибы-съ?—повторилъ онъ, какъ-то саркастически улыбнулся, покачалъ головой и отвѣчалъ: —

Какіе-же грибы, помилуйте!.. Грибовъ нѣтъ. Нельзя-же всѣ закуски держать.

— Но надѣюсь, что хорошенькую уху-то стерляжью можете приготовить?

— Уху-съ? Здѣсь, господинъ, горячей пищи нѣтъ. Здѣсь и кухни нѣтъ.

— Какъ, и пообѣдать, стало быть, нельзя?—воскликнулъ Баранцевичъ.—А зачѣмъ-же у васъ обѣденный столъ накрытъ?

Дѣйствительно, посреди буфетной комнаты стоялъ отлично сервированный столъ. Прекрасныя фарфоровыя тарелки, хрусталь, имѣлись даже бокалы для шампанскаго и цвѣтныя рюмки для рейнвейна, стояли двѣ бронзовыя канделябры со свѣчами и мельхіоровый холодильникъ.

— Пообѣдать можно сколько угодно здѣсь, а только холодными закусками, — отвѣчалъ буфетчикъ.

— Но кто-же обѣдаетъ холодными,—возразилъ я, совсѣмъ обезкураженный.—Впрочемъ, можетъ быть, хорошую ботвинью можно приготовить? Это ужъ и холодное.

— Откуда-же взять ботвиньи, помилуйте!—былъ отвѣтъ.

— Какъ, и ботвиньи даже нѣтъ? Но вѣдь здѣсь рыбное мѣсто. Здѣсь рыбы много. А затѣмъ квасъ или кислыя щи. Это ужъ вездѣ есть.

— Не держимъ и квасу. Фруктовыя воды есть у насъ.

— Вотъ неожиданность! А мы думали здѣсь

поѣсть хорошенько. Что-же у васъ ѣсть? Чѣмъ можно пообѣдать?

— Да многое что есть. Ветчина есть.

— Ну, а еще что?

— Ветчина... колбаса, балыкъ... осетровый балыкъ. Ну, и бѣлорыбица провѣсная.

— Это соленыя. Телятина есть?

— Откуда-же взять телятины? Не держимъ. Сардинки есть, кильки, колбаса, ветчина...

— Да ужъ слышали, слышали про ветчину-то. Яичницу, можетъ быть, можно сдѣлать?

— Ничего горячаго нельзя-съ. Здѣсь и повара не держимъ.

Надежда хоть на какой-либо обѣдъ пропала. Приходилось только закусывать и запивать чаемъ.

— Тогда дайте намъ скорѣй чаю полъ-порціи,— сказалъ Баранцевичъ.

— Извините... Кипятку еще нѣтъ. Но самоваръ ставятъ. Сейчасъ будетъ готовъ.

Пришлось довольствоваться чаемъ и солеными закусками. Даже яицъ всмятку или вкрутую въ буфетѣ не было. Молока не было. Мой сотоварищъ, пока ставили самоваръ, сходилъ на берегъ Волги, купилъ тамъ у бабы въ лавченкѣ крутыхъ яицъ и баранокъ. Желѣзнодорожный сторожъ принесъ намъ бутылку молока. Спросили мы ветчины (оказалась предрянная) и все это, вмѣстѣ съ чаемъ, было нашимъ обѣдомъ.

V.

Отсиживая на станціи шесть часовъ, лишены мы были хоть сколько-нибудь споснаго обѣда, который можно найти вездѣ въ буфетахъ въ пунктахъ начальнаго отправленія поѣздовъ, но за то были утѣшены другимъ обстоятельствомъ. Осматривая расклеенныя на стѣнахъ станціонной комнаты объявленія, мой товарищъ радостно вскричалъ:

— Смотрите, какъ хорошо выходитъ! Въ Вологдѣ намъ не придется долго засиживаться. Въ Вологду мы пріѣдемъ завтра рано утромъ, и завтра-же, въ пятницу, въ десять часовъ вечера отходитъ пароходъ изъ Вологды въ Архангельскъ. Съ утра до вечера намъ будетъ вполнѣ достаточно времени для осмотра города. Мы можемъ даже номера въ гостинницѣ не брать, а прямо перевезти нашъ багажъ на пароходъ и оставить его тамъ до вечера.

Я тоже посмотрѣлъ на объявленіе. Объявленіе было отъ Вологодско-Архангельскаго Мурманскаго пароходства, которое называло себя срочнымъ и гласило, что пароходъ отправляется, между прочимъ, и въ пятницу вечеромъ.

— Въ Архангельскъ ѣдете? — отнесся ко мнѣ благообразный русый купецъ въ сапогахъ бутылками, зудившій за столикомъ чай съ баранками.

— Въ Архангельскъ.

— Вотъ ужъ гдѣ селянками-то рыбными на пароходѣ будете объѣдаться. И дешево, и сердито потчуютъ. Такъ въ пути отъѣдитесь, что и съ парохода лѣнь будетъ сойти.

— Хорошіе пароходы?—заинтересовался я.

— Хорошіе. Все потрафлено въ точку. Даже электричество пущено, но тѣсно... Вѣдь теперь изъ-за мелководья большіе пароходы прямо изъ Вологды не ходятъ, а съ пересадкой... По Сухонѣ до Великаго Устюга махонькіе ходятъ, ну, а въ Устюгѣ на большіе пересаживаются. Изъ Москвы вы?

— Нѣтъ, изъ Петербурга ѣдемъ.

— Ну, вамъ похлебать стерляжьей ушки будетъ лестно. Двинская стерлядь славится, а въ Питеръ она живая не доходитъ. Вотъ трески свѣжепросольной попробуете. Быкъ забодаетъ,—во какой вкусъ.

— Ну, а по новой желѣзной дорогѣ въ Архангельскъ ѣзжали?—поинтересовался мой товарищъ.— Про нее такіе слухи, что будто есть такія мѣста отъ Вологды до Архангельска, что пѣшкомъ скорѣе идти, чѣмъ въ вагонѣ ѣхать.

— Не трафилось ѣздить. Я вологодскій. Я и въ Архангельскѣ-то не бывалъ. Все сбираюсь съѣздить—угодникамъ поклониться, и то сегодня, то завтра...—отвѣчалъ купецъ, вздохнулъ и прибавилъ:—Грѣхи! А вотъ на пароходахъ до Великаго Устюга ѣздимъ. У насъ тамъ дѣла.

Поѣздъ отходилъ отъ станціи въ Вологду въ 11 ч. вечера, а еще не было и девяти часовъ, какъ

въ буфетъ къ намъ зашелъ носильщикъ съ бляхой и таинственно шепнулъ:

— Не желаете-ли сѣсть пораньше въ вагонъ? Поѣздъ уже поданъ.

Разумѣется, мы согласились съ радостью.

И вотъ мы въ вагонѣ второго класса. Вагоны прелестны, просторны, высоки, всѣ подѣлены на купэ, со столиками и ничѣмъ, кромѣ другого цвѣта и обивки, не отличаются отъ вагоновъ перваго класса. У всѣхъ дивановъ поднимаются спинки и все приспособлено для спанья въ два яруса; прекрасная просторная уборная. Такихъ удобныхъ вагоновъ я ни на одной дорогѣ не встрѣчалъ. Прекрасныя сѣтки для багажа. Повсюду поручни для ходьбы.

— Эти-же вагоны и изъ Вологды въ Архангельскъ ходятъ?—спросилъ я носильщика.

— Они самые. Покойной ночи, ваше благородіе. Дай Богъ вамъ счастливо.

— Какъ вагоны-то хороши! Какъ все вездѣ практично устроено,—сказалъ я моему товарищу.

— Восторгъ что такое! Но вотъ надо будетъ попробовать на обратномъ пути въ нихъ изъ Архангельска проѣхать,—отвѣчалъ товарищъ, располагаясь улечься на своей скамейкѣ и возясь съ пледомъ и подушкой.

Сдѣлалъ то-же самое и я. Вскорѣ я заснулъ отличнѣйшимъ образомъ.

— Билеты ваши позвольте...

Мы проснулись. Поѣздъ шелъ полнымъ ходомъ.

Въ купэ нашемъ, гдѣ лежали только мы двое, стояли кондукторъ съ оберъ-кондукторомъ и послѣдній обревизовалъ наши билеты.

— До Вологды ѣдете? Отлично, спите спокойно. Теперь ужъ до утра не потревожимъ. Только подъ Вологдой...—сказалъ онъ, любезно раскланиваясь.

Былъ первый часъ вначалѣ. Я взглянулъ въ окно. Мы неслись среди полей. Колосилась прекрасная рожь. Вдали виднѣлись опушки лѣсовъ. Свѣтло было почти какъ днемъ. Царила тихая блѣдно-сѣрая сѣверная іюньская ночь. Небо было безоблачно. На западѣ виднѣлась багровая полоска вечерней зари.

Я побродилъ по корридору вагона, заглянулъ черезъ дверныя стекла въ сосѣднія купэ. Вагонъ былъ наполовину пустъ. Въ одномъ изъ купэ спалъ только одинъ человѣкъ, былъ и совсѣмъ пустой купэ. Такого простора для пассажировъ ни на одной другой дорогѣ не дождешься.

Отъ Ярославля до Вологды 192 версты. Второй разъ мы проснулись ужъ утромъ, часу въ седьмомъ, подъ Грязовецомъ, отмахавъ верстъ сто сорокъ. Въ купэ наше заглянулъ кондукторъ и сказалъ:

— Чайку въ Грязовецѣ заварить не желаете-ли? Буфетъ.

Мы дали ему нашъ металлическій чайникъ, чай на заварку, велѣли купить двѣ сдобныя булки и отлично встрѣтили улыбающееся намъ утро за

чаепитіемъ около очень удобно приспособленнаго столика.

Въ Вологду мы прибыли около десяти часовъ утра. Пассажировъ въ вагонѣ немножко прибавилось, но насъ въ нашемъ купэ никто не потревожилъ.

Вошелъ въ вагонъ носильщикъ и сталъ собирать наши вещи.

— До извозчика донесите, а извозчикъ пусть насъ свезетъ прямо на пароходъ,—сказалъ я ему.

— Вамъ въ Архангельскъ? Сегодня, господинъ, пароходъ не идетъ.

— Какъ не идетъ? Мы еще вчера видѣли въ Ярославлѣ на станціи объявленіе, гдѣ сказано, что пароходъ идетъ въ пятницу, въ 10 часовъ вечера.

— Никакъ нѣтъ-съ. Отмѣнено. Пароходъ идетъ въ Архангельскъ завтра утромъ.

— Какъ отмѣнено? Но вѣдь это-же срочное пароходство, оно называется срочнымъ, стало быть, отмѣны быть не можетъ.

— А вотъ пожалуйте на станцію и извольте полюбопытствовать. Тамъ въ буфетѣ объявленіе висит̀ъ, что въ субботу утромъ. Здѣсь два пароходства въ Архангельскъ. Съ одной пристани пароходъ выходитъ утромъ, а съ другой, отъ другой, значитъ, компаніи, тоже завтра, но вечеромъ,—говорилъ намъ носильщикъ, ведя насъ на станцію и таща наши вещи.

Когда мы очутились на станціи, то увидали, что слова носильщика подтвердились. Дѣйствительно, на

стѣнѣ было вывѣшено печатное объявленіе „Срочнаго“ Вологодско-Архангельскаго пароходства, гдѣ было сказано, что пароходъ общества „Луза“ отправляется изъ Вологды въ Архангельскъ въ субботу, въ 10 ч. утра, то-есть завтра. Въ объявленіи, кромѣ того, стояло, что пароходъ этотъ освѣщается электричествомъ.

— Какое-же это срочное пароходство, если пароходы не отходятъ въ назначенный срокъ! — дивился я.

— Русь-матушка, Русь! На Руси все такъ!— восклицалъ мой товарищъ.—Въ Америкѣ съ этого пароходства какой-нибудь пассажиръ сейчасъ-бы протори и убытки за просрочку искать началъ и наказалъ-бы за просроченный рейсъ. А русскій пассажиръ терпѣливъ. Онъ все стерпитъ. Поѣдемте въ гостинницу. Что-жъ намъ тутъ на станціи сидѣть?—прибавилъ онъ.

Я все-таки не повѣрилъ объявленію, и въ виду того, что, по словамъ посильщика, пароходная пристань недалеко отъ желѣзной дороги, попросилъ товарища посидѣть съ нашимъ багажомъ на станціи, а самъ поѣхалъ на пристань справиться, какое объявленіе объ отходѣ парохода правильное— вологодское или ярославское, и если пароходъ отходитъ не сегодня вечеромъ, а завтра утромъ, то нельзя-ли хоть ночевать на этомъ пароходѣ.

— Есть здѣсь въ городѣ какая нибудь-такса для извозчиковъ?—спросилъ я носильщика.

— Есть, но никто по ней не ѣздитъ. Всѣ торгуются, и извозчики ѣздятъ дешевле, чѣмъ по таксѣ,—былъ отвѣтъ.

— Сколько-же давать на пристань и обратно?

— Да за тридцать копѣекъ въ лучшемъ видѣ въ оба конца повезутъ, а то и за четвертакъ.

Такъ и было. За тридцать копѣекъ извозчикъ-мальчишка во всю прыть помчалъ меня на пароходную пристань, обѣщаясь доставить за эти-же деньги и обратно.

VI.

Пролетка петербургскаго типа, но безъ верха, прыгала по длинной широкой улицѣ съ мостовой изъ крупнаго булыжника. Улица, какъ бульваръ, была обсажена березами съ бѣлыми стволами. Длинной чередой тянулись деревянные дома, нѣкоторые вновь построенные и щедро украшенные рѣзьбой, а два-три изъ нихъ даже съ зеркальными стеклами. Чувствовался достатокъ владѣльцевъ, домовитость, видно было, что все это строилось для себя, а не для отдачи въ наемъ. Дома чередовались съ садиками, но опять таки засаженными почти исключительно березами. Рѣдко гдѣ выглядывали изъ-за массивнаго тесоваго забора тополь или рябина. Виднѣлась вывѣска агента страховаго общества, вывѣска конторы транспортированія кладей.

Подъѣхали къ рѣкѣ, заставленной гонками съ бревнами и барками. Потянулись по берегу. Рѣка была безъ набережной и по ширинѣ напоминала Фонтанку. Это была рѣка Вологда, впадающая, какъ извѣстно, въ Сухону. Вотъ пристань, выдвинувшаяся къ самому берегу деревяннымъ помостомъ и на помостѣ желтый одноэтажный домъ съ флагомъ. Извозчикъ съѣхалъ на помостъ и остановился передъ домомъ, который былъ конторой Вологодско-Архангельскаго пароходства.

Около конторы и въ конторѣ уже болѣе десятка пассажировъ, пріѣхавшихъ съ поѣзда съ багажомъ и интересующихся временемъ отплытія парохода изъ Вологды. Конторщикъ въ сѣрой пиджачной парочкѣ тычетъ пальцемъ въ печатное объявленіе объ отправленіи парохода „Луза“ и объясняетъ, что пароходъ пойдетъ не сегодня вечеромъ, а завтра утромъ въ десять часовъ.

— Отчего? Вѣдь по росписанію сегодня вечеромъ долженъ идти?—слышатся вопросы.

— Да снизу еще не пришелъ. Придетъ только сегодня поздно вечеромъ.

— Вотъ тебѣ и здравствуй! А мы нарочно подгоняли поѣздомъ изъ Ярославля. Куда-жъ мы теперь съ багажомъ-то?

— А это ужъ ваше дѣло. На то есть гостинницы, постоялые дворы.

— Зачѣмъ-же вы объявляете, что пароходы отходятъ по пятницамъ вечеромъ!

— Да что-жъ намъ подѣлать съ рѣкой-то? Опоздалъ изъ-за обмелѣнія пути. Онъ долженъ былъ вернуться сегодня рано утромъ, а вотъ его и по сейчасъ еще нѣтъ. Впрочемъ багажъ можете оставить здѣсь на пристани людямъ, только мы за него не отвѣчаемъ. Это ужъ съ сторожами сдѣлайтесь.

— А ночевать сегодня на пароходѣ можно? Вѣдь онъ сегодня вечеромъ снизу вернется?—задаетъ кто-то вопросъ.

— Да пожалуй, ночуйте. Только вѣдь его будутъ мыть, чистить. Опять-же неизвѣстно, когда онъ придетъ. Можетъ быть, въ девять часовъ, а можетъ быть и въ часъ ночи. Да чего вы сомнѣваетесь-то? Здѣсь отличныя гостинницы есть, меблированныя комнаты.

— Спутилъ тоже: гостинница! Мы знаемъ тоже, что это гостинница-то значитъ! За все, про все подай. Туда и оттуда на извозчикѣ!—вопила какая-то женщина купеческой складки съ подвязанной щекой, держа за руку мальчика лѣтъ шести въ пальто и въ картузѣ купеческаго покроя съ громаднымъ дномъ. Въ гостинницу! Мы вовсе не такъ трафили. А то поѣхали изъ Москвы угодникамъ поклониться, да и распотрошись въ гостинницѣ!

Подходитъ какой-то чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой и говоритъ конторщику:

— Позвольте, господа... Но вѣдь вы называетесь срочнымъ пароходствомъ, стало быть должны въ сроки приходить и въ сроки отходить, а такими

порядками вы и расчитанное время отнимаете, и удорожаете путь.

— Что-жъ намъ подѣлать съ людьми-то! Обязаны пароходъ доставить сегодня утромъ, а тутъ вдругъ телеграмма. Мы второе объявленіе вывѣсили. Видите: „пароходъ „Луза“, освѣщается электричествомъ“.

Конторщикъ опять сталъ тыкать пальцемъ въ объявленіе на стѣнѣ.

Приходилось ѣхать обратно на станцію, сообщить товарищу о результатѣ своихъ разслѣдованій, забирать ручной багажъ и отправляться въ гостинницу, что̀ я и сдѣлалъ.

Книжечка „Путеводителя по сѣверу Россіи“ рекомендовала въ Вологдѣ гостинницу „Золотой Якорь“, и вотъ мы въ этой гостинницѣ на Соборной площади, она-же и Базарная. На площади, однако, не одинъ соборъ, а соборъ и три церкви, бѣлыя, съ зелеными куполами, каждая самостоятельно огороженная оградами. Гостинница прекрасная, по своей опрятности хоть Москвѣ впору. Принадлежитъ она гласному мѣстной думы купцу Б. и помѣщается въ его-же большомъ четырехэтажномъ каменномъ домѣ, выстроенномъ на петербургскій манеръ. При гостинницѣ совсѣмъ хорошій ресторанъ съ прекрасными обѣдами и столовой, украшенной по стѣнамъ чучелами лѣсной дичи. На стѣнѣ высится даже прекрасно сдѣланное чучело кабаньей головы, а въ углу чучело бѣлаго лебедя съ распростертыми крыльями. Насъ особенно поразило, что въ гостинницѣ, имѣющей болѣе пятидесяти номеровъ, когда мы пріѣхали, нашлись всего только два номера свободные и то только въ четвертомъ этажѣ. Остальные были заняты пріѣзжими.

— Отчего у васъ такой большой пріѣздъ?—спросилъ я корридорнаго.

— Помилуйте... Да у насъ всегда такъ... Теперича и изъ Москвы, и изъ Архангельска... Изъ Питера лѣсники... господа желѣзнодорожники. Да и изъ нашихъ мѣстъ: изъ Кадникова, изъ Устюга. Вотъ водопроводъ ведутъ. Господа инженеры... Нѣмцы понаѣхали.

Дѣйствительно, передъ окнами гостинницы были вырыты траншеи, лежали чугунныя трубы, рабочіе откачивали изъ траншей воду.

Днемъ мы осматривали Вологоду и ея достопримѣчательности, путешествуя на извозчикѣ, которыхъ, кстати сказать, здѣсь для провинціальнаго города очень много и они дешевы.

Вологда имѣетъ типъ Ярославля, съ каменными бѣлыми домами въ центрѣ, съ множествомъ старинныхъ окрашенныхъ въ бѣлый цвѣтъ церквей съ зелеными куполами, но деревянныхъ домовъ въ Вологдѣ все-таки больше, чѣмъ въ Ярославлѣ, и она имѣетъ болѣе привѣтливый видъ, такъ какъ имѣетъ много садовъ, бульваровъ и утопаетъ въ зелени. Насажденія эти состоятъ только изъ березъ и поэтому Вологду можно назвать березовымъ городомъ. Здѣсь не вымерзаютъ, какъ я узналъ, и другія породы деревьевъ, но у волог-

жанъ ужъ такая страсть къ березамъ. Повсюду виднѣются бѣлые стволы. Бульваръ березовый, сады березовые, около церквей въ оградахъ— березы. Въ городѣ по улицамъ, по площадямъ, по пустырямъ ведутся новыя насажденія—и они состоятъ изъ березокъ. Загородное гулянье, состоящее изъ клуба мѣстнаго пожарнаго общества, находится въ березовой рощѣ.

Первымъ дѣломъ мы осмотрѣли домикъ, гдѣ жилъ Петръ Великій. Онъ помѣщается на берегу рѣки Вологды и стоитъ въ хорошенькомъ садикѣ, опять-таки въ березовомъ. Сдѣлано нѣсколько клумбъ съ цвѣтами. Домикъ и садикъ прекрасно содержатся. Домикъ этотъ не дворецъ. Онъ принадлежалъ какому-то голландцу, но въ немъ только жилъ Петръ во время своихъ наѣздовъ въ Вологду. Онъ каменный, одноэтажный, съ массивными дверями, окованными желѣзомъ, и состоитъ только изъ одной большой комнаты съ прихожей.

— Тутъ инвалидъ въ садикѣ проживаетъ,—сказалъ намъ извозчикъ, подвезя насъ къ садику.—Инвалида-старичка спросите, и онъ вамъ все покажетъ!

Мы вошли въ садикъ, стали приближаться къ домику, выходящему на рѣку, и натолкнулись на старинную пушку петровскихъ временъ, а можетъ быть и древнѣйшую. Около пушки на перекладинѣ виситъ мѣдное било—доска, выкроенная въ формѣ колокола. Тутъ-же былъ и инвалидъ—старикъ безъ сюртука въ ситцевомъ ватномъ нагрудникѣ и форменной фуражкѣ, который мелъ дорожки сада.

— Можно посмотрѣть домикъ? — спросили мы.

— Сколько угодно. Пожалуйте... Подождите малость... Я только за ключами схожу.

И старикъ, прислонивъ метлу къ дереву, удалился въ сторожку, помѣщающуюся невдалекѣ отъ домика между березами.

VII.

Вернулся старикъ-сторожъ уже совсѣмъ въ другомъ видѣ — въ парадѣ: на немъ надѣтъ былъ форменный сюртукъ съ нашивками на рукавѣ и съ солдатскими регаліями на груди, въ новомъ, топырящемся кверху, картузѣ и звенѣлъ ключами. Ключи громадные, фунтовъ по пяти вѣсу и навѣрно самого Петра помнятъ.

— Пожалуйте... — сказалъ онъ намъ торжественно, указывая на массивныя двери.

— Много бываетъ посѣтителей? — задалъ я вопросъ.

— Нельзя сказать... Но есть. Больше господа нѣмцы.

— Какіе нѣмцы?

— Наѣзжающіе, которые ежели. Теперича они у насъ по водопроводной части.

Звякнули ключи. Заскрипѣли на ржавыхъ петляхъ двери—и вотъ мы въ домикѣ, гдѣ когда-то жилъ Великій Преобразователь Россіи.

Въ домикѣ нельзя сказать, чтобы было много, что осматривать: темная дубовая тяжеловѣсная мебель конца XVII столѣтія, витрины, очевидно, позднѣйшей работы съ подѣлками изъ кости и рога—работа самого Петра, старинныя монеты, книги, двѣ картины масляными красками на деревѣ, желѣзная кольчуга Петра, подсвѣчники, образцы минераловъ, очевидно, найденные самимъ Петромъ, половина мамонтоваго клыка и прекрасно сохранившіеся деревянные сундуки, окованные желѣзомъ. Есть вещи никогда и не принадлежавшія Петру. Такъ съ потолка виситъ бронзовая люстра съ гранеными хрусталиками стиля ампиръ. Мы тотчасъ замѣтили это.

— Ну, а эта вещь вѣдь не петровская?—сказали мы сторожу.

— Не могу знать-съ. Чиновникъ одинъ пожертвовалъ. Недавно пожертвовалъ. Все равно вещь старинная.

Всѣ вещи прекрасно содержатся, не покрыты слоемъ пыли, какъ это часто бываетъ въ музеяхъ, и всѣмъ имъ имѣется печатный каталогъ, въ которомъ описанъ подробно и самый домикъ. Мы хотѣли пріобрѣсть эту маленькую книжку, но у сторожа оказался всего только одинъ экземпляръ, который онъ бережно хранитъ въ домикѣ.

— Нельзя-ли приготовить къ вечеру? — спросили мы.

— Да нѣтъ больше, совсѣмъ нѣтъ. И у его высокородія нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

— Кто это его высокородіе?

— А который завѣдуетъ.

— Такъ отчего-же не печатаютъ? Вѣдь это пустяки стоитъ. Могли-бы покупать.

— И многіе спрашиваютъ. Я сколько разъ говорилъ ихъ высокородію, что такъ и такъ — спрашиваютъ, но вотъ не печатаютъ.

Что осматривать еще въ Вологдѣ? Въ провинціальныхъ городахъ только и есть осматривать, что старинные храмы. Въ Вологдѣ когда-то жилъ Иванъ Грозный, покинувшій Москву. Гдѣ онъ жилъ, гдѣ былъ его дворецъ, мы такъ и не допытались, но на берегу Вологды сохранилась старинная каменная церковь, около которой явившаяся депутація изъ Москвы просила его вернуться на Москву—и онъ согласился. Мы осмотрѣли ее. Церковь небольшая, ни внутри, ни снаружи ничѣмъ не замѣчательная, кромѣ плохого содержанія: стѣны сильно облупившись и снаружи на углахъ даже кирпичъ обитъ.

Были мы и въ Успенскомъ соборѣ съ прекрасно сохранившеюся древнею стѣнной живописью, можетъ быть и подправленною, но умѣло подправленною. Я осматривалъ много старинныхъ храмовъ въ русскихъ городахъ, и мнѣ кажется, что нигдѣ древняя живопись такъ хорошо не сохранена, какъ въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ. Мы долго ее разсматривали.

Вечеромъ мы были и въ увеселительномъ саду, находящемся за городомъ, за рѣкой Вологдой! Эта березовая рощица новаго насажденія, когда-то, говорятъ, составляла лагерную стоянку квартировав-

шихъ здѣсь войскъ. Рощица эта снята мѣстнымъ пожарнымъ обществомъ, составляющимъ изъ себя нѣчто въ родѣ клуба. Въ рощицѣ имѣется деревянный ресторанчикъ съ гербомъ пожарнаго общества надъ входомъ. Въ рощицѣ сдѣланы дорожки, поставлены скамейки, на площадкѣ на возвышеніи играетъ военный оркестръ музыки, и во время антрактовъ и паузъ музыканты обмахиваются отъ комаровъ березовыми вѣтками. Всѣ съ вѣтками. Комаровъ тучи. Публики въ саду—человѣкъ тридцать. Около ресторана на столѣ самоваръ и какая-то довольно многочисленная семья пила чай. Семья тоже обмахивалась березовыми вѣтками отъ комаровъ. Другая семья прогуливалась съ вѣтками по дорожкамъ сада и разговаривала между собой по-нѣмецки. Пріѣхали два велосипедиста съ подвязанными панталонами у щиколокъ, провели пѣшіе своихъ стальныхъ коней къ ресторану и тоже разговаривали по-нѣмецки.

Нѣмецкую рѣчь пришлось намъ слышать и въ гостинницѣ, въ столовой, во время обѣда. Цѣлая компанія мужчинъ сидѣла за столикомъ, пила пиво и разговаривала по-нѣмецки.

На слѣдующее утро въ одиннадцать часовъ мы были на пароходѣ „Луза" и отплывали отъ пристани. „Срочное" пароходство опоздало отплытіемъ только на одинъ часъ. Намъ предстояло пройти рѣчного пути отъ Вологды до Архангельска 1.132 версты, какъ гласилъ „Путеводитель по сѣверу Россіи". Пароходъ переполненъ пассажирами, хотя

первый классъ сравнительно пустъ. Въ третьемъ классѣ палубные пассажиры набиты, какъ сельди въ бочкѣ. Тутъ странники въ порыжѣлыхъ скуфьяхъ и картузахъ, странницы, закутанныя въ черные байковые платки, богомолки въ пестрыхъ платкахъ, женщины съ плачущими ребятами, семинаристы въ форменныхъ фуражкахъ, мелкіе приказчики въ пиджакахъ, картузахъ и сапогахъ бутылками. Все это расположилось на палубѣ, за неимѣніемъ скамеекъ на полу, на котомкахъ съ жестяными чайниками, съ берестяными бураками. Торчатъ протянутые самодѣльные посохи, валенки и лапти, лапти безъ конца — лапти лыковые, лапти веревочные, лапти берестовые, кожаныя опанки. Половина пассажировъ третьяго класса переобувается, встряхиваетъ онучи, другая половина принялась уже за ѣду. Вездѣ запасены цѣлые караваи хлѣба, по большей части бѣлаго. Слышенъ сѣроводородистый запахъ трески, кислый запахъ сырого овчиннаго полушубка, луку, пучками разложеннаго почти около каждаго пассажира, кухоннаго чада, ибо пароходная кухня здѣсь-же и уже начала свои дѣйствія. Пахнетъ угаромъ изъ самоваровъ, которые выставилъ около кухни въ рядъ мальчикъ, подручный буфетчика и начиниваетъ ихъ трубы не прогорѣвшими еще головешками вмѣсто углей. Бродятъ спотыкающіеся о ноги сидящихъ сборщики на церкви и причитаютъ монахини съ книжками и съ ридикюлями. И какое множество здѣсь этихъ сборщиковъ и сборщицъ!

Когда пароходъ отваливалъ отъ пристани, мы стояли на штурвалѣ, гдѣ помѣщаются рулевые около руля. Штурвалъ этотъ въ то же время и верхняя палуба для пассажировъ первыхъ двухъ классовъ, какъ объяснила намъ пароходная прислуга; но эта верхняя палуба была переполнена третьеклассными пассажирами—семинаристами въ форменныхъ фуражкахъ, только окончившими переходные изъ класса въ классъ экзамены, и ѣдущими на каникулы къ родителямъ. Ихъ было, какъ объяснили мнѣ сами семинаристы, болѣе шестидесяти человѣкъ. Они безцеремонно заняли всѣ скамейки, предназначенныя для пассажировъ первыхъ двухъ классовъ, отчаянно дымили папиросами, толпились около рулевого колеса и даже мѣшали рулевымъ. Капитанъ въ шведской фуражкѣ съ золотымъ позументомъ и даже съ бородой, выкроенной на шведскій ладъ, хотя чистѣйшій русскій человѣкъ, говорящій на „о", нѣсколько разъ просилъ семинарскую братію „осадить назадъ", но тщетно. Среди пассажировъ первыхъ двухъ классовъ начался ропотъ на несправедливое отнятіе у нихъ мѣстъ третьеклассниками еще до отхода парохода, но семинаристы не внимали, оставались попрежнему на скамейкахъ, и когда пароходъ тронулся, вздумали утѣшать своихъ спутниковъ пѣніемъ.

— Молебенъ... молебенъ... — слышалось среди семинарской толпы.

— Зачѣмъ молебенъ? Два-три стихера... Кондакъ... ирмосъ.

Звукъ камертона. Стали раздаваться голоса, всѣ семинаристы встали—и послышалось стройное церковное пѣніе. Голоса были молодые, свѣжіе, какъ всегда и всюду въ Россіи, басы лучше и сильнѣе теноровъ, но первые не старались перекричать вторыхъ и все-таки все выходило довольно гармонично.

Вологда, по которой мы плыли внизъ, рѣка довольно узкая. Народъ, шедшій по берегу, заслыша церковное пѣніе, останавливался, снималъ шапки и крестился.

VIII.

ПАРОХОДЪ „Луза" давно уже миновалъ городъ; по правую и по лѣвую сторону берега шли лѣса молодого березняка, а семинаристы не сходили съ верхней палубы и все пѣли. Церковное пѣніе перешло въ свѣтское, но странное дѣло—все какъ-то походило на духовное, кончаясь протяжными цѣльными нотами. Даже извѣстная пѣсня „Внизъ по матушкѣ Волгѣ", которую семинаристы пѣли, вставляя въ нее какіе-то плясовые напѣвы—и та — нѣтъ-нѣтъ да и отзовется великопостнымъ мотивомъ „Помощникъ и Покровитель". Свѣтскихъ пѣсенъ и романсовъ, переложенныхъ для хора, они пѣли очень много, но ре-

пертуаръ у нихъ какой-то допотопный. Всѣ пѣсни и романсы, которые они пѣли, были когда-то популярны въ обществѣ, но самый молодой изъ романсовъ считался въ модѣ не ближе, какъ тридцать лѣтъ назадъ. Пѣли они: „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любилъ“, „Вечерній звонъ“, „Гдѣ наша роза, друзья мои“, „Вечоръ поздно изъ лѣсочка я гусей домой гнала“ и т. п.

Кончилось тѣмъ, что семинаристы окончательно надоѣли своимъ пѣніемъ. Нѣкоторые пассажиры стали уже просить ихъ, чтобы они перестали пѣть, но они не унимались. Слышались отвѣты:

— На пароходѣ каждый можетъ заниматься, чѣмъ онъ хочетъ. Не нравится—не слушайте.

Скамейки попрежнему были сплошь заняты семинаристами и заняли они самыя лучшія скамейки подъ навѣсомъ и огражденныя сѣткой отъ искръ, въ огромномъ количествѣ вылетающихъ изъ трубы. Перво- классные и второклассные пассажиры могли ютиться на верхней палубѣ только внѣ навѣса на табуретахъ, принесенныхъ изъ каютъ, а потому искры такъ и обсыпали ихъ, вылетающія изъ трубы вмѣстѣ съ чернымъ дымомъ. То и дѣло слышалось:

— Смотрите... Вы горите... У васъ на рукавъ пальто искра попала.

— Батюшки! Даже цѣлая головешка! А я и не слышу!—раздается восклицаніе.

У товарища моего прожгло фетровую шляпу, у чиновника въ форменномъ пальто затлѣлось сукно на плечѣ. Пассажиры двухъ первыхъ классовъ,

имѣющіе право на верхнюю палубу, справедливо возопіяли. Пришлось черезъ капитана вразумлять безцеремонныхъ третьеклассныхъ путешественниковъ, чтобы тѣ очистили скамейки подъ навѣсомъ.

Капитанъ мялся. Ему почему-то не хотѣлось удалять семинаристовъ. Наконецъ, онъ началъ какъ-то обиняками вразумлять семинаристовъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ уступилъ мѣсто. Тѣ не слушались. Но двое-трое поднялись.

— Скажите пожалуйста, да верхняя палуба не принадлежитъ третьеклассным пассажирамъ?— спрашивали капитана.

— Какъ вамъ сказать... У насъ на нижней-то палубѣ очень тѣсно. Пароходишко маленькій... А вѣдь мы третьимъ классомъ только и сыты,—былъ отвѣтъ.—Къ тому-же они поютъ... утѣшаютъ публику.

— Богъ съ ней... съ этой утѣхой!

Разговоръ происходилъ при семинаристахъ. Взрослые стали возражать:

— Всегда ѣздили на верхней палубѣ. Вотъ ужъ я четвертый годъ ѣзжу на каникулы и всегда такъ...

— Пѣвчіе наши вологодскіе...—замѣтилъ снисходительно кто-то въ картузѣ и сапогахъ бутылками.

Опять возгласъ:

— Смотрите, смотрите! Вы горите.

— Тьфу ты пропасть! Новое пальто. Да тутъ невозможно сидѣть. Искры, какъ дождь...

— Отчего у васъ нѣтъ сѣтки на трубѣ?—спра-

шиваю я капитана.—Вѣдь искры пережгутъ насъ всѣхъ.

— Сѣтка у насъ есть... Есть сѣтка... Но ее невозможно надѣть на трубу—сейчасъ ходъ парохода замедляетъ. А мы ужъ и такъ полземъ...

И дѣйствительно, пароходъ и безъ сѣтки сейчасъ-же сталъ убавлять ходъ. На носъ парохода выскочили два матроса съ размѣреннымъ дѣленіемъ на шестѣ и стали измѣрять глубину.

— Мель?

— Очень мелко. Надо держать ухо востро.

Рулевые встрепенулись. Капитанъ подскочилъ къ рулевому колесу и сталъ помогать рулевымъ вертѣть его. Съ носа слышались возгласы:

— Девять! Семь... Восемь... Шесть... Семь... Пять...

— Что это: только пять футъ глубины?—спросилъ я.

Капитанъ усмѣхнулся.

— Какое!—сказалъ онъ. — Кабы пять-то футъ, то слава Богу. А то четвертей.

— Аршина?

— Да, да... Пять четвертей аршина. Только аршинъ съ четвертью. Оттого на маленькомъ плоскодонномъ пароходикѣ и идемъ. А то ходили-бы на большомъ. Вотъ ужъ ближе какъ въ Устюгѣ пересадки вамъ быть не можетъ.

— А на пристани въ конторѣ говорили, что пересадка на большой пароходъ въ Тотьмѣ.

— Мало-ли что говорятъ! И въ Устюгѣ-то еще

встрѣтимъ-ли большой пароходъ. Не пришлось-бы ниже идти. Страсть, какъ обмелѣло.

— А до Устюга отъ Вологды сколько верстъ?

— Болѣе пятисотъ. А до Тотьмы только двѣсти шестьдесятъ.

— Восемь...—раздалось съ носа.—Десять... Девять... Десять... Десять...

Голосъ умолкъ.

— Ну, вотъ и проѣхали мелкое мѣсто,—сказалъ капитанъ.—Теперь не скоро мель будетъ.

Онъ снялъ картузъ, перекрестился, пробормоталъ рулевымъ:—„ну, вы тутъ, ребята, посматривай хорошенько“—и сталъ сходить внизъ со штурвала.

Семинаристы продолжали одолѣвать и хозяйничать на верхней палубѣ, не допуская никого на прикрытыя навѣсомъ скамейки. Уходившихъ замѣщали только свои. Нѣкоторые, сходивъ внизъ, вернулись съ ситнымъ хлѣбомъ и начали тутъ-же трапезовать. Они вынимали изъ кармановъ крутыя яйца, били ихъ тутъ-же, облупливали отъ скорлупы и ѣли. Ихъ спрашивали:

— Теперь скоро ваша компанія таять начнетъ? На привалахъ-то вѣдь сходить то одинъ, то другой будутъ?

— Ну, какъ вамъ сказать... Ближе Тотьмы-то, я думаю, никто не слѣзетъ,—сказалъ рослый усатый семинаристъ.—Все дальніе ѣдутъ.

— А когда въ Тотьму придемъ?—обращаются съ вопросомъ къ рулевымъ.

— Да ближе какъ къ ночи сегодня не придти,— неохотно отвѣчаютъ они.

Пассажиръ купеческой складки въ картузѣ и сапогахъ бутылками машетъ рукой и смѣется.

— Ну, ужъ коли такъ говорятъ, то смѣло считай, что только къ утру придемъ, на зарѣ.

— И въ Тотьмѣ-то врядъ-ли кто изъ нашихъ сойдетъ,—продолжаетъ семинаристъ.—Я не знаю, ѣдетъ-ли кто съ нами изъ тотьменскихъ? — обращается онъ къ товарищамъ.

Надежда освободиться сегодня хоть отъ малой доли семинарской братіи исчезла.

Чиновникъ въ пальто министерства народнаго просвѣщенія и въ фуражкѣ съ кокардой начинаетъ съ ними разговаривать.

— Много васъ уѣзжаетъ на лѣто? — спрашиваетъ онъ.

— Да почти что всѣ. Остаются только вологодскіе. Вчера многіе уѣхали, третьяго дня. Мелочь-то вся вчера уѣхала. Сегодня только старшіе...

— Философы, богословы?

— Да... Оттого мы и поемъ безъ альтовъ и дискантовъ. При полномъ-то хорѣ куда было-бы лучше,—замѣтилъ высокій, стройный, одѣтый въ хорошее драповое пальто семинаристъ, видимо очень занятый своей физіономіей, потому что то и дѣло причесывался щеточкой и глядѣлся въ имѣющееся въ ней маленькое зеркальце.

— А у васъ философію какъ проходятъ? Позитивную философію читаютъ? Про Огюста Конта упоминаютъ? Шопенгауеръ какъ у васъ? Игнорируется?

— Не худо-бы поѣсть чего-нибудь, — замѣтилъ мнѣ мой товарищъ.—Берега низкіе, однообразные, поросшіе лѣсомъ. Любоваться положительно нечѣмъ. Береза и береза и ничего больше... Ни селенія, ничего... Пойдемте-ка, закажемъ ушки изъ стерлядочки.

— Дальше, господинъ, красивые берега пойдутъ, дальше, когда въ Сухону войдемъ, — замѣчаетъ картузъ въ сапогахъ бутылками.

— А скоро будемъ входить въ Сухону?—спросили мы.

— Теперь скоро. По рѣкѣ Вологдѣ пароходъ идетъ только тридцать четыре версты и все мѣста низкія... березнякъ... А вотъ тамъ по Сухонѣ, когда Озера проѣдемъ...

— А что это такое Озера?

— Такое мѣсто, гдѣ рѣка весной разливается на семьдесятъ пять верстъ. Ѣдешь весной на пароходѣ—и словно по морю.

Мы позвонили офиціанта, заказали ему уху, а сами стали дожидаться впаденія Вологды въ Сухону.

Въ Сухону пароходъ входитъ протокомъ, носящимъ названіе „Прокопа“. Есть селеніе, но ничего замѣчательнаго, ничего живописнаго. Войдя въ Сухону, мы спустились въ каюту.

IX.

Передъ обѣдомъ я опять осматривалъ палубу третьяго класса. Боже мой, какъ ужасно помѣщены третьеклассные пассажиры! Приспособленій никакихъ. Для сидѣнья всего три-четыре рѣшетчатыя скамейки. Ни табуретовъ, ничего. Всѣ врастяжку, на полу, около пароходныхъ канатовъ, ведеръ, боченковъ, тюковъ съ товаромъ, прикрытыми грязными брезентами. Насорено яичной скорлупой, остатками сушеной рыбы, подсолнухами. Было понятно, отчего семинаристы не могли сидѣть на нижней палубѣ, предоставленной третьему классу, и всѣ вынырнули на верхнюю палубу перваго и второго классовъ. Около машинной топки и паровыхъ котловъ буквально пекло какое-то. Итакъ уже день былъ жаркій, и солнце палило во всю, а тутъ еще костеръ дровъ, безпрерывно горящій въ топкѣ, вонь испаряющагося масла, то и дѣло вливаемаго въ поршни машины.

Третьеклассники, пообѣдавшіе раньше насъ чѣмъ Богъ послалъ изъ своихъ запасовъ, спали уже врастяжку на полу. Ноги, ноги безъ конца. Трудно пройти, лавируя между протянутыхъ ногъ. Приходится шагать черезъ спящихъ. Офиціанты изъ буфета, привыкшіе уже къ этой тѣснотѣ, очень легко перепрыгивали черезъ ноги, имѣя въ рукахъ миски съ селянками и порціи битковъ, которыя они разносили по каютамъ первыхъ двухъ классовъ. Это были совсѣмъ эквилибристы. Надо было дивиться, какъ при этихъ прыжкахъ порціи не выскакивали у нихъ изъ рукъ.

На наше замѣчаніе объ ужасномъ помѣщеніи третьяго класса, пароходная прислуга отвѣчала:

— Зато дешево возимъ, дешевле Кострова возимъ.

В. В. Костровъ съ сыновьями, содержатели „Сѣверно-Двинскаго пароходства", дѣлающаго рейсы также между Вологдой и Архангельскомъ, конкуренты Вологодско-Архангельско-Мурманскаго пароходства, на пароходѣ котораго мы ѣздили.

— Сколько берете съ третьеклассниковъ отъ Вологды до Архангельска?

— Три рубля. А иная компанія торгуется, такъ и уступаемъ. У насъ сейчасъ человѣкъ десять есть богомольцевъ, которыхъ Христовымъ именемъ веземъ. Имѣются билеты четвертаго класса и по нимъ возимъ даже за половинную цѣну.

— Какъ? Еще есть четвертый классъ? Да гдѣ-же онъ помѣщается?—воскликнулъ я, пораженный неудобствомъ помѣщенія третьяго класса.

— Да тутъ-же, гдѣ и третій классъ. А только кто съ билетомъ четвертаго класса ѣдетъ, тотъ обязанъ помогать нашимъ матросамъ дрова таскать съ берега на пароходъ, когда мы останавливаемся брать топливо. Да скоро передъ селомъ Шуйскимъ остановимся, такъ вы увидите.

— Вотъ еще какой странный обычай!—замѣтилъ

мой товарищъ.—И много такихъ пассажировъ ѣдетъ?

— Человѣкъ пятнадцать — двадцать. Многіе льстятся, да мы не беремъ.

Каюты первыхъ двухъ классовъ хоть не комфортабельны, но сносны. Общія каюты съ мягкими диванами составляютъ и столовую, и спальню. Посреди каюты столъ, покрытый клеенкой и постоянно уставленный двумя-тремя самоварами. Самоваръ съ чайными приборами подаютъ за 15 копѣекъ. Чай и сахаръ почти у всѣхъ свой. А возятъ дѣйствительно не дорого. За билетъ перваго класса (1.132 версты пути), съ отдѣльной каютой на двоихъ, съ насъ взяли по 11 рублей. Въ каюткѣ удобно спать двоимъ, имѣется столъ, пригодный для игры въ карты, два складныхъ стула, зеркало и электрическій рожокъ для освѣщенія.

Самое лучшее на пароходѣ—это буфетъ, сравнительно очень не дорогой и приличный. Имѣются обѣды, но ихъ мало кто ѣлъ, всѣ заказывали по порціямъ. Рыбныя блюда поваръ стряпалъ отлично, да ихъ, главнымъ образомъ, всѣ и ѣли. За полтинникъ такая порція стерляжьей ухи, что ее хватитъ для какого угодно аппетита.

Пообѣдавъ, мы опять отправились на верхнюю палубу. Компанія семинаристовъ порѣдѣла. Половина ихъ, закусивъ всласть, отправилась на нижнюю палубу спать. Проходя по ней наверхъ, мы видѣли ихъ человѣкъ пять, какъ они, свернувшись калачикомъ, спали на полу около двери уборной перваго класса, уткнувшись въ свои котомки.

Пароходъ плылъ ужъ по рѣкѣ Сухонѣ. Рѣка Сухона не была шире нашей петербургской Малой Невки. Берега сдѣлались нѣсколько возвышеннѣе и на нихъ попрежнему виднѣлся березовый лѣсъ. Кое-гдѣ, но очень рѣдко, попадались на берегу деревни съ хорошими двухъэтажными избами, крытыми тесомъ. Соломенныхъ крышъ не видать нигдѣ. Оазисами виднѣется колосящаяся рожь, посѣвы овса, льна. По виду большихъ крѣпкихъ избъ чуется достатокъ. Изъ двухъ-трехъ деревень отъ берега отплывали лодки и привозили на пароходъ пассажировъ. Пароходъ останавливался. Пассажиры были крестьяне и бабы. Мнѣ ужасно странно показалось, что, подъѣхавъ къ пароходу, они торговались.

— Сколько возьмете до Покровскаго?—слышится съ лодки бабій голосъ. Намъ только до Покровскаго.

— Да что съ васъ взять-то? Ну, шесть гривенъ,—откликается съ парохода кто-то, свѣсясь за бортъ.

— Съ двоихъ?—раздается изъ лодки мужской голосъ.

— Экъ хватилъ! знамо дѣло, съ одного.

— А ты съ двоихъ шесть-то гривенъ возьми.

— Мы до Благовѣщенья—и то за полтину возимъ.

— Ну, семь гривенъ за двоихъ.

— Да васъ сколько ѣдетъ?

— Трое. Я да двѣ бабы. Мы дровецъ пособимъ вамъ потаскать.

— Не надо. И такъ ужъ добровольцевъ набрали

выше мѣры. Съ троихъ полтора рубля, такъ садитесь.

— Впусти троихъ за рубль.

— Ну, рубль двадцать и полѣзайте.

— Скости еще гривенничекъ.

— Чего вы, черти, торгуетесь! Только пароходъ задерживаете! Вѣдь ужъ и такъ дешево беру.

На бортъ парохода лѣзетъ пассажиръ въ мѣховой шапкѣ. За нимъ бабы. Бабъ съ парохода подхватываютъ за руки, потомъ поперекъ тѣла. Изъ лодки передаютъ на пароходъ котомки, пару караваевъ хлѣба, бураки, полушубки. Ни трапа, ни веревочной лѣстницы, никакихъ приспособленій для взятія пассажировъ съ лодки.

— Узнай, есть-ли деньги-то у нихъ! Кузьма! Узнай!—кричитъ съ верхней палубы кому-то капитанъ про пассажировъ, когда ужъ лодка стала отъѣзжать отъ парохода.

— Есть, есть, кормилецъ!—голоситъ снизу баба.

— А развѣ бываетъ, что безъ денегъ садятся?—задаю я вопросъ капитану.

— Сколько угодно и въ лучшемъ видѣ. Особливо богомолки. Да и крестьяне. Сторгуется компанія, влѣзетъ на пароходъ, а потомъ оказывается, что половины денегъ у нихъ не хватаетъ. А богомолки такъ прямо въ ноги... Довези Христовымъ именемъ,—разсказывалъ капитанъ.

— Что-же вы съ ними дѣлаете?

— Да ино какъ... Ино веземъ, а ино на лодку, да и ссаживаемъ на берегъ. Ну, немножко-то не хватаетъ, такъ прощаемъ, а то заставляемъ дрова таскать, полы подметать. Да вѣдь врутъ часто. Говорятъ что не хватаетъ, а у самихъ въ онучахъ запрятано. О-о-охъ, какъ надо ухо востро держать съ этимъ народомъ! И опять надо быть съ понятіемъ, чтобы видѣть, кто причалилъ, кто подъѣзжаетъ къ пароходу. Иныхъ вѣдь и не принимаемъ. Лодка подъѣзжаетъ, намъ машутъ, а мы мимо. Охъ, какъ нужно строго быть съ этимъ народомъ!

Но капитанъ только говорилъ о строгости, а на самомъ дѣлѣ держалъ себя съ подобными пассажирами самымъ благодушнымъ, добросердечнымъ образомъ. Минутъ черезъ десять явился тотъ самый Кузьма, которому онъ приказывалъ узнать, есть-ли деньги у новоприбывшихъ пассажировъ, и сообщилъ:

— А гривенника такъ и не додали. Что съ ними дѣлать?

— Ну, Богъ съ ними.

Черезъ четверть часа пароходъ остановился около берега запасаться топливомъ. Это была первая остановка съ отплытія нашего изъ Вологды. Берегъ былъ поросшій мелкимъ березнякомъ. Стояли въ штабеляхъ березовыя длинныя дрова. Около нихъ топтались два мужика. Селенія никакого. Пристани тоже никакой. Только два столба для причаловъ. Матросы закинули причалы, мужики подхватили ихъ, надѣли на столбы, перекинули съ парохода на берегъ не сплоченныя между собой доски и по нимъ побѣжали штатные дровоносцы и пассажиры четвертаго класса на берегъ за дровами.

X.

И УВИДѢЛИ мы воочію, что такое четвертый классъ „Срочнаго Вологодско-Архангельскаго пароходства“. Пассажиры этого класса, мужчины и женщины, сошедшіе на берегъ, возвращались обратно на пароходъ, балансируя съ охапками дровъ по зыбкимъ доскамъ и держа эти дрова прямо въ своихъ объятіяхъ, прижавъ ихъ къ груди—кто три полѣна, кто четыре, глядя по силѣ и способности. Никакихъ малѣйшихъ приспособленій для переноски дровъ на пароходъ сдѣлано не было, если не считать выкрика одного изъ рулевыхъ: „повеселѣй, повеселѣй, ребята!“ Пароходная прислуга, штатные дровоносцы, такъ у тѣхъ имѣлись хоть шесты, не носилки, а шесты, на которые они накладывали поперекъ дрова и вдвоемъ ихъ перетаскивали, но у ихъ помощниковъ, пассажировъ четвертаго класса, и этого не было. Дѣлалось все это, не взирая на покрикиванія „веселѣй“, ужасно медленно. По доскамъ люди шли на пароходъ, какъ муравьи по стволу дерева, пестрой лентой одинъ за другимъ, но, сбросивъ тамъ дрова, не могли тотчасъ-же возвращаться на берегъ за новой ношей, а должны были выжидать, пока вся лента не войдетъ на пароходъ и ужъ тогда одинъ за другимъ шли на берегъ, ибо сходни положены были только одни и настолько узки, что по нимъ встрѣчнымъ не разойтись.

Такая носка дровъ продолжалась около часа. Очевидно, вблизи этого мѣста была деревня, потому что около дровъ сейчасъ-же появились босыя бабы, дѣвушки и ребятишки съ кринками молока и продавали это молоко бутылки за двѣ, за три вмѣстѣ съ кринками за пять-шесть копѣекъ. Была у ребятишекъ и лѣсная земляника въ берестяныхъ корзиночкахъ. За три копѣйки отдавали съ радостью фунта два. Я нарочно упоминаю о цѣнѣ, чтобы показать, какъ здѣсь деньги дороги. На станціи Рыбинско-Бологовской дороги бабы за бутылку молока требовали пятіалтынный и меньше не отдавали, дѣвченки, предлагая землянику въ количествѣ не болѣе полуфунта, отъ пятачка отворачивались. Обратилъ я вниманіе и на кринки, черносизыя, плохо обожженныя, напоминающія ископаемую глиняную посуду каменнаго вѣка.

Также обратилъ я вниманіе и на пассажировъ четвертаго класса, таскающихъ дрова. Мужчины были буквально въ рубищѣ, одинъ былъ въ форменной замасленной фуражкѣ, другой длинноволосый въ порыжѣлой скуфьѣ и въ чемъ-то напоминающемъ подрясникъ. Бабы были лучше одѣты, почти всѣ въ красный ситецъ. Между ними была женщина въ городскомъ платьѣ — въ фланелевой блузѣ и въ синихъ очкахъ, пожилая. Эта послѣдняя, дабы не марать блузу, таскала только по два полѣна, держа ихъ въ одной и другой рукѣ, не прислоняя къ себѣ. Замѣчательно, что молодыхъ ни среди мужчинъ,

ни среди женщинъ не было, все пожилые или совсѣмъ старые.

— Хоть-бы вы имъ веревки дали для носки дровъ—все-бы имъ было удобнѣе,—замѣтилъ я распорядителю надъ ними, командующему съ борта парохода.

— Зачѣмъ! Такъ ужъ заведено... Они и безъ веревокъ хорошо таскаютъ,—отвѣчалъ онъ.—А вотъ теперь время послѣ обѣда... наѣвшись они вплотную... спали... а мы ихъ разбудили—вотъ со сна-то ободлѣвши и выходитъ заминка. Повеселѣй, повеселѣй, ребята! Повеселѣй, тетки!—закричалъ онъ.—Теперь живо... Теперь не много осталось.

Я размышлялъ: будь это гдѣ угодно, кромѣ Руси-матушки, навѣрное для перемѣщенія дровъ на пароходъ сдѣлали-бы какія-нибудь приспособленія—вагонетки, что-ли, которыя къ пріѣзду парохода стояли-бы уже нагруженныя дровами. Ихъ сразу ввезли-бы по прочнымъ сходнямъ съ рельсами на пароходъ, вывалили-бы въ трюмъ или на палубу, и пароходъ тотчасъ-же двинулся-бы далѣе, занявъ на нагрузку какіе-нибудь четверть часа.

А тутъ мы простояли болѣе часа, не взирая на подбадривающіе крики распорядителя.

Я высказалъ свои соображенія этому распорядителю.

— Помилуйте, да развѣ такъ возможно! Вѣдь мы прежде всего дрова-то должны принять отъ поставщика, вымѣрять ихъ,—отвѣчалъ онъ.

— Вонъ нашъ поставщикъ стоитъ, тотъ, что борода-то лопатой. Мужикъ хитрый. Въ одно ухо вдѣнь, въ другое вынь. А то говорите: нагруженныя уже телѣжки! Какъ возможно!

— Да и телѣжки могутъ быть уже вымѣренныя, одного образца.

— Невозможное дѣло.

На этомъ разговоръ покончился.

Наконецъ, пароходъ далъ свистокъ. По сходнямъ побѣжали, балансируя, пассажиры, выходившіе на берегъ поразмять ноги. Еще свистокъ, еще... Отъ берега бросили причалы, втянули ихъ на пароходъ и началась вторая возня. Оказалось, что пароходъ сидѣлъ на мели. На носу и на кормѣ скопились матросы и шестами сдвигивались съ мели, но пароходъ не двигался. Бѣгалъ какой-то пиджакъ въ картузѣ и сапогахъ бутылками и кричалъ на матросовъ:

— Черти! Дьяволы! Неужто поналечь на шесты хорошенько не можете! Вотъ нагуляли жиру-то! Протоптаться не могутъ! Навались, навались, ребята!

Что-то сильно скрипнуло. Машина запыхтѣла, колеса завертѣлись, и пароходъ тронулся.

Сухона становилась шире, берега поднимались выше, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ попадались обрывы со сплывшими съ берега внизъ къ водѣ деревьями, въ обрывахъ среди глины виднѣлись бѣлыя прослойки известки и гипса.

Черезъ часъ мы подходили къ богатому большому селу Шуйскому. Раскинулось оно довольно живо-

писно. Двѣ церкви. Есть дома даже обшитые тесомъ и окрашенные въ сизо-голубой, желтый и розовый цвѣта. На нѣкоторыхъ домахъ замѣтна рѣзьба, оконныя украшенія расписаны въ нѣсколько колеровъ.

Здѣсь пароходъ также принялъ пассажировъ, подъѣхавшихъ на лодкѣ, но эти пассажиры ужъ не торговались. Ихъ было двое, купеческой складки, съ громадными подушками въ красныхъ кумачевыхъ наволочкахъ. Бороды у пассажировъ обстоятельныя, внушающія довѣріе. Пассажиры эти прямо ужъ съ лодки крикнули:

— Намъ во второй классъ до Устюга, господа хозяева! Есть-ли мѣста-то?

Семинаристы опять на верхней палубѣ и поютъ. Скамейки снова заняты ими. Двое играютъ въ орлянку на мѣдныя деньги. Одинъ читаетъ книжку. Мнѣ удалось увидать ея заглавіе: „Рокамболь“. Пассажиры перваго и второго класса опять ропщутъ на занятыя мѣста. Сухой, угреватый семинаристъ въ утѣшеніе имъ объявляетъ:

— Въ Тотьмѣ трое изъ насъ сойдутъ съ парохода, да не доѣзжая до Тотьмы одинъ на лодку выйдетъ, а остальные всѣ дальше ѣдутъ. Вотъ въ Устюгѣ Великомъ—тамъ компанія наша совсѣмъ порѣдѣетъ. Въ Тотьму придемъ часа въ четыре утра.

— А говорили, что къ полуночи, — замѣчаетъ кто-то.

— Мало-ли что говорятъ! Мы ужъ на пароходахъ-то этихъ ѣздимъ не первый годъ. Знаемъ... Коли говорятъ, что въ полночь—ну, и насчитывай еще часа четыре прибавки. Для дровъ по долгу стоитъ.

Я и мой товарищъ отправились въ каюту пить чай. Слуга подалъ намъ самоваръ.

— А много такихъ дровяныхъ остановокъ въ пути?—спросили мы его.

— Я ѣзжу только по Сухонѣ, до Великаго Устюга, — отвѣчалъ онъ и прибавилъ: — Да до Устюга-то разъ пять остановимся.

— По часу, такъ пять часовъ на одну стоянку для запаса дровъ,—замѣтилъ мой товарищъ. А Путеводитель говоритъ, что отъ Вологды до Устюга пятьсотъ съ чѣмъ-то верстъ. Это меньше, чѣмъ полпути. Стало быть, на весь путь дровяной стоянки часовъ двѣнадцать.

Но на самомъ дѣлѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, этой стоянки куда больше было въ пути.

XI.

Въ Тотьму пріѣхали ночью, когда мы спали. На палубѣ загромыхали, закричали. Пароходъ превратился въ толчею. Громыханье такое бываетъ только на мельницѣ.

Мы тотчасъ-же проснулись въ своей каютѣ и поднялись наверхъ. Пароходъ стоялъ на прича-

лахъ. Таскали дрова. Семинаристы сошли ужъ на берегъ, карабкаясь по крутому берегу. Трое или четверо изъ нихъ были съ котомками и подушками и укладывали свои вещи въ тарантасъ, отправляясь въ родительскіе приходы. Лошади позвякивали бубенчиками. На берегу стояли и городскіе извозчики въ дрожкахъ, на которыя надо садиться сѣдокамъ другъ къ другу спиной. Такія дрожки еще въ пятидесятыхъ годахъ были въ Петербургѣ. Пассажиры на пароходѣ спрашивали, сколько будемъ стоять въ Тотьмѣ.

— Часа два простоимъ,—былъ отвѣтъ пароходнаго начальства.

— А можетъ быть и меньше?

— Можетъ быть и меньше. А вамъ городъ посмотрѣть, что-ли? Такъ вы выходите. Мы будемъ давать свистки. Три свистка дадимъ.

— Навѣрное больше, чѣмъ два часа. Такъ только говорятъ,—сказали два священника и рѣшили съѣздить въ древній Спасо-Суморинъ монастырь, находящійся на окраинѣ города. — Преподобному Ѳеодосію Суморину въ лучшемъ видѣ успѣемъ поклониться. Возьмемъ возницу и живо. Двинемся поскорѣй.

Они отправились.

Сошли и мы на берегъ. Всходило солнце. Пріятный холодокъ возбуждалъ нервы.

Первое, что бросилось намъ въ глаза—нѣсколько шалашей, расположившихся подъ береговымъ обрывомъ, почти у воды. Въ нихъ торговали хлѣбомъ,

баранками, мыломъ, черносливомъ, веревками, сушеной рыбой, селедками, чаемъ и сахаромъ. Были и такіе предметы, какъ карамель, черносливъ и шоколадъ въ плиткахъ, а въ одномъ изъ шалашикокъ стояли на полкѣ даже книги. За прилавками стояли больше бабы, но книгами торговалъ мужчина. Мы полюбопытствовали, какія это книги. Книги оказались стародавней московской стряпни. Въ послѣдніе годы, когда явилось издательское товарищество Сытина, такихъ книгъ и въ Москвѣ не издаютъ. Это были сонники, оракулы, изданные на толстой бумагѣ, гадательныя книжки, пѣсенники, „Сказаніе о томъ, какъ солдатъ спасъ Петра Великаго.„ Между этими книгами я замѣтилъ романъ „Тайны Мадридскаго Двора“ и книжки стихотвореній неизвѣстныхъ мнѣ авторовъ, очевидно проданныя на пуды.

Городъ Тотьма расположенъ на высокомъ берегу. Пароходъ остановился у крутого обрыва, около котораго къ берегу продѣланъ спускъ для лошадей. Отъ лавченокъ на верхній берегъ идутъ двѣ лѣсенки, деревянныя ступеньки коихъ прибиты кольями прямо къ землѣ. Тотьма очень красивый городъ съ бѣлыми подъ зелеными куполами старинными церквами. Путеводитель говоритъ, что въ немъ 3.450 жителей. Раскинутъ онъ узкой лентой по Сухонѣ и ея притоку, носящему удивительно странное наименованіе: Песья Деньга, на которой и стоитъ Спасо-Суморинъ монастырь, основанный въ 1554 году. Городъ этотъ также замѣчателенъ

тѣмъ, что здѣсь когда-то царь Иванъ Грозный творилъ расправу. Какова эта была расправа, можно судить по подозрительному и жестокому характеру Грознаго. Въ городѣ и посейчасъ имѣется мѣсто, которое зовется — Висѣлки. Понятно, что здѣсь происходили казни и стояли висѣлицы. Характернымъ занятіемъ жителей Тотьмы является вязаніе чулокъ на продажу. Чулки эти, очень грубые, я видѣлъ въ шалашикахъ у торговокъ среди чернослива, мыла, дегтя, сахара и веревокъ.

Но вотъ свистокъ. На крутомъ берегу засуетились пассажиры. На этотъ разъ не прошло и двухъ часовъ стоянки, какъ пароходъ далъ свистокъ. По лѣсенкамъ начали скатываться внизъ семинаристы. Второй свистокъ.

— Бѣдные батюшки! Вѣдь они должны остаться въ Тотьмѣ,—говорили про священниковъ, отправившихся въ Спасо-Суморинъ монастырь.

Третій свистокъ. Но тутъ показались извозчичьи дрожки, несшіяся во всю прыть. Дрожки подъѣхали чуть не къ самой водѣ, съ нихъ соскочили священники и стали взбираться на пароходъ.

— Успѣли. Вотъ видите, сподобились. А то быть около Суморина монастыря и не побывать въ немъ!—говорили они.—А только чуть-чуть не опоздали. На волоскѣ, можно сказать, висѣли... А то каково было-бы!..

— Пустое... Подождали-бы полчаса... Здѣсь пароходъ всегда ждетъ... Ну, что имъ стоитъ!—замѣтилъ

пассажиръ купеческой складки въ картузѣ и сапогахъ бутылками.

За Тотьмой берега Сухоны поднимаются еще выше. То и дѣло обрывы. Прослои извести и гипса виднѣются повсюду. Лѣса дѣлаются рослѣе. Береза начинаетъ чередоваться съ сосной, елью. Теченіе рѣки дѣлается все быстрѣе и быстрѣе! Попадаются села и деревни, имѣющія полный зажиточный видъ. Избы двухъэтажныя и съ мезониномъ. Въ первомъ этажѣ службы, второй и мезонинъ—жилье.

Въ 9 верстахъ отъ Тотьмы въ Сухону впадаетъ рѣчка Царева, на устьѣ которой, какъ гласитъ „Путеводитель", Петръ Великій, во время своего путешествія на Сѣверъ, пилъ чай. Но я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Петръ наврядъ-ли пилъ чай. Жизнь свою онъ строилъ на западный, на голландскій манеръ, а голландцы въ то время чаю не пили, да едва-ли и знали его.

Далѣе лежитъ камень подъ названіемъ „Лось". „Путеводитель" опять говоритъ, что на этомъ камнѣ Петръ будто-бы обѣдалъ. Разумѣется, все это записано, какъ преданіе, но преданіе это совсѣмъ не основательное, если этотъ камень и во времена Петра былъ такимъ-же, каковъ онъ теперь. Мы караулили этотъ камень и просили, чтобы капитанъ указалъ намъ на него. И капитанъ указалъ. Это очень небольшой камень желтовато-сѣраго цвѣта, выглядывающій изъ воды близъ праваго берега рѣки. Онъ такъ малъ, что на немъ едва одному человѣку можно умѣститься, а Петръ на-

вѣрное былъ уже хоть съ какой-нибудь маленькой свитой. Вся выставившаяся изъ воды площадь камня имѣетъ едва двѣ сажени въ діаметрѣ.

Отъ селъ, а иногда и просто отъ пустыннаго берега подплывали лодки съ пассажирами. Меня сильно занимало, какъ такіе пассажиры съ пустынныхъ береговъ могутъ укарауливать пароходъ, если этотъ пароходъ совсѣмъ не имѣетъ росписанія, въ какіе часы онъ проходитъ мимо какихълибо мѣстъ и является, то раньше часовъ на пять-шесть, то позже, а нашъ, напримѣръ, пароходъ, долженствовавшій отплыть изъ Вологды въ пятницу въ 10 час. вечера, отплылъ въ субботу въ 10 ч. утра. И я обратился за разъясненіемъ къ одному изъ такихъ пассажировъ.

— Сидимъ на берегу и ждемъ. Ничего не подѣлаешь...—отвѣчалъ онъ, вздохнувъ и разведя руками.—Сидимъ и караулимъ.

— Какъ? Десять, двѣнадцать часовъ сидите на берегу въ ожиданіи парохода?—воскликнулъ я.

— А какъ-же быть-то иначе? Я даже и не двѣнадцать, а часовъ пятнадцать просидѣлъ. Постой... нѣтъ, даже и не пятнадцать, а семнадцать. Когда мы выѣхали изъ деревни? Деревня въ одиннадцати верстахъ отъ Сухоны. Да, семнадцать часовъ.

— И все сидѣли на берегу?

— Сидѣлъ. Трое насъ сидѣло. Ну, понятное дѣло, провизія при насъ... чайничекъ... Костеръ разложили... Чайку раза четыре напились. Спали...

Двое спятъ, третій пароходъ караулитъ. Вчера съ вечера рыбки у проѣзжаго рыбака купили. Ушицы въ котелкѣ сварили, похлебали чудесно... Этотъ-же рыбачекъ и съ лодкой при насъ былъ... Подрядили его... Тутъ вѣдь на Сухонѣ рыбаки то и дѣло снуютъ въ лодкахъ. Всѣ рыбачатъ... И мужики, и бабы рыбачатъ.

Говорилъ онъ это такъ спокойно, не волнуясь, нисколько не смущаясь неудобствами, съ такою покорностью судьбѣ и обстоятельствамъ, которая только и встрѣчается, кажется, въ русскомъ простомъ человѣкѣ.

— Ну, а если проливной дождь во все это время ожиданія?—спросилъ я.

— Ничего не подѣлаешь,—опять отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.—Конечно, обидно и, можно сказать, даже непріятно, но никто, какъ Богъ... Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ. Да, вчера ночь была на рѣдкость... Ночь на отличку.

— Вы по какой части? Вы по дѣламъ ѣдете?

— Мы? Мы по дровяной части... по заготовкѣ, значитъ. А что насчетъ ненастья — это вы правильно... Трудновато... Осенью иногда въ ненастье бываетъ очень трудновато. Иногда и костеръ-то отъ дождя горѣть не можетъ. Ну, тогда мы на пустыряхъ-то ужъ парохода не поджидаемъ, а куда нибудь въ деревню стараешься пріѣхать. Да вѣдь и въ деревнѣ ежели, то парохода-то все-таки приходится на берегу ждать. Развѣ иногда деревенскихъ ребятишекъ заставишь караулить. Ну, тѣ

бѣгаютъ по берегу и ждутъ. А увидятъ дымъ по рѣкѣ и кричатъ: пароходъ, пароходъ! Ну, тутъ и выходишь на берегъ.

Читатель самъ можетъ судить, каково удобно для такого путешественника пароходное сообщеніе по Сухонѣ.

XII.

Вечеромъ на другой день пути мы проходили пороги Сухоны. Однообразнымъ плаваніемъ съ остановками для запаса дровами всѣ были до такой степени утомлены, что пороговъ этихъ ждали съ нетерпѣніемъ. Всѣ то и дѣло спрашивали капитана:

— А пороги скоро? Когда будемъ пороги проходить?

— Теперь скоро, часа черезъ три.

— Черезъ три, вы говорите? Ну, тогда смѣло нужно считать, что часа черезъ четыре, а то и черезъ пять.

— Нѣтъ, на этотъ разъ ужъ будетъ вѣрно. Вы разочтите: мы идемъ по пятнадцати верстъ въ часъ, а намъ теперь осталось пройти... Вотъ сейчасъ деревня будетъ. Такъ отъ этой деревни...

Капитану ужъ не вѣрили, ибо въ какой-бы онъ часъ ни назначалъ придти къ какому-либо мѣсту,

всегда приходили часа на два, а то и на три позднѣе.

— Ну, а Устюгъ за порогами далеко?—снова задавали вопросъ капитану.

— Какъ вамъ сказать... Вѣдь версты у насъ никто не мѣрилъ. Въ Устюгѣ будемъ къ 10 часамъ вечера.

— Да вѣрно-ли это?—слышалось опять сомнѣніе.

— Вѣрно, вѣрно. Будьте покойны. Ужъ теперь я говорю смѣло. Ну, не къ десяти, такъ къ одиннадцати вечера.

— И въ Устюгѣ пересадка на большой пароходъ?

— Ну, это нельзя сказать по настоящему. Вода-то очень ужъ низка. Боюсь я, какъ-бы не пришлось большой пароходъ за Устюгомъ встрѣтить. Страшная убыль пошла. Вѣдь вотъ все ведро стоитъ. А только ужъ ночью сегодня пересадимъ васъ. Это вѣрно. Ночью или подъ утро.

Порогами интересовались даже апатичные пассажиры третьяго класса, которые отъ скуки только переобувались, встряхивая онучи, да спали, протянувъ ноги. Передъ порогами, однако, протянутыхъ на палубѣ третьяго класса ногъ видно было меньше. Можно было проходить, не шагая черезъ спящихъ мужиковъ и бабъ. И третьеклассники поднялись, бродили и заглядывали изъ просвѣтовъ на теченіе рѣки.

Пассажиры первыхъ двухъ классовъ всѣ были на верхней палубѣ. Семинаристовъ было уже бо-

лѣе чѣмъ на половину меньше. Большинство сошло на берегъ. По мѣрѣ приближенія къ какому-нибудь селу съ бѣлой церковью какой-нибудь изъ нихъ, а то и двое, спускались на подъѣхавшую лодку и плыли къ берегу. Оставшіеся на пароходѣ товарищи прощались съ отъѣзжающими и махали имъ платками и фуражками. Съѣздъ каждаго семинариста, за неимѣніемъ ничего болѣе интереснаго, составлялъ уже въ нѣкоторомъ родѣ событіе въ однообразной пароходной жизни, которую мой товарищъ по путешествію назвалъ „великимъ пароходнымъ сидѣніемъ“.

— Въ исторію занесено Великое Азовское сидѣніе, а вотъ теперь мы испытываемъ Великое Сухонское пароходное сидѣніе,—шутилъ онъ.

Передъ порогами мы опять останавливались около какого-то селенія для запаса дровами, и здѣсь разыгралась маленькая печальная жанровая сценка съ однимъ изъ сходившихъ съ парохода семинаристовъ въ лоно отчаго прихода. Сценка эта, однако, развеселила скучавшихъ на пароходѣ пассажировъ.

Въ великой радости выскочилъ съ парохода на зыбкія сходни семинаристъ, стремясь какъ можно скорѣй подъ родительскій кровъ. На берегу его уже ожидали и махали ему платками. Виднѣлся нанковый подрясникъ въ соломенной шляпѣ и съ нимъ полная женщина въ платкѣ. Семинаристу товарищи подали съ парохода голову сахару въ синей бумагѣ и корзинку съ чѣмъ-то, обвязанную веревками. Очевидно, это везлась изъ Вологды

заказанная семьей провизія для дома. Семинаристъ схватилъ въ одну руку голову сахару, въ другую корзинку, сталъ балансировать по доскамъ, но, не дойдя до берега съ сажень, потерялъ равновѣсіе, оступился и соскочилъ въ воду. Воды не хватило ему и до пояса, но онъ выронилъ изъ рукъ въ воду сахаръ и корзинку. На берегу, разумѣется, радость видѣть сына тотчасъ-же омрачилась горемъ по случаю подмоченной провизіи. Сейчасъ-же вытащили изъ воды сахаръ и корзину и начали отирать синюю бумагу сахарной головы полой подрясника, и радостная встрѣча родителей съ сыномъ была испорчена.

Пароходъ запасся дровами и снова идетъ внизъ.

— Скоро пороги?

— Черезъ полчаса, не больше.

Пассажиры ужъ не сходятъ съ верхней палубы и любуются Сухоной, которая течетъ здѣсь необычайными извилинами между высокими берегами. Высота береговъ здѣсь достигаетъ 30—40 сажень. У руля встали уже четверо вмѣсто двухъ человѣкъ пароходной прислуги. То и дѣло приходится дѣлать самые крутые повороты. Я плавалъ по многимъ рѣкамъ, но такого извилистаго теченія нигдѣ не видѣлъ. Берега есть совсѣмъ отвѣсные, краснаго цвѣта. Иногда попадаются только красныя прослойки среди известняка. Нѣтъ сомнѣнія, что грунтъ этихъ береговъ богатъ желѣзомъ. Но вотъ изъ воды начинаютъ выростать большіе камни.

— Пороги?—спрашиваю рулевыхъ.

— Минутъ черезъ десять подойдемъ,—отвѣчаютъ мнѣ.—Эти-то камни намъ не опасны, а вотъ подводные—вотъ которые страшны.

Капитанъ звонитъ въ колоколъ. На носъ парохода выбѣгаютъ матросы съ шестами, и начинается промѣръ глубины. Слышатся возгласы: „девять, семь, восемь“. Пароходъ замедляетъ ходъ. Паденіе рѣки здѣсь необычайно быстрое. Быстрота теченія здѣсь видна на глазъ.

— Пороги... — прошепталъ, наконецъ, капитанъ и весь отдался зрѣнію.

— Начались?

Онъ уже ничего не отвѣчалъ и продолжалъ вперять свой взоръ на воду, гдѣ черезъ каждые пять-шесть саженъ были разставлены вѣхи. Пароходъ еще замедлилъ ходъ.

Пороги эти называются Опоками. Они находятся на протяженіи версты. „Путеводитель“ называетъ ихъ „опасными“.

Когда мы проходили пороги Опоки, все на пароходѣ какъ-бы замерло. Всѣ почему-то, подражая капитану, разговаривали другъ съ другомъ шопотомъ. Только матросъ съ носа парохода выкрикивалъ четверти глубины воды. Но на мой взглядъ эти пороги ничѣмъ не бурливѣе нашихъ невскихъ пороговъ, близъ села Ивановскаго, а проходъ (фарватеръ) черезъ сухонскіе пороги, судя по разставленнымъ вѣхамъ, даже шире прохода невскихъ пороговъ.

Но вотъ показалось селеніе, носящее названіе

Порогъ. Около этого селенія Сухона дѣлаетъ изумительный заворотъ почти подъ прямымъ угломъ и за этимъ селеніемъ сухонскіе пороги уже кончаются.

Когда прошли селеніе, капитанъ радостно улыбнулся, снялъ фуражку и перекрестился. Крестились вслѣдъ за нимъ и пассажиры. Матросы съ измѣрительными шестами сошли съ пароходнаго носа. Изъ воды стали то тамъ, то сямъ выростать еще большіе камни бѣлые или желтые, но на нихъ пароходные заправилы ужъ не обращали вниманія.

— Прошли?—обратился я къ капитану.

— Прошли. Все кончилось. Теперь можно и чайку попить,—отвѣчалъ онъ и сталъ спускаться съ верхней палубы.

— Скажите, развѣ очень опасны эти пороги?—спросилъ я рулевыхъ.

— Съ опаской проходить, такъ не опасны. А только ой-ой, какъ надо ухо востро держать! Тутъ ужъ гляди въ оба. Тутъ ужъ папироски не выкуришь. Товарищу-то боишься слово сказать—все на вѣхи смотришь. А вѣху-то иногда нѣтъ-нѣтъ да теченіемъ и снесетъ.

— Бывали крушенія?

— Съ пассажирскими-то пароходами нетрафилось, что-то я не запомню,—давалъ объясненія рулевой съ окладистой бородой и необычайно густыми бровями.—Ну, а съ буксирами очень часто трафится. Сколько тутъ барокъ разбивало! Ведетъ буксиръ судна—ну, и того... Судна-то вѣдь относитъ. Хорошіе рулевые, такъ ничего... Ну, надо

ужъ чтобы и на баркахъ были основательные и не спали, а то Сухона-матушка въ Опокахъ не помилуетъ.

Мы сидѣли на верхней палубѣ и продолжали любоваться берегами. Берега поистинѣ живописные, самой причудливой формы, то выростающіе въ горы, то спускающіеся до длинныхъ бѣлаго ила отмелей или болотныхъ зарослей осокой. Селеніе Порогъ— рыбачье селеніе. Верстъ на пять-шесть ниже его на всемъ протяженіи рѣки разставлены заколы для ловли рыбы, торчатъ шесты, обозначающіе опущенныя въ воду мережи и верши, плаваютъ поплавки переметовъ. То и дѣло попадаются рыбачьи лодки. Бабы сидятъ на весляхъ, а мужики заготовляютъ сѣти или вынимаютъ ихъ.

— Первая стерлядь въ здѣшнихъ мѣстахъ ловится,—говоритъ кто-то.—Выше сухонской стерляди нѣтъ. Двинская славится, но сухонская жирнѣе, въ сухонской янтаря этого самаго больше. Сваришь ее въ ухѣ, а янтарь поверхъ и плаваетъ. Хлебово первый сортъ. Да ежели съ рѣпчатымъ лучкомъ... съ перечкомъ... и укропцу туда—одинъ восторгъ!

Говорившій о стерляди пассажиръ до того вкусно причмокивалъ губами, до того смачно прищелкивалъ языкомъ, что могъ возбудить аппетитъ даже у мертваго.

XIII.

„Путеводитель по сѣверу Россіи» повѣствуетъ:

„Черезъ 32 часа по отходѣ изъ Вологды, пароходъ подходитъ къ Великому Устюгу, отстоящему отъ Тотьмы въ 268 верстъ и стоящему въ 4-хъ верстахъ отъ сліянія Сухоны съ Югомъ, откуда начинается ужъ такъ называемая Малая Двина“.

Для насъ было это не такъ. Шелъ 37-й часъ нашего пути. Часовая стрѣлка приближалась къ 11 часамъ. Мы сидѣли въ каютѣ и ужинали, пароходный офиціантъ подалъ намъ второе блюдо— и сказалъ:

— Подходимъ къ Устюгу. Черезъ полчаса будемъ у пристани. Отлично вы изволили подогнать съ ужиномъ. Только успѣете чайку напиться—и Устюгъ.

— Да что вы!—воскликнулъ я.—Ну, на этотъ разъ капитанъ не обманулся,—обратился я къ товарищу, смотря на часы.—Какъ сказалъ, что къ 12 часамъ ночи будемъ въ Устюгѣ, такъ и вышло. Если черезъ полчаса, то даже раньше полуночи.

— Подходимъ-съ...—кивнулъ мнѣ офиціантъ.— Вдали уже пристань виднѣется.

— Что-же пересадка будетъ?

— А это ничего еще неизвѣстно. Пристань видно, а стоитъ-ли тамъ нашъ большой пароходъ—

не видать. Только вы не извольте торопиться. Если и въ Устюгѣ пересадка, то это у насъ не скоро. Пока подойдемъ, пока причаливать начнемъ, пока нашъ капитанъ будетъ вести переговоры съ тѣмъ капитаномъ, такъ вы успѣете три раза чаю напиться. А если нѣтъ пересадки, то намъ придется у пристани часа три-четыре стоять. Товаръ будемъ сдавать и товаръ будемъ принимать. Прикажете самоварчикъ подать?

— Пожалуй. Но все-таки мы сходимъ наверхъ посмотрѣть, какъ приставать будемъ.

Мы вышли на верхнюю палубу. Разстилалась передъ нами водная ширь. Здѣсь Сухона могла уже поспорить своей шириной съ Большой Невой подъ Петербургомъ. Берега были попрежнему высокіе, но изъ красныхъ превратились уже въ бѣлые. Известка и гипсъ взяли перевѣсъ надъ желѣзной рудой. Не взирая на полночь, свѣтло было какъ днемъ и отдавало только все въ сѣро-лиловый цвѣтъ іюньскихъ сѣверныхъ сумерекъ. Виднѣлась вдали красная полоса солнечнаго заката. Было тихо и тепло. Градусникъ около рулеваго колеса показывалъ 13 градусовъ. Трудно вѣрилось, что мы на Сѣверѣ. Капитанъ стоялъ около колеса и смотрѣлъ въ бинокль на виднѣвшуюся вдали пристань, къ которой мы подплывали.

— Кажись, что это „Десятинный“ стоитъ...— говорилъ онъ рулевымъ.

— Стоитъ-то, стоитъ что-то. А только „Десятинный“-ли—не могу сказать,—отвѣчалъ рулевой, уже

покуривавшій папироску, ибо управлять рулемъ не составляло трудности: широкая Сухона вытянулась совсѣмъ прямой лентой.

— Что это такое, „Десятинный“?—спросилъ я.

— Большой пароходъ, на который мы васъ пересадить должны,— былъ отвѣтъ.—И на немъ уже вы потянетесь прямо въ Архангельскъ безъ пересадки.

Къ Устюгу подходили все ближе и ближе. Выросло и обозначилось на горизонтѣ множество бѣлыхъ церквей и колоколенъ и опять таки всѣ подъ зелеными куполами. По Сухонѣ стояли на якоряхъ то тамъ, то сямъ парусныя суда. Пристань была уже совсѣмъ близка.

— А вѣдь это „Десятинный“,—увѣренно сказалъ капитанъ.—Я вижу по окнамъ, что „Десятинный“.

— Онъ и есть,—проговорилъ одинъ изъ рулевыхъ.—Пришелъ таки. Потрафилъ.

— Что-же: сейчасъ пересадка?—радостно воскликнули пассажиры.

— Ну, это еще нельзя сказать. Можетъ быть, онъ только что пришелъ и чистится,—отвѣчалъ капитанъ.—Вотъ подъѣдемъ, такъ перекличемся. Какъ капитанъ съ „Десятиннаго“ скажетъ.

Вотъ мы и у пристани, досчатой крытой пристани, окрашенной охрой, но пристать прямо къ ней нельзя. Стояли около нея двѣ крытыя баржи. Полетѣли причалы на баржи, и пароходъ нашъ присталъ къ баржамъ. Пароходъ „Десятинный“ стоялъ ниже пристани прямо у берега на якорѣ.

Положили сходни. Нашъ капитанъ ушелъ по сходнямъ на баржи, а черезъ баржи на пристань, очевидно для свиданія съ капитаномъ парохода „Десятинный“.

— Можно сходить? Можно пересаживаться на другой пароходъ?—спрашивали пассажиры у пароходной прислуги.

— Сходить-то на берегъ, сколько угодно сходите. Здѣсь простоимъ еще, а насчетъ пересадки ничего неизвѣстно.

Мы отправились въ каюту пить чай и разсчитываться съ официантомъ за дневное продовольствіе. Только мы успѣли выпить по одному стакану, какъ наверху, на палубѣ, загромыхали. Въ каюту вбѣжалъ официантъ со сдачей и объявилъ:

— Ну, вотъ и пересадка... Пожалуйте... Счастливаго пути. Только вы не извольте безпокоиться. Чаю можете кушать сколько угодно. Успѣете. А потомъ я ваши вещи и перенесу.

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе неудобное этой пересадки съ парохода на пароходъ. Пришлось выходить на баржи, по выпуклымъ досчатымъ крышамъ баржъ перейти на пристань, тащиться по отмели подъ крутымъ берегомъ до сходней, положеннымъ на отмель съ парохода „Десятинный“ и, наконецъ, по этимъ сходнямъ перебраться на пароходъ. У пристани на берегу стояли извозчики съ дрожками, какія мы видѣли въ Тотьмѣ. У кого былъ тяжелый багажъ, тѣ перевозили его на дрожкахъ. За переѣздъ въ 50—60 сажень извозчики требовали полтинникъ—и приходилось давать, ибо ихъ было только двое и они перевозили по очереди.

Пересадка съ парохода „Луза“ на пароходъ „Десятинный“ заняла добрыхъ полчаса, ибо кружили по баржамъ, по сходнямъ, по помосту, ведущему на пристань, по отмели, по жидкимъ танцующимъ доскамъ. Но ничего этого не слѣдовало-бы и дѣлать, если-бы была надлежащая распорядительность и хоть какое-нибудь уваженіе къ пассажирамъ. Стоило только пароходу „Луза“ пристать къ борту парохода „Десятинный“, и пассажиры всѣхъ трехъ классовъ, ѣдущіе дальше Устюга, перешли-бы на большой пароходъ безъ малѣйшаго затрудненія. Но никто до этого не додумался и публику заставили колесить.

Сходни, положенныя съ парохода „Десятинный“ на отмель, стоятъ того, чтобы ихъ описать. Это были не сходни, а выкрашенныя въ красный цвѣтъ доски, которыя впослѣдствіи пилили и привинчивали къ пароходнымъ колесамъ, когда колеса въ пути ломали объ мели или камни свои лопасти. Такъ какъ эти доски были коротки, то ихъ положили сначала на какую-то на половину наполненную водой лодку, которую не потрудились даже укрѣпить, и она колебалась на водѣ. Съ лодки этой съ другого борта положены были опять такія-же доски уже прямо на пароходъ. Колеблющаяся на водѣ лодка сдвинула доски съ отмели въ воду,

и чтобы вступить на нихъ, приходилось по щиколку входить въ воду.

Но вотъ мы на пароходѣ „Десятинный". Прислуги никакой. Билетовъ никто не спрашиваетъ. Звонимъ въ колокольчикъ, чтобы намъ отвели отдѣльную каюту—никто не является. Два босые матроса моютъ швабрами палубу. Спрашиваемъ у нихъ, можно-ли видѣть капитана.

— Какого капитана? Онъ на берегу.

— Ну, а билетеръ? Нельзя-ли видѣть билетера?

— Какого билетера? Такого у насъ не полагается.

— Ну, шкипера. Нельзя-ли видѣть шкипера?

— Всѣ на берегу.

Спускаемся въ каюты—каюты не освѣщены. Маленькія, круглыя окна каютъ даютъ очень мало свѣта и по корридорамъ приходится идти ощупью, чтобы не споткнуться или не провалиться куда-нибудь. Звонимъ еще разъ. Прибѣгаетъ слуга безъ пиджака.

— Каюту-бы намъ отдѣльную перваго класса,—говорю я.

— Да берите любую. Всѣ свободны. Вотъ онѣ по корридору. Разъ, два, три.

— Но вѣдь темно. Нельзя-ли хоть электричество открыть?

— У насъ электричество не полагается. Освѣщаемся керосиномъ.

— Такъ нельзя-ли хоть лампу зажечь?

— Да не заправлены-съ. Чего ихъ зажигать-то? Сейчасъ солнце взойдетъ и свѣтло будетъ.

— Но вѣдь въ каютѣ совсѣмъ темно. Нельзя-ли хоть свѣчку дать?

— Свѣчку дадимъ-съ. А только придется на вашъ счетъ записать ее.

— Давайте скорѣй. Что тутъ разговаривать.

Слуга бѣжитъ и является съ шестириковой свѣчкой въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

— Принесите бутылку пива,—говоритъ ему мой товарищъ.

— Какое-же пиво, помилуйте! Буфетъ запертъ. Буфетчикъ на берегъ ушелъ.

— Когда-же пароходъ пойдетъ въ Архангельскъ?

— Пароходъ-то? Да еще ничего неизвѣстно. Ино въ три часа, ино въ пять, а то и въ семь. Ночевать будемъ.

— Ну, срочное пароходство!—воскликнулъ мой товарищъ.

Мы выбрали себѣ отдѣльную каюту, положили въ нее нашъ багажъ, заперли на ключъ и отправились на верхнюю палубу посмотрѣть съ нея на городъ.

Пароходъ стоялъ попрежнему близъ отмели, но перехода на него уже не было. Лодка, державшая на себѣ сходни, отъѣхала и свалившіяся съ нея сходни плавали въ водѣ. На отмели стояли двѣ женщины въ пальто, платкахъ на головѣ и не знали, какъ перейти на пароходъ.

— Сошла на берегъ мужа поискать,—плакалась

одна изъ нихъ.—Мужъ пропалъ. Сошла поискать его, а ужъ на пароходъ-то попасть и не могу. Эво какъ сходни-то... Нѣтъ у васъ на пароходѣ батюшки? Священника? Это мой мужъ,—обратилась она къ намъ.

— Нѣтъ, не видали.

— Оказія! И куда это человѣкъ запропастился! Ни на томъ пароходѣ нѣтъ, ни на этомъ.

— Да должно быть онъ, матушка, устюжскому чудотворцу поклониться пошелъ, Прокопію преподобному,—заговорила вторая женщина.

— Не пойдетъ онъ въ такую пору. Да какъ же и жену-то одну оставить! Да вотъ онъ!—радостно воскликнула матушка-попадья.

По береговому спуску шелъ къ водѣ священникъ и держалъ огромную связку баранокъ.

— Нашелъ!—кричалъ онъ, показывая связку.—Постучался и отперли.

XIV.

Устюгъ спалъ. Въ домикахъ его, расположенныхъ на высокомъ берегу, не мелькало ни одного огонька. Обыденной толпы праздныхъ обывателей, встрѣчающей повсюду въ городахъ и мѣстечкахъ пароходы, на берегу видно не было. Не было видно и отдѣльныхъ прогуливающихся личностей. Не было босяковъ носильщиковъ, предлагающихъ свои услуги почти на всѣхъ пристаняхъ другихъ рѣкъ. Багажъ здѣсь съ парохода сносила только пароходная прислуга, да пассажиры четвертаго класса, просившіе заработать гривенничекъ. Въ Тотьмѣ на пристани мы видѣли хоть полицейскаго стража, а здѣсь, въ Устюгѣ, и полиціи мы не встрѣтили. Не видать было и выпрашивающихъ подаяніе нищихъ. Я высказалъ по этому поводу свое удивленіе картузу купеческой складки, сидѣвшему на верхней палубѣ и тоже любовавшемуся на городъ, и тотъ мнѣ отвѣчалъ:

— Городъ сытый-съ, степенный... Здѣсь купцы ежели, то все стотысячники, а есть и милліонеры. Нищая братья, о которой вы говорите, такъ та около монастырей сыта. Тутъ два монастыря—мужской Архангельскій и женскій Предтеченскій. На Соколиной горѣ они тутъ, за городомъ. Монастыри древніе, богатые. А бѣдный народъ, который потрудиться любитъ, такъ тотъ на Грибановской полотняной фабрикѣ хорошо зарабатываетъ. Вонъ тамъ. Въ двадцати пяти верстахъ отъ города фабрика-то. Тысяча двѣсти рабочихъ работаютъ. Шутка сказать!

Я смотрѣлъ на набережную. Набережная эта поистинѣ оригинальная и такую мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ. Весь крутой берегъ Устюга на разстояніи около двухъ верстъ забранъ пятивершковыми бревнами, поставленными стоймя. Бревна эти, сажени въ четыре длины, связаны между

собой такими-же бревнами и внизу забиты сваями. Представляетъ изъ себя это хоть и деревянное, но капитальное сооруженіе и хорошо содержится. Устюгъ основанъ въ началѣ тринадцатаго вѣка, и я увѣренъ, что и пятьсотъ лѣтъ назадъ здѣсь была такая-же набережная. Изъ исторіи извѣстно, что такихъ набережныхъ въ старину было много. При царяхъ бревенчатая набережная была и на Москвѣ рѣкѣ, существовали въ Москвѣ и такія-же бревенчатыя мостовыя, съ которыхъ поземь, какъ повѣствуетъ Забѣлинъ, брали въ царскіе красные сады.

Вотъ краткія свѣдѣнія объ Устюгѣ.

Великій Устюгъ имѣетъ около девяти тысячъ жителей. Въ древности онъ назывался *Глядѣнъ*. Въ политической жизни древней Руси онъ занималъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ, отчего наравнѣ съ Новгородомъ и Ростовомъ названъ былъ Великимъ. Устюгъ не разъ выдерживалъ набѣги татаръ, дрался въ началѣ XVI столѣтія и съ забредшей сюда польской бандой. Устюгъ родина покорителя Амура Ероѳея Хабарова. Родился здѣсь и просвѣтитель зырянъ св. Стефанъ, епископъ пермскій. Когда-то въ до-петровскую эпоху пріѣзжали сюда черезъ Бѣлое море и Сѣверную Двину и иноземные торговые гости. Для иноземныхъ гостей была отведена здѣсь особая слобода въ „Нѣмчиновомъ Ручьѣ“. Устюгъ торгуетъ льномъ, саломъ, выдѣлываетъ щетину, холстъ, оловянныя и мѣдныя подѣлки въ видѣ перстней, крестиковъ, серегъ и запонокъ, славится работой съ чернью по серебру и приготовленіемъ особыхъ шкатулокъ. Эти шкатулки обиваются окрашеннымъ въ разные цвѣта желѣзомъ, луженымъ съ серебристымъ отливомъ, и снабжаются замками съ секретомъ и со звономъ. Въ Устюгѣ 25 церквей, двадцать пять приходовъ.

Въ эти-то двадцать пять приходовъ и сошли съ парохода почти всѣ остальные семинаристы. Черезъ часъ, когда начало подниматься солнце, пришелъ на верхнюю палубу капитанъ и сталъ отводить пароходъ „Десятинный“ къ пристани и на палубу высыпали всѣ пассажиры первыхъ двухъ классовъ; семинаристовъ уже не было.

Капитанъ парохода „Десятинный“ совсѣмъ не былъ похожъ на капитана и по одеждѣ, по бородѣ, по стрижкѣ походилъ на солиднаго и обстоятельнаго провинціальнаго купца, занимающагося скупкой лѣсовъ на срубъ. Это былъ здоровый, рослый мужчина. Говорилъ онъ на „о“ сѣверной скороговоркой. Мы приступили къ нему съ вопросомъ, когда тронется въ путь пароходъ.

— Ночевать здѣсь будемъ. Ближе семи часовъ утра не пойдемъ,—произнесъ онъ.

— Да по росписанію-то пароходъ долженъ ночевать въ Устюгѣ?—приставали къ нему.

— Никакихъ у насъ росписаній на этотъ счетъ нѣтъ. А когда готовы будемъ, то и тронемся. Починки кое-какія есть. Поломались на мелководьи. Къ семи часамъ вставайте, заказывайте самовары кушайте чай и мы тронемся въ путь.

Ничего больше не оставалось, какъ идти спать, что мы и сдѣлали.

На слѣдующее утро, когда мы проснулись, пароходъ ужъ „бѣжалъ внизъ“.

— Давно идемъ?—спросилъ я слугу, заглянувшаго къ намъ въ каюту „насчетъ самоварчика“.— Рѣку Югъ прошли?

— Сейчасъ подходимъ къ ней.

Я выбѣжалъ на верхнюю палубу, чтобы посмотрѣть на впаденіе рѣки Юга въ Сухону, и подоспѣлъ, когда подходили къ самому мѣсту сліянія двухъ рѣкъ. Это въ 4-хъ верстахъ ниже Устюга. Открылось громадное водное пространство. Берега представляли изъ себя равнину, окаймленную на далекомъ разстояніи лѣсистыми холмами. Югъ впадаетъ въ Сухону справа, близъ стариннаго Троицко-Введенскаго монастыря. Сліяніе двухъ рѣкъ образуетъ такъ называемую Малую Двину, которая тянется 66 верстъ, вплоть до впаденія въ нее бѣгущей отъ Уральскихъ горъ рѣки Вычегды и ужъ при этомъ новомъ сліяніи образуетъ имѣющую громадное значеніе въ нашемъ народномъ хозяйствѣ на Сѣверѣ—Большую Сѣверную Двину.

Мы проходили мимо устья Юга. Югъ значительно у́же Сухоны. „Путеводитель“ повѣствуетъ, что Югъ приноситъ съ собой огромное количество песку, придающаго особенно характерную черту теченію Двины съ ея подвижными островами и причудливыми протоками, носящими названіе „Курьихъ“.

И въ самомъ дѣлѣ, по Двинѣ стали попадаться низкіе острова, поросшіе травой и мелкимъ кустарникомъ и дѣлившіе Двину на протоки. Въ Сухонѣ, выше Опоковскихъ пороговъ, прошли мы нѣсколько такихъ островковъ, по бо́льшей части имѣющихъ удлиненную форму, но здѣсь на Двинѣ эти острова были безчисленны. По Сухонѣ на островкахъ этихъ качался величественными верхушками строевой лѣсъ, здѣсь острова были низменные, они каждую весну заливались водой, иногда на половину сносились и потому на нихъ ничего не могло рости кромѣ травы и кустарника. На островахъ Малой Двины то и дѣло виднѣлись временныя рыбачьи хижины, вытащенныя на берегъ лодки, долбленые челны, по мѣстному „стружки“, и можно было наблюдать самихъ рыбаковъ, ковыряющихъ сѣти.

Впадая въ Сухону и образуя Малую Двину, Югъ оставляетъ по рѣкѣ на довольно долгое время свою полосу воды. Воды Сухоны и Юга имѣютъ разный цвѣтъ и можно видѣть рѣзкое разграниченіе водъ. По правую сторону рѣки желтоватая вода, по лѣвую синеватая.

Къ полудню на верхнюю палубу высыпали почти всѣ пассажиры первыхъ двухъ классовъ, и здѣсь мы узнали причину долгой ночной стоянки парохода. Оказалось, что, идя снизу къ Устюгу, пароходъ „Десятинный“, на которомъ мы теперь плыли, потерпѣлъ аварію. Онъ наскочилъ на камень и проломилъ себѣ подводную часть, гдѣ помѣщались каюты второго класса. Дамская каюта была вся

залита водой съ вечера. Ночью воду эту откачивали, на пробину накладывали пластыри и только къ утру привели все въ порядокъ и тронулись въ путь. Пассажиры второго класса разсказывали, что при заштопориваніи пробины происходилъ такой стукъ, что они всю ночь не спали. Пассажирамъ этимъ ничего не сказали о неисправности парохода, чтобы не напугать ихъ, но они сами узнали о пробоинѣ, когда вода вылилась въ корридоръ.

Одинъ казанскій помѣщикъ, туристъ, слѣдившій за каждой мало-мальски выдающейся мѣстностью, мимо которой проходилъ пароходъ, ужасно негодовалъ, что онъ проспалъ сліяніе Юга съ Сухоной.

— Проспалъ изъ-за этой проклятой пробоины и черезъ это прозѣвалъ, можетъ быть, самое лучшее мѣсто во всемъ путешествіи. А кто виноватъ? Стукъ въ каютѣ. Мѣшали спать ночью, когда задѣлывали эту пробоину. Черезъ это и проспалъ. А кто виноватъ? Пароходное начальство. Случись это въ Америкѣ съ американскимъ туристомъ—навѣрное онъ предъявилъ-бы искъ къ пароходному обществу, что ему помѣшали насладиться лучшимъ въ путешествіи видомъ. И навѣрное выигралъ-бы дѣло. А мы, русскіе, терпѣливы, снисходительны. Мы, русскіе, даже въ жалобную книгу о безпорядкахъ стѣсняемся записывать. Да-съ... Это свойство русскаго добродушнаго путешественника!—восклицалъ онъ.

XV.

Пароходъ „Десятинный", на которомъ мы плыли или, по мѣстному выраженію, „бѣжали", былъ большой колесный пароходъ, съ помѣщеніемъ для III и IV классовъ нѣсколько лучшимъ, чѣмъ пароходъ „Луза", съ большой верхней палубой, на которой хоть въ двадцать паръ кадриль пляши, какъ выразился одинъ изъ пассажировъ, землемѣръ, ѣхавшій на службу въ одинъ изъ захолустныхъ городовъ Вологодской губерніи, очевидно большой охотникъ до танцевъ, но освѣщался пароходъ уже не электричествомъ, а керосиномъ, что́ нѣкоторыхъ прямо пугало. Лампы эти не были даже корабельными лампами съ извѣстными приспособленіями, а просто домашнія лампы, и въ каютѣ перваго класса такая лампа стояла прямо на столѣ и была на жиденькой ножкѣ. Маленькій толчекъ — и лампу можно уронить. Керосинъ разольется, вспыхнетъ—и вотъ ужъ вамъ катастрофа. Мнѣ кажется, что такія лампы на пароходахъ должны быть безусловно запрещены.

Пассажировъ въ Устюгѣ значительно убавилось, въ особенности третьеклассныхъ. Исчезла добрая половина сборщиковъ на погорѣлыя церкви, богомолокъ въ черныхъ платкахъ, странниковъ въ скуфьяхъ и съ посохами. Въ Устюгѣ подъ утро всѣ они разбрелись по имѣющимся тамъ тремъ

монастырямъ. Это было ихъ первое перепутье передъ Соловками, куда они направлялись. Изъ Устюга сѣло немного. Въ первый классъ не сѣлъ никто, и мнѣ съ моимъ товарищемъ предоставлялись всѣ помѣщенія, состоящія изъ отдѣльныхъ каютъ и двухъ общихъ—мужской и дамской.

Я обошелъ третій классъ. Было просторно, но скамеекъ опять было мало. Большинство, за неимѣніемъ скамеекъ, помѣщалось на полу. Куда ни взглянешь—ноги. Многіе опять переобувались отъ скуки, но нѣкоторые читали. Я полюбопытствовалъ, какого содержанія были книжки. Описаніе монастырей, житія святыхъ. Двое, къ которымъ я обратился съ просьбою посмотрѣть книжки — сейчасъ же воспользовались случаемъ попросить у меня подаяніе.

— Не пожертвуете-ли что-нибудь дальнему путнику?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Откуда ѣдете?

— Изъ Оренбурга. Обиженъ я. Общество ужъ меня очень обидѣло. Отняло землю. Подалъ въ пять мѣстовъ прошенія, а толку никакого—и вотъ ѣду соловецкимъ угодникамъ помолиться. Авось они...

Другой былъ смоленскій.

— Третій годъ ужъ по монастырямъ я... Былъ въ Кіевѣ... Въ прошломъ году порадѣлъ на Валаамѣ и на Коневцѣ... А нынче вотъ побывалъ у устюжскихъ чудотворцевъ и хочу въ Соловки сподобиться. Вышелъ нынче изъ дома въ великой скудости,—разсказывалъ онъ мнѣ.

Подошла ко мнѣ и женщина съ головой, закутанной въ черный суконный платокъ и начала:

— Можетъ быть вамъ, господинъ честной, есть усердіе дать на свѣчку? Я по обѣщанію... Дала обѣщаніе собрать на десятифунтовую свѣчку.

Вообще въ третьемъ классѣ, какъ это я увидалъ впослѣдствіи, многіе пассажиры просили, не говоря уже о сборщикахъ на церкви. Просили просто подаяніе, просили на свѣчку, просили на проѣздной билетъ и на другія потребы, но словъ Христа ради избѣгали.

— Сталъ это вытряхивать я валенки за бортъ,—обратился къ одному изъ пассажировъ очень тщедушный мужикъ.—Сталъ вытряхать... И бѣсъ подъ руку подтолкнулъ, что-ли, уронилъ въ воду... Что подѣлаешь объ одномъ валеномъ сапогѣ? Не соблаговолите-ли, баринъ, что-нибудь бѣдному человѣку?.. Хорошія валенки были, а вотъ, поди-жъ ты, какой грѣхъ!..

Просили и такъ:

— Ваша милость... Что я вамъ сказать хочу... А вы извините.. Человѣкъ я странный... Мы вотъ тутъ за дрова ѣдемъ. Дрова помогаемъ таскать. Только вы насъ не обезсудьте... Чайникъ-то у насъ есть... Кипяточку получить можно, а вы не дадите-ли чайку махоньхую заварку и парочку кусочковъ сахарку? Вамъ Богъ пошлетъ.

Жестяной чайникъ—принадлежность каждаго путника-богомольца на нижней палубѣ и, на сколько я замѣтилъ, онъ служилъ не для одного чайничанья.

За Устюгомъ, при остановкѣ для запаса дровами, путники покупали у находившихся при дровахъ мужиковъ мелкую рыбу—и варили изъ нея въ этомъ-же чайникѣ уху. Кромѣ чайниковъ, у богомольцевъ, ѣдущихъ въ Соловки и сѣвшихъ на пароходъ въ Устюгѣ, имѣлись ужъ въ хозяйствѣ берестяные бураки. Ниже Устюга никто ужъ не садился безъ бурака. Въ пищѣ господствовала попрежнему соленая треска и зеленый лукъ, но въ буракахъ ужъ появились соленые грузди въ видѣ громадныхъ шляпокъ. Ихъ хлебали прямо изъ бураковъ деревянными ложками. Нѣкоторые изъ богомольцевъ пили отваръ изъ сушеной малины вмѣсто чая, увѣряя, что чай пить грѣхъ. Это были старики.

Вообще хозяйство богомольцевъ состоитъ изъ слѣдующаго: котомка, связанный полушубокъ, запасные валенки или сапоги, жестяной чайникъ съ металлической кружкой, берестяной буракъ, и все это онъ таскаетъ на себѣ, перекинувъ черезъ плечи на полотенцѣ. Таковы ѣдущіе въ Соловки. Но прямо въ Соловки богомольцы направляются рѣдко, какъ мнѣ удалось узнать изъ разспросовъ. По дорогѣ заѣзжаютъ они въ монастыри, которыми такъ обиленъ нашъ Сѣверъ: въ Тотьму, въ Устюгъ, въ Сійскій монастырь на границѣ Архангельской и Вологодской губерній и другіе. Въ монастыряхъ они живутъ по нѣскольку дней до прихода слѣдующаго парохода и направляются далѣе. Большинство такихъ богомольцевъ ѣдетъ по монастырямъ по обѣщанію, то есть „принявъ на себя обѣтъ“, но есть

профессіональные богомольцы, если можно такъ выразиться. Они, какъ растаетъ снѣгъ и вскроются рѣки, уже бредутъ или ѣдутъ въ какіе-либо монастыри. Эти ужъ зовутъ себя „странниками“, да и въ народѣ они извѣстны подъ этимъ названіемъ. Въ принадлежности ихъ костюма въ большинствѣ случаевъ входитъ черная скуфья вмѣсто картуза или шапки, часто вылинявшая до рыжаго цвѣта. Волосы они почти всегда отращиваютъ и опоясываются ремнемъ вмѣсто шерстяного кушака. Къ такому костюму они привлекаютъ бо́льшее уваженіе. Въ монастыряхъ богомольцы пользуются гостепріимствомъ: кровомъ, пищевымъ довольствомъ, баней и за это „радѣютъ“ какъ-нибудь работой на монастырь. И носку-то дровъ, проѣзжая въ четвертомъ классѣ, они называютъ „радѣніемъ“. Попадаются такіе странники, которые по десяти, пятнадцати лѣтъ бродятъ и ѣздятъ изъ монастыря въ монастырь. Въ большинствѣ это старики или пожилые. Женщинъ профессіональныхъ странницъ меньше, но есть и женщины, также пожилыя.

Но вотъ на пароходѣ засуетились. Пассажиры второго класса стали выбѣгать изъ каютъ и стремились на верхнюю палубу.

— Что такое?—спрашиваю у пробѣгающаго матроса съ пестрымъ шестомъ для измѣренія глубины.

— Котласъ... Село Котласъ... Сейчасъ приставать будемъ.

Селу Котласу суждено очень скоро играть видную роль. Въ недалекомъ будущемъ оно разовьется

въ городъ. Котласъ стоитъ при сліяніи Малой Двины съ Вычегдой, берущей свое начало въ Уральскихъ горахъ. Сюда долженъ выйти отъ Перми и Вятки великій сибирскій желѣзный путь и открыть стокъ товарамъ Сибири въ ближайшій къ нему морской портъ Архангельскъ.

Я и мой товарищъ поднимаемся на верхнюю палубу. Пароходъ убавилъ уже ходъ и тихо подплываетъ къ берегу, на которомъ стоятъ въ штабеляхъ дрова. Высочайшій берегъ изрытъ террасами. На нижней террасѣ проложенъ уже желѣзный путь. Работаютъ и вверху, и внизу сотни рабочихъ съ тачками. Производятся выемки земли, насыпи, на рельсахъ стоятъ двѣ-три платформы. Телеграфныхъ столбовъ еще не видать. На платформахъ сложенныя въ клѣтки шпалы, рельсы. Около такого важнаго пункта я ожидалъ встрѣтить благоустроенную пристань, но мы подъѣзжали прямо къ песчаному берегу. Около штабелей дровъ стояли ожидавшіе пароходъ пассажиры съ котомками. Были два пассажира и въ чиновничьяхъ форменныхъ фуражкахъ. Это была первая остановка за дровами спускающагося внизъ парохода „Десятинный“. Какъ было на „Лузѣ“, такъ и здѣсь. Съ парохода перекинули на берегъ двѣ зыбкія дощечки, прямо въ воду, ибо доски не хватали до сухого берега. По доскамъ побѣжали за дровами четвертоклассные пассажиры — мужчины и женщины, но остановились около дровяныхъ штабелей въ ожиданіи, пока спустившійся внизъ помощникъ

капитана обмѣривалъ дрова. Но вотъ обмѣръ кончился, и двуногіе муравьи вереницей потащили на пароходъ по три-четыре полѣна въ своихъ объятіяхъ.

— Долго здѣсь простоимъ?—спросилъ я капитана.

— Пока не запасемся дровами, уйти нельзя.

— На этотъ пароходъ вѣдь больше дровъ забираете, чѣмъ на „Лузу“?

— Еще-бы. Втрое. Эко жерло-то! Жретъ много.

— Стало быть, съ часъ простоимъ?

— Куда больше!

— А телеграмму можно отсюда послать? Здѣсь уже навѣрное есть телеграфъ. Пунктъ важный.

— А телеграфа нѣтъ. Будетъ, а теперь нѣтъ. Вамъ ежели телеграмму, то ближе завтрашняго утра не послать. Въ Сію придемъ—вотъ тамъ телеграфъ,—отвѣчалъ капитанъ.

XVI.

Село Котласъ—большое село, съ двумя церквами. Оно раскинулось длинной лентой по очень высокому берегу Малой Двины, ниже желѣзнодорожныхъ сооруженій, ближе къ Вычегдѣ, впадающей здѣсь въ Малую Двину, при чемъ обѣ рѣки, слившись вмѣстѣ, уже образуютъ большую Сѣверную Двину. Село имѣетъ видъ полной

зажиточности. Крѣпкія, высокія избы съ клѣтями и амбарами подъ жильемъ въ четыре-пять оконъ и иногда еще съ мезониномъ, всѣ сплошь крытыя тесомъ. Когда, принявъ пассажировъ и нагрузившись топливомъ, мы проходили мимо всей линіи этого села, я не замѣтилъ ни одной ветхой, ни одной развалившейся избы, которыя такъ часты въ селахъ и деревняхъ средней Россіи. Не было даже покривившихся избъ, чѣмъ страдаютъ вообще всѣ наши деревянныя деревни.

Къ дровамъ высыпали посмотрѣть на пароходъ бабы и ребятишки. Мужиковъ было два-три, очевидно, они были на работѣ, но бабъ было довольно много. Нѣкоторыя изъ нихъ вынесли продавать пассажирамъ молоко въ кринкахъ, другія такъ стояли, заложа руки подъ передникъ, подвязанный подъ самой грудью. Босыхъ было почти не видать. Ярко-красный цвѣтъ въ одеждѣ бабъ и ребятишекъ преобладалъ. Бабы были въ ситцевыхъ сарафанахъ, но у этихъ сарафановъ и рукава, и рубахи были пестрые, ситцевые. Платки головные также ситцевые, яркіе. Я невольно залюбовался на этихъ бабъ. Высокія, стройныя, темноволосыя—онѣ и держали себя съ достоинствомъ: не совали пассажирамъ молоко и яйца, стараясь перебить другъ у дружки покупателя, не кричали, не суетились. Даже видъ у нихъ былъ какой-то гордый.

Коротенькихъ, приземистыхъ бабъ, напоминающихъ тумбу, столь частыхъ въ средней полосѣ Россіи, совсѣмъ было не видать. Я невольно восхи-

щался ими и сказалъ моему товарищу К. С. Баранцевичу:

— Какой сильный, крѣпкій народъ здѣсь на Сѣверѣ! И посмотрите, какъ эти бабы держатъ себя, съ какимъ достоинствомъ.

— Оно и понятно, отчего это,—отвѣчалъ тотъ.—Крѣпостнаго гнета не видали. И предки ихъ никогда не были крѣпостными. Народъ свободный, вольный изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ старину пришли сюда изъ Великаго Новгорода вмѣстѣ съ мужьями ушкуйниками. Вѣдь это потомки новгородскихъ ушкуйниковъ, а тѣ ужъ безспорно были народъ бодрый, смышленный, энергичный, крѣпкій. Пришли и сѣли на обширные пустыри, питаясь хорошо и отъ земли, и отъ воды, и отъ лѣса, прямо безъ запрета, не боясь ни становыхъ, ни судей, ни помѣщиковъ. Вѣдь здѣсь помѣщиковъ никогда не было. Отъ сильныхъ и крѣпкихъ предковъ — сильные и крѣпкіе потомки.

Къ нашему разговору прислушивался пожилой пассажиръ купеческой складки въ картузѣ и сапогахъ бутылками, ѣхавшій съ нами съ Вологды и объявившій намъ еще передъ Устюгомъ, что онъ по лѣсной части. Онъ хотѣлъ сойти съ парохода въ Устюгѣ, но почему-то не сошелъ. Слыша похвалу вологодской бабѣ, онъ вмѣшался въ разговоръ:

— Насчетъ бабы здѣшней это вы, господинъ, правильно,—сказалъ онъ.—Вологодская баба крупна и ядрена. И насчетъ крѣпости она за мужика вы-

стоитъ. Это мы знаемъ по заготовкамъ. Дрова мы въ здѣшнихъ мѣстахъ зимой заготовляемъ и видимъ... Да-съ... Супротивъ вологодской бабы никакая другая не выстоитъ. А отчего? Она не на мякинѣ сидитъ. У нихъ голодухи не бываетъ. Не хлѣбъ такъ рыба... Толокно ѣдятъ. Толоконницы. А то такъ мужикъ лося свалитъ и ѣстъ въ варевѣ. Это не тверская баба... Нѣтъ-съ... Ту вонъ взялъ подъ папоротки—и никакой въ ней силы нѣтъ. А вологодская баба и мужику сдачи дастъ. Истинно вамъ говорю. Вологодская баба что кремень. Ее нигдѣ не заколупнешь. Супротивъ вологодской бабы развѣ архангельская выстоитъ, но архангельская въ поденщину не ходитъ.

— Отчего?—спросилъ я.

— Сыта. Заведенія этого самаго нѣтъ, чтобы ходить. Опять-же гордости этой самой много. Что ей? Зимой нитки прядетъ, сѣти плететъ. И вологодская баба мало вѣдь въ поденщину ходитъ. Все больше мужики. А архангельская—Боже избави. Тутъ вотъ теперь что дальше пойдемъ—весь народъ богаче будетъ. Здѣшній мужикъ гордый—на чай не попроситъ.

— Это правда. Довольство ихъ прямо по фигурѣ видно, по манерѣ держать себя,—сказалъ я.

— Вотъ, вотъ... Псковскому или тульскому мужику и во снѣ не снилось такого довольства. Здѣшній мужикъ безъ мясного варева или безъ ухи за столъ не садится. Осенью грибы ѣстъ. Лѣса упаси Богъ какіе! Здѣсь у помѣщика билетъ выправлять не приходится, чтобы за грибами въ лѣсъ ходить.

Иди и бери. Рыбу лови тоже гдѣ хочешь. Насолятъ груздя, такъ всѣ посты его хлебаютъ. Зимой отопиться ему вволю... Живетъ тепло, просторно. Медвѣдя повалитъ—шкура хорошія деньги дастъ. А тверской мужикъ что? Видалъ онъ такую рыбу?

И при этомъ пассажиръ купеческой складки указалъ на мужика, который продавалъ двѣ чуть-ли не аршинныя стерляди, лежавшія въ плетенкѣ. Просилъ онъ рубль за пару, а пароходный поваръ давалъ ему шесть гривенъ.

— Какая дешевизна! — воскликнулъ мой товарищъ.—Въ Петербургѣ такихъ стерлядей за двѣнадцать рублей пару не купишь.

— Дешева телушка за моремъ да провозъ дорогъ,—ввернулъ пословицу пассажиръ купеческой складки. — И у насъ въ Вологдѣ такую стерлядь дешевле трехъ рублей за штуку не найти. Осенью, когда холода начнутся, дешевле.

— Рубль за пару проситъ. Вѣдь это дѣйствительно дешевле пареной рѣпы.

— Это еще что!—улыбнулся пассажиръ купеческой складки.—Вотъ пойдемъ ниже, такъ на другихъ остановкахъ будетъ дешевле. Здѣсь желѣзную дорогу ведутъ—ну, инженеры цѣны и испортили.

Но вотъ дровами запаслись и стали отпихиваться шестами отъ берега. Капитанъ ласково и ободрительно поругивался на матросовъ. Машина заработала, колеса зашлепали въ водѣ, и пароходъ поплылъ дальше.

Звонокъ. Это значитъ сейчасъ мели начнутся.

Матросы съ шестами не сходятъ съ пароходнаго носа. Лѣвый берегъ низкій съ бѣлой илистой отмелью на пространствѣ въ нѣсколько верстъ. И вглубь берега виднѣется иловато-песчаная пустыня. На правомъ берегу село Котласъ тянется длинной лентой. Посреди рѣки илистый островъ, дѣлящій Малую Двину на два протока, которые шириной смѣло могутъ поспорить съ нашей Невой у Троицкаго моста. Сейчасъ будетъ впадать въ Малую Двину рѣка Вычегда. Пассажиры, интересующіеся береговыми видами, настораживаютъ зрѣніе. Вотъ и устье Вычегды. Пароходъ убавилъ ходъ. Капитанъ даетъ второй звонокъ. Начинаются измѣренія фарватера. Слышны возгласы: „семь, восемь, девять, семь". Капитанъ смотритъ въ бинокль, разсматривая поставленныя красныя вѣхи. Вычегда, такъ же какъ и рѣка Югъ, приноситъ много песку при своемъ впаденіи въ Малую Двину, такъ же желтоватая вода ея долго не смѣшивается съ водой Двины и оставляетъ рѣзкую полосу. Но вотъ намытый островъ кончился. Устье Вычегды осталось сзади, и мы плыли по рѣкѣ, берега которой были еле видны. Капитанъ далъ звонокъ и крикнулъ матросамъ: „шабашъ"! Измѣренія кончились.

— Большая Сѣверная Двина началась,—сказалъ онъ окружавшимъ его пассажирамъ и сталъ прятать въ чехолъ свой бинокль.

Ширина Двины въ этомъ мѣстѣ была, смѣло можно сказать, верстъ въ пять. Правый берегъ

рѣки тоже понизился и вдали еле виднѣлись очертанія лѣсовъ.

— Тутъ за Вычегдой уже лиственница началась,—указывалъ мнѣ вдаль пассажиръ купеческой складки. — Лѣса все казенные. Боже милостивый, какіе лѣса есть!

На верхней палубѣ появился пароходный офиціантъ съ салфеткой подъ мышкой, наклонялся и шепталъ пассажирамъ:

— Свѣжей семгой запаслись. Не желаете-ли селяночку? Стерлядь такую купили, что прелесть. Нельма есть.

Стали часто попадаться буксирные пароходы, тянущіе баржи, которые раньше встрѣчались рѣже. Острова, дѣлившіе рѣку на протоки, тоже встрѣчались все чаще и чаще. Острова были все низменные, поросшіе кустарникомъ. Но и протоки, по которымъ мы плыли, были шириной съ добрую версту. Держались мы правой стороны берега материка. Берега опять начали подниматься. Виднѣлись лѣса, вперемежку съ лѣсами попадались деревни и засѣянныя поля. У самой воды, близъ деревень, попадались остовы строющихся судовъ на подпоркахъ. Суда обшивали. На рѣкѣ судоходство стало представлять ужъ болѣе оживленную картину. Пароходъ нашъ успѣлъ уже обогнать большой караванъ барокъ съ вятскимъ хлѣбомъ, овсомъ. Плыли обширные плоты съ лѣсомъ и бочками смолы.

Чѣмъ дальше—тѣмъ берега холмистѣе, съ кру-

тыми обрывами къ водѣ и съ самыми пестрыми наслоеніями минеральнаго царства. Виды попадаются красивые и разнообразные.

XVII.

Кончился третій день нашего воднаго пути, а мы все еще плыли въ предѣлахъ Вологодской губерніи. Сольвычегодскій уѣздъ, граничащій съ Архангельской губерніей, особенно обширенъ. По берегамъ Сѣверной Двины онъ сравнительно часто заселенъ. Не проходитъ и двухъ часовъ, какъ показывается на горизонтѣ какое нибудь большое село съ бѣлой церковью. На отмеляхъ непремѣнно рыбачьи шалаши. За дровами послѣ Котласа мы уже заходили нѣсколько разъ. Медленность при запасѣ дровами изумительная, хотя капитанъ попрежнему кричитъ, суетится, подбадриваетъ дровоносцевъ крикомъ: „повеселѣй, ребята". Пристаней никакихъ. Подплываемъ прямо къ берегу. На причалъ уходитъ добрые полчаса, на отпихиваніе шестами отъ берега столько же. Пароходъ всякій разъ ставятъ на мель. Одинъ разъ мы уже поломали лопасти у колеса о камень и чинились, прикрѣпляли новыя лопасти, имѣющіяся на пароходѣ въ большомъ запасѣ и уже окрашенныя въ ярко-красный цвѣтъ. На прикрѣпленія лопастей ушло больше часа.

Спрашиваемъ у капитана, когда придемъ въ Архангельскъ. Отвѣтъ таковъ:

— Да вѣдь это какъ Богъ... Кажись, должны придти во вторникъ, а впрочемъ... рѣка-то сильно пообмелѣла.

Мы отплыли изъ Вологды въ субботу утромъ.

— Утромъ или вечеромъ во вторникъ?—задаемъ вопросъ.

— Гдѣ утромъ! Дай Богъ къ ночи. Ну, а если придется взять въ Сіи на буксиръ баржи...

— Какъ на буксиръ баржи? Да вѣдь это пароходъ пассажирскій...

Капитанъ замялся.

— Какъ вамъ сказать... Онъ дѣйствительно пассажирскій... А только эти баржи наши, нашего пароходства.

Часа черезъ два другіе пассажиры спрашиваютъ уже рулевыхъ:

— Во вторникъ, говорятъ, придемъ?

— Не придти во вторникъ. Дай Богъ въ среду-то... Баржи придется брать. Нельзя ихъ тутъ оставить.

— Утромъ въ среду или вечеромъ?

Рулевые молчатъ, дѣлая видъ, что не слышатъ, и устремляютъ взоры на красныя вѣхи, указывающія фарватеръ.

Среди пассажировъ начинается уныніе. Кто-то пускаетъ ужъ слухъ, что въ Архангельскъ придемъ только въ четвергъ. Казанскій помѣщикъ-туристъ горячится, ходитъ по палубѣ и всѣмъ говоритъ:

— Это ужасно! Говорятъ, пріѣдемъ только въ четвергъ, а въ среду большой пароходъ изъ Архангельска въ Соловецкъ отходитъ. Я въ Соловецкъ ѣду и, вообразите, долженъ теперь ждать до будущей среды этотъ пароходъ. Это пароходъ мурманской компаніи и онъ ходитъ только разъ въ недѣлю, дѣлая рейсы по побережью Бѣлаго моря и доходя до Варде въ Норвегіи.

— По вторникамъ утромъ онъ отходитъ, а не по средамъ,—замѣчаетъ учитель въ фуражкѣ министерства народнаго просвѣщенія, тоже туристъ.— По вторникамъ. Стало быть, если и во вторникъ вечеромъ будемъ въ Архангельскѣ — все равно не попасть на этотъ пароходъ.

— Вы тоже въ Соловецкій монастырь ѣдете?— спрашиваетъ казанскій помѣщикъ.

— Это цѣль моей поѣздки. Я ѣду съ товарищемъ. Вотъ купили „Путеводитель по Сѣверу“.

— И я купилъ. Вотъ здѣсь сказано, что пароходъ товарищества срочнаго Архангельско-Мурманскаго пароходства отправляется изъ Архангельска разъ въ недѣлю, а по какимъ днямъ—не сказано, но мы справлялись, и намъ сказали, что по вторникамъ.

— Гдѣ вы справлялись?

— Въ Устюгѣ, на пристани.

— Много тамъ знаютъ! Здѣсь на пароходѣ ничего не знаютъ. А мнѣ купецъ одинъ въ Вологдѣ сказалъ, что пароходъ этотъ отходитъ въ Соловки

въ среду. Купецъ этотъ только вернулся изъ Архангельска и ѣздилъ нынче въ Соловки.

Изъ кармановъ вынимаются двѣ книжечки „Путеводителя“ и туристы начинаютъ ихъ разсматривать.

— Ничего не упоминается, въ какой день. Ужасно жалко это,—говоритъ учитель-туристъ.— Но здѣсь сказано все-таки, что поѣздку въ Соловецкъ и обратно изъ Петербурга и Москвы можно сдѣлать въ три недѣли. Я и товарищъ мой этимъ и соблазнились, но если придется въ Архангельскѣ недѣлю парохода ждать, то намъ ужъ въ Соловецкъ не попасть. Мы не располагаемъ временемъ больше, какъ три недѣли. Придется уѣхать изъ Архангельска обратно, не побывавъ въ Соловкахъ.

Подошелъ священникъ. Онъ тоже оказался туристомъ, направляющимся вмѣстѣ съ женой въ Соловецкъ.

— Изъ Архангельска въ Соловки, кромѣ этого парохода, ходятъ монастырскіе пароходы,—проговорилъ онъ. — Монастырскіе три раза въ недѣлю ходятъ.

— Знаю-съ, — откликнулся казанскій помѣщикъ.—Но объ нихъ въ „Путеводителѣ“ вотъ что сказано. Я, батенька, эту книжку-то ужъ чуть не наизусть выучилъ!—похвастался онъ, хлопнувъ по переплету „Путеводителя“, страницы котораго были заложены бумажками, быстро развернулъ книжку и прочелъ: „Монастырскіе пароходы „Соловецкъ“ и „Архангелъ Михаилъ“ содержатъ правильные

рейсы между монастыремъ и Архангельскомъ только въ началѣ лѣта, въ остальное время они совершаютъ эти рейсы только по мѣрѣ надобности или подъ большіе праздники"...

— Да вѣдь теперь начало лѣта и есть. Половина іюня мѣсяца,—замѣчаетъ ему священникъ.

— Слушайте, слушайте, батюшка. „Пристань этихъ пароходовъ находится въ Соломбалѣ, у Соловецкаго подворья. Буфета на пароходахъ нѣтъ". Какъ вы сутки будете странствовать безъ буфета?

— Ну, можно съ собой всякой ѣды изъ Архангельска забрать.

— Буфета нѣтъ, такъ можетъ быть и кипятку для чая не найдешь? Воды прѣсной можетъ быть нѣтъ, не говоря уже о пивѣ и сельтерской.

— Кипятокъ-то ужъ навѣрное есть,—замѣтилъ священникъ.

— Почему вы знаете! Соловецкіе монахи—аскеты и отъ нихъ все станется. Въ „Путеводителѣ" про кипятокъ ничего не сказано, значитъ его и нѣтъ на самомъ дѣлѣ, — доказывалъ казанскій помѣщикъ.—Теперь я понимаю, отчего всѣ третьеклассные пассажиры-богомольцы ѣдутъ здѣсь съ огромными бураками. Это они везутъ ихъ, чтобъ запастись на монастырскій пароходъ водой изъ Архангельска. Нѣтъ-съ, отъ такого монастырскаго парохода — Боже упаси. Какое-же это удовольствіе путешествовать! Да главное-то въ томъ, что сиди на пристани и жди, пока на пароходѣ накопятся пассажиры. „Дѣлаютъ рейсы только по мѣрѣ надобности", говоритъ „Путеводитель". Вѣдь это-же прямо ждутъ, когда накопятся пассажиры-богомольцы, отправляются по мѣрѣ накопленія ихъ. „По мѣрѣ надобности" выраженіе очень растяжимое. Вотъ вамъ россійскіе пути сообщенія!

— Спросимъ здѣшняго капитана. Онъ навѣрное долженъ знать, когда отправляются и монастырскіе, и Архангельско-Мурманскіе пароходы изъ Архангельска, — предложилъ товарищъ учителя въ форменной фуражкѣ, тоже педагогъ.

— Ничего они здѣсь на пароходѣ не знаютъ, рѣшительно ничего!—восклицалъ казанскій помѣщикъ.—Сами про себя даже не знаютъ, когда куда придутъ, когда откуда отойдутъ. Слышали, что сейчасъ намъ отвѣчали относительно времени прихода въ Архангельскъ? „Какъ Богъ поможетъ".

Къ капитану все-таки обратились за свѣдѣніями относительно отправленія въ Соловецкъ пароходовъ изъ Архангельска. Отвѣтъ былъ таковъ:

— Богъ ихъ вѣдаетъ. У нихъ это какъ придется. Много публики — идутъ. Нѣтъ публики— ждутъ. Какъ захотятъ.

— Это монастырское пароходство. Но срочное, срочное Архангельско-Мурманское пароходство по какимъ днямъ отправляетъ свои пароходы изъ Архангельска?—приставалъ къ капитану педагогъ.

— Какъ вамъ сказать... Мнѣ что-то и не вдомекъ было узнать. Помилуйте, вѣдь у насъ свое дѣло. Только придешь, переночуешь — сейчасъ-же иди обратно.

Была ночь, а путешественники свободно читали мелкую печать „Путеводителя“—вотъ до чего было свѣтло. Слѣва лежала широкая красно-желтая полоса солнечнаго заката. Было тепло, тихо. Не вѣрилось, что плывешь по Сѣверной Двинѣ. Градусникъ на штурвалѣ показывалъ 14° тепла.

Налѣво вдали показались постройки съ бѣлыми церквами. Мы подходили къ заштатному городку Красноборску, Сольвычегодскаго уѣзда. „Путеводитель“ гласилъ, что въ Красноборскѣ 500 человѣкъ жителей, что городокъ извѣстенъ производствомъ кушаковъ, экипажей, плетенныхъ изъ черемуховыхъ вѣтвей и ярмаркою бѣличьяго мѣха, бывающею 30 ноября.

— Дровами запасаться будемъ?—тревожно спрашивали пассажиры, которымъ ужъ надоѣли долгія остановки.

— Нѣтъ, нѣтъ. Только пассажировъ захватимъ. Можетъ быть пассажиры есть, — успокоивалъ капитанъ.

XVIII.

Въ КРАСНОБОРСКѢ не останавливались, къ нему даже и не подходили, по случаю сильнаго мелководья у берега, какъ намъ объяснили, но, убавя ходъ, лавировали на разстояніи версты отъ него, пока къ намъ въ лодкахъ подвезли пассажировъ. Въ одной лодкѣ были богомольцы съ котомками и съ бураками, выкрашенными въ красную краску. Бураки были большіе, вмѣстимостью по полуведру. На другой лодкѣ подъѣхалъ лѣсничій, въ форменной одеждѣ и высокихъ сапогахъ. За нимъ изъ лодки втащили довольно щегольской чемоданъ, складную кровать въ кожаномъ чехлѣ, постель, завернутую въ бурку, ружье въ чехлѣ и корзинку, запертую висячимъ замкомъ. Онъ помѣстился въ первомъ классѣ. Это былъ вмѣстѣ со мной и моимъ товарищемъ третій пассажиръ перваго класса. Лѣсничій—молодой человѣкъ, загорѣлый, здоровый. Онъ тотчасъ-же спросилъ себѣ ѣсть, велѣлъ подать самоваръ, ходилъ по каютѣ и разсказывалъ намъ:

— Прямо наказательные пароходы! Вѣрите-ли, сутки поджидаю пароходъ. И проѣхать-то мнѣ всего восемьдесятъ верстъ, взялъ-бы лошадей, но тутъ по берегу, куда мнѣ нужно, дорогъ нѣтъ. Ни на правомъ, ни на лѣвомъ берегу дорогъ нѣтъ. Мнѣ, не доѣзжая Сіи, на томъ берегу сходить. Должно быть подъ утро придемъ. Впрочемъ, чортъ знаетъ, когда придемъ! На этихъ проклятыхъ пароходахъ никогда не можешь разсчитать, когда куда придешь. Поѣмъ, напьюсь чаю и спать залягу. Сутки не спалъ. Все ждешь, все въ возбужденномъ состояніи... думаешь, что прозѣваешь.

— По казенной надобности ѣдете?—спросилъ его мой товарищъ.

— Лѣсничій я. У меня округъ въ 400 верстъ. Дѣлимъ теперь казенные лѣса на участки, дѣлаемъ просѣки. Вотъ инструменты съ собой всюду вожу. И свой-то багажъ, и инструменты. По рукамъ, по ногамъ все это связываетъ. И сколько нужно въ день обходить! Боже мой, сколько!

— А развѣ не верхомъ объѣзды дѣлаете?—задалъ я вопросъ.

— Невозможно-съ... Тутъ есть такія чащи, что и человѣку-то еле пройти. Да и топко. У лошади нога тонетъ. И самъ-то иногда рискуешь увязнуть. Багажъ вотъ этотъ весь за мной на рукахъ съ мѣста на мѣсто перетаскиваютъ. Совсѣмъ какъ въ центральной Африкѣ. Обойдешь вотъ по эдакому пути верстъ двадцать пять въ день—и ногъ подъ собой не слышишь. А комары-то! Боже мой, сколько комаровъ! Тучи... Наконецъ, мошки... Эти еще злѣе. Я опухъ отъ нихъ. Зудъ... А теперь въ довершеніи горя овода появились. Этого и не увидишь, какъ сядетъ сзади. И вѣдь въ кровь кусаетъ. Изъ раны кровь струится. У меня сзади вся шея, весь затылокъ искусанъ.

— Не даромъ хлѣбъ ѣдите.

— Истинно не даромъ,—похвастался лѣсничій.— Но это-бы еще ничего. А чувствуешь, что дичаешь. Превращаешься чортъ знаетъ въ кого. Вотъ ужъ скоро два мѣсяца, какъ я на крутыхъ яйцахъ и на хлѣбѣ сижу. Да и хлѣбъ-то не всегда мягкій. Молока можешь только тогда достать, когда въ деревнѣ ночуешь. А вѣдь приходится иногда верстахъ въ тридцати отъ жилья ночевать, около костра. Разложатъ люди костеръ—около и спишь. Горячей пищи ужъ Богъ вѣсть, сколько дней не видали.

— Ну, уху-то въ котелкѣ можно у костра сварить,—замѣтилъ я.

— Да вѣдь это когда рыба есть, когда близъ берега рѣки планируешь. А то крутыя яйца и хлѣбъ. Вотъ колбасу копченую музыкантскую, такъ называемую, вожу.

— Въ Петербургѣ кончили курсъ?

— Въ Петербургѣ. Въ Лѣсномъ. Ахъ, Петербургъ, Петербургъ! И какъ я мечтаю объ немъ!

— А зимой гдѣ проживаете? Зимой-то ужъ по лѣсамъ не бродите.

— Не брожу, но тоже въ такой-же берлогѣ живу! Вы можетъ быть про такой городъ и не слыхали. Въ Вельскѣ. Въ немъ больше начальства, чѣмъ обывателей, но городишко совсѣмъ глухой.

Но тутъ молодому лѣсничему подали рыбную селянку. Онъ принялся за нее, и надо было видѣть, съ какимъ волчьимъ аппетитомъ онъ ее ѣлъ! За селянкой слѣдовали битки въ сметанѣ, за битками жареная семга. Я и мой товарищъ разспрашивали его о лѣсахъ, о древесныхъ породахъ, но онъ отвѣчалъ короткими фразами въ родѣ:

„Неправильная порубка была“. „Бурелому много“. „Есть лѣсъ, прямо гніющій на корню“. „Но ѣсть лѣса, которые громадныхъ денегъ стоятъ“. „Есть деревья, троимъ не обхватить“, „долго без-

порядочное хозяйство велось“, „теперь спохватились, но ужъ поздно“.

Пока мы разговаривали, пароходъ остановился взять топливо. Наверху ужъ громыхали дровами. Капитанъ не сдержалъ своего слова, что ближе трехъ часовъ утра дровъ ему не понадобится и остановился до полуночи.

Мы поднялись на верхнюю палубу. Тамъ пассажиры второго класса волновались и вопіяли. Капитанъ нашелъ на дровяной станціи тѣ три баржи, о которыхъ говорилъ, что ихъ надо буксировать въ Архангельскъ и ужъ велѣлъ прикрѣплять ихъ къ пароходу причалами. Одни пассажиры упрашивали его не брать баржъ, другіе прямо протестовали. Казанскій помѣщикъ кричалъ:

— Гдѣ жалобная книга? Вы должны имѣть жалобную книгу! Позвольте мнѣ жалобную книгу и я запишу! Вы не имѣете права буксировать баржи пассажирскимъ пароходомъ! Вѣдь если вы возьмете эти три баржи на буксиръ, то это настолько замедлитъ ходъ, что мы въ Архангельскъ на цѣлые сутки позднѣе придемъ.

— Ну, вотъ... баржи пустыя, легонькія... Да и пароходъ пустой... Идемъ по теченію... Зачѣмъ такія страшныя слова, что на сутки позднѣе?—оправдывался капитанъ и прибавилъ:—Напрасно тревожиться изволите. Баржи васъ не обезпокоятъ.

— Жалобную книгу сюда!—продолжалъ требовать казанскій помѣщикъ.

Ко мнѣ подошли педагоги и сказали:

— Ужасная вещь... Баржами онъ насъ задержитъ прямо на сутки въ пути. Какой ужъ тутъ Соловецкъ будетъ, если мы придемъ въ Архангельскъ въ четвергъ, вмѣсто вторника! Два дня будутъ потеряны. Надо дружно протестовать, чтобы не брали баржъ.

Меня тоже взорвало такое попраніе правъ пассажировъ. Товарищъ мой сказалъ мнѣ:

— Что имъ жалобная книга? Пароходовладѣльцы прочтутъ жалобу и только похвалятъ капитана за соблюденіе хозяйскихъ интересовъ. Вѣдь баржи, которыя пароходъ хочет взятьъ на буксиръ, принадлежатъ тому же пароходству. Надо попробовать пригрозить гласностью. Печатнаго слова всѣ боятся.

— И то дѣло,—проговорилъ я и закричалъ капитану:—Послушайте... Вотъ я и мой товарищъ изъ числа пишущей братіи, мы поѣхали съ спеціальной цѣлью испытать, насколько удобны пути сообщенія на Сѣверѣ, поѣздку по которому такъ расхваливаютъ теперь въ разныхъ изданіяхъ. Пріятно вамъ будетъ, если мы огласимъ въ газетахъ, что такое-то вотъ срочное пароходство не только тащитъ пассажировъ черепашьимъ шагомъ, но изъ пассажирскаго превращается подчасъ въ буксирное и перетаскиваетъ баржи и суда? Полагаю, что отъ вашего пароходства тогда многихъ отобьетъ, кто дорожитъ временемъ. Вы забываете, что у васъ есть ужъ конкурентъ: Ярославско-Архангельская желѣзная дорога!

И я назвалъ при этомъ свою и моего товарища по путешествію фамиліи.

— Въ газеты ихъ! Въ газетахъ пропечатать!— хоромъ подхватили остальные пассажиры. Помилуйте, изъ пассажирскаго парохода хотятъ дѣлать буксирный.

Угроза эта подѣйствовала. Капитанъ сталъ оправдываться:

— Вѣдь я только до Сіи хотѣлъ эти суда протащить,—говорилъ онъ.—А въ Сію мы придемъ завтра рано утречкомъ... Что тутъ такого, пустыя суда?..

— А то, что вы насъ задержите на пять-шесть часовъ въ пути,—опять хоромъ отвѣчали пассажиры.

— Ужъ и пять-шесть часовъ! Выдумаютъ тоже... Да хорошо, хорошо, не поведемъ судовъ,—сказалъ капитанъ, подошелъ ко мнѣ и проговорилъ:— Будьте покойны, отцѣпимъ. Сейчасъ отцѣпимъ. Зачѣмъ сердиться? Зачѣмъ такъ строго! Мы пассажировъ уважаемъ.

И онъ далъ приказъ отцѣпить баржи.

Было уже далеко за полночь. Я остался на верхней палубѣ, курилъ и любовался берегами широчайшей рѣки, то и дѣло развѣтвляющейся островами на протоки, и мнѣ казалось, что послѣ нашей угрозы пароходъ шелъ куда быстрѣе прежняго.

Пассажиры позѣвывали и одинъ за другимъ спускались въ каюту на покой.

Капитанъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Телеграммку-то куда-то хотѣли давече послать? Завтра утромъ придемъ въ Сію, такъ оттуда можно будетъ отправить. Мы сами въ правленіе телеграфировать будемъ, отъ насъ человѣкъ пойдетъ на телеграфъ. Потрудитесь составить и мы пошлемъ. Завтра, еще почивать будете, а мы уже пошлемъ.

Я поблагодарилъ любезнаго капитана и вручилъ ему написанную мной телеграмму.

XIX.

Нынѣ БЫСТЬ четвертый день нашего плаванія по воднымъ кормилицамъ нашего Сѣвера. Я уже, кажется, говорилъ, что К. С. Баранцевичъ называлъ это плаванье „великимъ сѣвернымъ сидѣньемъ“.

Четвертый день этого сѣвернаго сидѣнья доказалъ воочію, что угрозъ гласностью при попраніи какихъ-либо правъ боятся куда больше всякихъ жалобныхъ книгъ. Утромъ, когда мы проснулись, пароходъ мыли швабрами, къ вечеру палубу подметали, а вчера вечеромъ не мели, и нижняя палуба такъ и оставалась забросанною объѣдками, шелухой отъ подсолнуховъ, обрывками грязной бумаги и т. п. Офиціантъ, прислуживающій въ каютахъ, очень сокрушался, что мы сегодня рано встали и онъ не успѣлъ вычистить нашихъ сапогъ,

тогда какъ вчера о чисткѣ ихъ и рѣчи не было. Утренній самоваръ съ чайнымъ приборомъ подали въ общую каюту, разостлавъ скатерть на обитый клеенкой столъ, чего вчера не полагалось, и скатерть появлялась только къ обѣду и ужину.

— Сливочками запаслись сегодня подъ утро. Не прикажете-ли къ чаю? Жаль только, что топленыя,—предложилъ мнѣ слуга, подавая чай.

А вчера я спрашивалъ сливокъ или молока къ чаю, но ни того, ни другого не было.

Въ порціяхъ также случилась метаморфоза. Кормили на пароходѣ вообще хорошо и дешево, порціи были обильныя, въ этомъ дѣлѣ на пароходство жаловаться нечего, но сегодня къ завтраку подали такія порціи, что я и мой товарищъ ужаснулись.

— Неужели это одна порція жареной семги?..— воскликнулъ мой товарищъ.—Вѣдь тутъ на четверыхъ и намъ этого вдвоемъ не съѣсть.

— Кушайте на здоровье... Понатужьтесь... Здѣсь воздухъ легкій...—съ особенно привѣтливой улыбкой отвѣчалъ слуга.

Вчера жареную рыбу ѣли безъ лимона. Сегодня къ рыбѣ подали по большому куску лимона. Битки говяжьи подали въ сметанѣ. А вчера, когда я просилъ сдѣлать мнѣ къ жаркому отварной картофель въ сметанѣ, лакей мнѣ сказалъ:

— Сметаны нѣтъ-съ. Какая-же теперь въ этакую жару сметана! Все перекиснетъ. Сами знаете, какое время.

Но я долженъ сказать еще нѣсколько словъ о

нашемъ ночномъ плаваніи. При восходѣ солнца, представлявшемъ изъ себя дивную картину, мы прошли устье рѣки Нижней Тоймы, впадающей въ Сѣверную Двину, и съ этого момента вступили въ предѣлы Архангельской губерніи. Нижняя Тойма не особенно широкая рѣка. Вступленіемъ изъ Вологодской въ Архангельскую губернію интересовались очень немногіе пассажиры. Бдящими на верхней палубѣ были только я, туристъ—казанскій помѣщикъ и священникъ, ѣхавшій съ женой въ Соловки.

— Ждали, ждали, а ничего особеннаго... —сказалъ священникъ, позѣвывая.

Казанскій помѣщикъ, все записывавшій въ записную книжку, нашелъ, однако, нужнымъ что-то записать туда. Онъ уже зналъ мою фамилію, объявленную часа три тому назадъ при всѣхъ капитану, и произнесъ:

— Я вѣдь и самъ немного причастенъ къ литературѣ, какъ дилетантъ. Помѣщалъ кое-что въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ —и вотъ думаю гдѣ-нибудь и это путешествіе изобразить.

Онъ назвалъ мнѣ свою фамилію и даже далъ карточку.

На слѣдующее утро, когда мы проснулись, пароходъ стоялъ.

— Дровами запасаемся?—спросилъ я слугу.

— Точно такъ-съ. Сія... Сійская пристань. Здѣсь изрядно пассажировъ приняли.

Я тотчасъ-же вышелъ на верхнюю палубу. Съ

дровами ужъ кончали. Пассажиры-муравьи IV класса дотаскивали ужъ послѣднія полѣнья, балансируя по дощечкамъ.

— Добраго здоровья, — сказалъ капитанъ, называя меня по имени и отечеству.—Телеграммку вашу отправили. Квитанціи нѣтъ, ужъ не взыщите. Посланнаго съ телеграфа ждать не будемъ. Торопимся уходить. Да у насъ вѣрно. Не безпокойтесь. Нашъ человѣкъ посланъ. И нашу телеграмму понесъ. Сейчасъ отваливать будемъ. Вотъ какъ у насъ скоро! Дровоносцевъ еще прибавилъ. Народъ крѣпкій, не убогій,—похвастался онъ и далъ первый свистокъ.

Съ берега посыпались сошедшіе съ парохода пассажиры...

Мы стояли около высокаго праваго берега. На берегу вверху виднѣлись часовня Сійскаго монастыря и гранитная колонна въ память путешествія въ 1858 году въ Архангельскъ Императора Александра II. Деревня Сія съ почтовой станціей расположена на лѣвомъ отлогомъ и песчаномъ берегу Двины. Отъ нея до Сійскаго монастыря 9 верстъ. Черезъ рѣку съ одного берега на другой перевозъ на монастырскихъ и земскихъ лодкахъ. Богомольцевъ, направлявшихся въ Сійскій монастырь, переправили уже на тотъ берегъ. Теперь съ того берега подъѣзжала лодка съ богомольцами, направляющимися на нашъ пароходъ. Лодка эта пришла уже послѣ перваго свистка. Богомольцы спѣшили взобраться на пароходъ. Большинство ихъ были жен-

щины, какъ всегда, съ большими красными берестяными бураками, привязанными вмѣстѣ съ сапогами къ котомкѣ.

Когда пароходъ отчалилъ и тронулся въ путь, я, спускаясь къ себѣ въ каюту, спросилъ мимоходомъ одну изъ сѣвшихъ на пароходъ бабъ:

— А что большой и богатый этотъ Сійскій монастырь?

Баба блаженно вздохнула и отвѣчала:

— Рай красный—во какой! Седьмой монастырь по счету вотъ ужъ этотъ будетъ, что я сподобилась, а краше его не было. Кажись, не вышелъ-бы. И ужъ такъ мы довольны, такъ мы довольны.

— Въ Соловки теперь направляетесь прямо?

— Въ Соловки, кормилецъ, въ Соловки.

— Вы какая? Какой губерніи?

— Псковская, милый, псковская. Мы дальнія. Вотъ насъ двѣ, и обѣ по обѣщанію. Та-то бездѣтная, ну, женщина еще не старая, такъ изъ-за этого... Дѣтей-то хочется. Ну, и обѣщалась... А у насъ былъ падежъ и пали три коровы и лошадь... Стало у меня съ тѣхъ поръ подъ сердце подкатывать что-то. Ну, думаю, за грѣхи это... Вотъ мы съ землячкой и сговорились.

Баба эта, однако, не попросила у меня ни на свѣчку, ни милостыни, хотя была босая и въ рубищѣ.

За то подошелъ мужикъ и началъ:

— Погорѣли мы... Въ самую Радоницу поминали родителей и вдругъ вся деревня занялась...

Видъ его былъ жалкій, рубаха на немъ была

ситцевая, линючая, пропотѣлая, грязная. Я далъ ему пятіалтынный.

Послѣ полудня, когда я былъ на верхней палубѣ, капитанъ мнѣ сказалъ:

— Идемъ на рѣдкость. Самому себѣ не вѣрится. Послѣ полуночи будемъ въ Архангельскѣ. Даже, можетъ быть, раньше будемъ. Пусть только господа пассажиры не обижаются.

— Нельзя-ли будетъ только тотчасъ по пріѣздѣ у кого-нибудь справиться, когда изъ Архангельска пароходъ въ Соловки идетъ,—приставали къ нему пассажиры.

— Узнаемъ! Какъ только придемъ, такъ на пристани и узнаемъ. Можно будетъ даже въ полицейскую часть послать. Тамъ навѣрное знаютъ,—отвѣчалъ тотъ.

Казанскій помѣщикъ—путешественникъ съ записной книжкой и „Путеводителемъ" въ рукахъ былъ тутъ-же.

— Сейчасъ должны быть видны на берегу развалины старинной крѣпости Орлецы, построенной въ 1342 году,—сказалъ онъ мнѣ.—Въ „Путеводителѣ" сказано. Это 60 верстъ ниже Сійскаго монастыря, между станціями Ракулою и Копачевскою. Ракулу мы уже проѣхали. Пароходъ не заходилъ, потому что торопится. Мы своей угрозой предать гласности чудеса сдѣлали. Сходить никому было не нужно—вотъ и не заходили, но двухъ пассажировъ съ лодки приняли. Идемъ теперь скоро. Скоро развалины крѣпости будутъ?—спросилъ онъ рулевыхъ.

Рулевые не знали и ничего не могли отвѣтить.

Но вотъ на лѣвомъ берегу Двины обозначилась какая-то кирпичная полуразвалившаяся стѣна.

— Вотъ, вотъ. Должно быть это развалины Орлецъ-то и есть!—вскричалъ священникъ, указывая на берегъ.

Казанскій помѣщикъ сталъ смотрѣть въ бинокль.

— Да, да... И бойницы видны. Замѣтны еще бойницы...—говорилъ онъ.

Но я бойницъ не видалъ никакихъ.

Изъ исторіи объ этой крѣпости извѣстно слѣдующее:

Построилъ крѣпость Орлецы въ 1342 году сынъ новгородскаго посадника Лука Варѳоломеевъ, взявшій Заволочье (то есть часть нынѣшней Архангельской губерніи) „на щитъ".

Пройдено и мимо остатковъ крѣпости Орлецы Казанскій помѣщикъ зѣваетъ и произноситъ:

— Ну, теперь можно отправиться и пообѣдать, а затѣмъ часикъ всхрапнуть.

— А не проспите что-нибудь замѣчательное?—спрашиваютъ его пассажиры.

— Нѣтъ. „Путеводитель" я уже весь изучилъ. Теперь въ нѣкоторомъ родѣ замѣчательное только къ вечеру будетъ.

— А что такое?

— Устье рѣки Пинеги будемъ проходить,—отвѣчалъ онъ.—Тутъ и деревня Устъ-Пинега. А затѣмъ,

Ломоносова родина близко и все этакое. Послѣ разскажу.

И казанскій помѣщикъ сталъ спускаться съ верхней палубы.

XX.

Подъ вечеръ прошли мимо устья рѣки Пинеги. Но вечеровъ здѣсь въ іюнѣ ужъ не полагается никакихъ. Въ теченіе 24 часовъ— день, съ 11 часовъ до 1 часу предполагаемой ночи нѣсколько розовато-сѣренькій, ибо съ запада даетъ розовый оттѣнокъ только наполовину закатившійся багрово-красный шаръ солнца. Впаденіе Пинеги въ Сѣверную Двину никакою красотой не отличалось. Ничего не представляла изъ себя и деревня Усть-Пинега, стоящая при впаденіи рѣки. Хорошія, крѣпкія на подборъ избы—вотъ и все, иногда съ балкончиками въ мезонинѣ, иногда съ окнами, выкрашенными „въ узоръ", какъ здѣсь стало уже попадаться повсюду. Есть даже широкія на древне-русскій манеръ широкія крыльца съ вырѣзанными колонками и такъ называемыми „полубочечными" крышами. Крыльца иногда также расписаны въ узоръ. Такого-же точно вида, дышащаго достаткомъ, расположенное на возвышенномъ правомъ берегу Двины небольшое село Вавчуга.

Близъ села Вавчуги въ Петровскія времена находился лѣсопильный заводъ, принадлежавшій посадскимъ людямъ Осипу и Федору Баженовымъ, построившимъ его „для заграничнаго торга" лѣсомъ. Тутъ-же была и корабельная верфь, съ которой весной въ 1694 году былъ спущенъ первый русскій корабль „Святой Петръ". Корабль этотъ въ ту-же весну былъ отправленъ въ Голландію съ грузомъ русскаго желѣза. Времена были хорошія. Тогда еще могло покупаться за границей русское желѣзо!

Затѣмъ въ 1702 году, въ присутствіи Петра Великаго, были спущены два первые фрегата: „Святой Духъ" и „Курьеръ". Торжество было веліе, палили изъ пушекъ, жгли потѣшные огни и за постройку этихъ фрегатовъ Петръ щедро „жаловалъ" Осипа Баженова.

Сѣверная Двина то и дѣло дѣлится на протоки. Близъ Вавчуги отдѣляется отъ Сѣверной Двины протокъ Курья, очень широкій, но мелкій и настолько большой по своему протяженію, что обтекаетъ цѣлую Куроостровскую волость, родину М. В. Ломоносова, и городъ Холмогоры. Протокъ Курья настолько мелокъ, что проѣхать по немъ въ Холмогоры почти невозможно даже и при высокой водѣ весной.

Съ парохода показывали будто-бы виднѣющіеся вдали купола холмогорскихъ церквей. Пассажиры смотрѣли въ бинокли, говорили, что что-то видятъ. Я тоже смотрѣлъ, но ничего не видалъ.

Меня удивляла заселенность въ этой мѣстности Архангельской губерніи. То и дѣло попадались села и деревни по берегамъ Двины, и я высказалъ это вслухъ моему товарищу по путешествію. Сидѣвшій рядомъ со мной пассажиръ купеческой складки улыбнулся, поправилъ на головѣ картузъ и замѣтилъ:

— Только по берегамъ, господинъ. А вотъ скачи отъ этой деревни, къ примѣру, вглубь верстъ хоть триста—ни до какого селенія не доскачешь. Да и дорогъ нѣтъ. Я здѣшнюю мѣстность знаю. Мы тутъ по нашей лѣсной части каждый годъ колесимъ. Ничего... Ни направо, ни налѣво... Лѣсъ и болото. Тундра, по здѣшнему. А губернія обширная.

— Любое европейское государство въ эту губернію встанетъ, и еще остатокъ будетъ,—замѣтилъ священникъ.

— Вся Франція въ полтора раза становится въ губернію,—сказалъ казанскій помѣщикъ, — и еще остаются острова свободными. А вѣдь есть такіе острова, какъ Новая Земля.

— На острова Новой Земли все Румынское королевство умѣстится,—прибавилъ педагогъ.

Казанскій помѣщикъ развернулъ „Путеводитель по Сѣверу Россіи“ и прочиталъ:

— Архангельская губернія занимаетъ площадь въ 754.744 квадратныхъ версты, не считая острововъ.

— Боже милостивый! Сколько-же это десятинъ-то?—вздохнулъ священникъ.

— Здѣсь и десятины есть, — подхватилъ помѣщикъ.—Высчитаны 78.500.000 десятинъ.

— Создатель!

— Высчитано, что подъ пашней только 296.000 десятинъ. А 32.622.000 подъ казенными и удѣльными лѣсами.

— Не сказано, сколько жителей? — поинтересовался педагогъ.

— Есть,—отвѣчалъ помѣщикъ. — По переписи 1897 года—347.560 человѣкъ. И на это число жителей въ губерніи одиннадцать монастырей.

— Богу молиться умѣютъ! — вздохнулъ пассажиръ купеческой складки.

— И всѣ существуютъ съ пятнадцатаго, шестнадцатаго вѣка,—продолжалъ помѣщикъ.—Вѣдь это первые колонизаторы Заволочья. Монастыри тогда служили этапами для русскихъ піонеровъ. Основывался монастырь и вокругъ него селились.

— Шелъ униженный и оскорбленный,—сказалъ кто-то.

— Ну, и бѣглые. А сколько въ эти монастыри историческихъ личностей-то было сослано въ разное время!—проговорилъ казанскій помѣщикъ.

Пока мы такъ разговаривали, случилось происшествіе. Среди еле обозримаго пространства, которое представляла здѣсь изъ себя ширина Сѣверной Двины, мы увидали небольшой пароходъ, сѣвшій на мель. Пароходъ былъ буксирный, но безъ баржъ. Люди махали платками и отрепаннымъ флагомъ и кричали о помощи, прося, чтобы пароходъ ихъ

сняли съ мели. Мы проходили мимо. Капитанъ былъ у руля. На крики сѣвшихъ на мель онъ отмахнулся и произнесъ:

— Сами сниметесь! Понатужьтесь только. Винтовой, — сказалъ онъ про пароходъ. — Поди, футовъ пять въ водѣ сидитъ. Нешто можно на такихъ пароходахъ здѣсь ходить!—обратился онъ къ намъ.

— Отчего-же вы не хотите имъ помочь сняться съ мели?—спросили мы капитана.

— Да вѣдь промедленіе. Это не плоше баржъ давишнихъ. Вѣдь съ ними тоже ой-ой, какъ провозишься, а потомъ вы будете жалиться, что опоздали въ Архангельскъ.

Мы заступились за сидѣвшій на мели пароходъ.

— Баржи буксировать или оказаніе помощи находящимся въ критическомъ положеніи людямъ!—заговорили пассажиры.—Вѣдь этотъ пароходъ Богъ знаетъ сколько времени можетъ тутъ простоять. Когда еще подойдетъ другой пароходъ! Надо снять его съ мели.

— Да, конечно, надо, — отвѣчалъ капитанъ.—А только вотъ эти ваши разговоры про опозданіе-то... Вѣдь ужъ тогда къ полуночи въ Архангельскъ не придемъ.

— Да и такъ къ полуночи не придти, — замѣтилъ одинъ изъ рулевыхъ.

— Снимите, снимите ихъ, — заговорили пассажиры хоромъ.

— Если позволяете, то снимемъ. Лодку! Давай

лодку!—закричалъ капитанъ находившемуся на мели пароходу и приказалъ въ машину дать малый ходъ.

Звонокъ. Засуетились матросы. Дабы и насъ не нанесло на мель, стали на якорь. Явилась лодка съ концомъ каната. Закрѣпили причалъ, стащили пароходъ съ мели и повели его на буксирѣ на болѣе глубокое мѣсто.

Я потому объ этомъ упоминаю, чтобы показать, какъ все-таки боятся газетныхъ обличеній. Нашъ пароходъ до того торопился, что не хотѣлъ подать помощи другому судну, находившемуся въ критическомъ положеніи.

Было десять часовъ вечера. До Архангельска, какъ говорили, осталось всего пятьдесятъ верстъ. Двина достигла здѣсь необычайной ширины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ общей сложности съ протоками она расширяетъ свое ложе до семнадцати верстъ въ ширину.

Ниже Холмогоръ на лѣвомъ притокѣ Двины, рѣчкѣ Кехтѣ, расположено нѣсколько деревень, извѣстныхъ ручной выдѣлкой полотенъ.

Пассажиръ купеческой складки махнулъ въ ихъ сторону рукой и сказалъ:

— Въ каждой избѣ ткачи. Отъ мала до велика—всѣ ткутъ. А ужъ и полотно-же! Износу нѣтъ.

Противъ устья рѣки Кехты проходили мы Кехотскіе острова съ двумя деревнями, занимающимися судостроительствомъ. То и дѣло на подставкахъ стоятъ остовы строющихся судовъ.

Прошли еще верстъ пять, и по правому берегу потянулось громадное село.

— Что это за село?—спрашиваю рулевыхъ.

— Деревня Уйма. На шесть верстъ лентой тянется.

Вотъ это деревня! Мнѣ тотчасъ мелькнуло — не потому-ли и употребляется слово „уйма", когда хотятъ сказать про что-нибудь, чего много? Уйма денегъ, уйма картофеля и т. п. Хотя уймой называется также каменистая почва въ сѣверныхъ губерніяхъ.

Была полночь, а мы еще не подходили къ Архангельску. Стали появляться суда. Только въ половинѣ перваго часа кто-то указалъ на виднѣющіеся вдали зеленые купола.

— Архангельскъ?—хоромъ спросили пассажиры.

— Онъ и есть. Черезъ четверть часа придемъ,— отвѣчали рулевые.

Вотъ и набережная, заставленная мачтовыми судами. Цѣлый лѣсъ судовъ. Снуютъ и визжатъ буксирные пароходы, не взирая на ночь.

Капитанъ снялъ картузъ и крестился. Крестились и пассажиры. Проѣзжали мимо стоящаго на самомъ берегу древняго Архангельскаго монастыря.

XXI.

ПРИШЛИ мы въ Архангельскъ въ первомъ часу ночи, пробывъ въ пути отъ Вологды 86 часовъ. Но ночь была только по времени, на самомъ дѣлѣ сіялъ день, не яркій, но съ какимъ-то розоватымъ отливомъ. Видѣть можно было все на далекое разстояніе, читать можно было самую мелкую печать. Въ воздухѣ носились тучи комаровъ, хотя набережная Архангельска никакими растеніями не обсажена. Кто-то увѣрялъ, что комаровъ съ тундры вѣтромъ принесло.

Пассажиры первыхъ двухъ классовъ тотчасъ-же возбудили вопросъ о ночлегѣ на пароходѣ. Капитанъ сказалъ, что самовластно онъ не можетъ разрѣшить этого и спроситъ разрѣшеніе въ конторѣ. На пристани однако, оказался одинъ изъ директоровъ пароходства, который тотчасъ и далъ разрѣшеніе. До третьяго и четвертаго классовъ это разрѣшеніе не относилось, и пассажиры этихъ классовъ вереницей потянулись съ парохода. Явился ужъ вожакъ—старикъ съ сборной книжкой въ чехлѣ съ позументнымъ крестомъ, висѣвшей черезъ шею. Онъ велъ всѣхъ, выступающихъ съ парохода съ котомками, чайниками, бураками и валенками, закинутыми на плечи, и говорилъ:

— Прямо на монастырскую пристань, къ Соловецкому подворью. Тамъ и заночуемъ. Такъ всегда, кто въ Соловки... Никакого постоялаго двора не надо. Зачѣмъ изъяниться!

— А когда пароходъ въ Соловки отходитъ?— спросилъ я его.

— Ничего неизвѣстно. Но тамъ на монастырской пристани есть бараки и сколько угодно... Хочешь— спи, хочешь—сиди... По двое, по трое сутокъ сидятъ—и дозволяется.

Капитанъ далъ намъ слово узнать въ конторѣ, когда пойдетъ пароходъ въ Соловецкъ, но въ конторѣ знали только, что большой мурманскій пароходъ, заходящій и въ Соловки, ушелъ въ море вчера, когда-же пойдетъ монастырскій пароходъ въ Соловки—неизвѣстно. Но на пристани былъ околоточный, который сказалъ, что и монастырскій пароходъ ушелъ третьяго дня вечеромъ, а когда пойдетъ слѣдующій монастырскій, ничего неизвѣстно.

— Подъ праздникъ они больше ходятъ. Все наровятъ подъ праздникъ,—говорила прислуга на пристани.

Такія вѣсти повергли насъ и нашихъ спутниковъ въ уныніе. Я, мой товарищъ К. С. Баранцевичъ, казанскій помѣщикъ, два педагога и священникъ ѣхали съ цѣлью побывать въ Соловкахъ и имѣли въ своемъ распоряженіи на эту поѣздку четыре-пять дней, не болѣе, теперь-же было ясно, что расчитать, когда можно вернуться изъ Соловокъ въ Архангельскъ обратно,—никоимъ образомъ нельзя. Больше всего удручало насъ и нашихъ спутниковъ извѣстіе, что большой мурманскій пароходъ ушелъ только вчера. Въ „Спутникѣ по сѣверу Россіи“ говорилось, что пароходъ этотъ отправляется изъ Архангельска

только разъ въ недѣлю, стало быть вновь пойдетъ онъ только на будущей недѣлѣ.

— Сколько-же намъ придется въ Архангельскѣ ждать соловецкаго парохода?—задавали себѣ вопросъ мои спутники и не находили отвѣта.

— Я не могу ѣхать дальше. Если завтра монастырскій пароходъ не пойдетъ, я долженъ отказаться отъ Соловецка,—заявилъ мнѣ мой товарищъ.— Черезъ недѣлю мнѣ непремѣнно нужно быть въ Петербургѣ.

— Но если монастырскій пароходъ пойдетъ завтра раннимъ утромъ, а мы на здѣшнемъ пароходѣ проспимъ, то что тогда?..—говорилъ казанскій помѣщикъ.—Тогда ужъ Богъ знаетъ, сколько времени придется ждать другого парохода.

Одинъ изъ педагоговъ вызвался съѣздить на монастырскую пристань узнать что-нибудь на мѣстѣ относительно парохода, и отправился на извозчикѣ. Мы ждали его, сидя на верхней палубѣ. Пароходъ въ это время отвели къ какимъ-то запертымъ амбарамъ, построеннымъ на берегу на сваяхъ. Капитанъ, продѣлавъ все это, пришелъ къ намъ проститься.

— Будьте здоровы. Счастливаго пути. Не поминайте лихомъ. Поломки много было въ пути, оттого и опоздали. Въ Устюгѣ чинились, по дорогѣ два раза колеса чинили. А то во-время пришли-бы. Пароходъ шелъ исправно, у дровъ стояли не подолгу. Вѣдь съ людьми-то не сообразишь. Бродятъ, какъ мухи, нажравшіяся мухомора.

Онъ отправился на берегъ.

Черезъ часъ вернулся педагогъ. Онъ подъѣхалъ къ пароходу на лодкѣ.

— Ну, что?—встрѣтили мы его.

— Поѣхалъ по суху, вернулся по водѣ,—началъ онъ.—Съ берега на пароходъ сухопутнаго пути и не отыскать. Баржи, баржи безъ конца. Все крытыя баржи. Вотъ пришлось лодку нанять.

— Да что монастырскій пароходъ-то? Когда онъ въ Соловецкъ отправится?—приставали мы къ нему.

— И изъ Соловецка еще не приходилъ. Одни говорятъ, что завтра утромъ, другіе, что къ вечеру. Сами монахи такъ говорятъ. Ничего неизвѣстно.

— Это то-есть въ Соловецкъ отправится завтра вечеромъ пароходъ или только въ Архангельскъ придетъ?—допытывались мы.

— Ничего никто не знаетъ. А богомольцевъ съ котомками такъ и валитъ на пристань!..

И отправились мы по каютамъ спать. Солнце всходило и какими-то оранжевыми стрѣлами усѣяло все небо. Верхушки судовыхъ мачтъ и крыши домовъ были позлащены. Картина была дивная. Я невольно залюбовался. Гулко было въ воздухѣ. На широкомъ пространствѣ рѣки лавировалъ какой-то винтовой буксирный пароходъ и шипѣлъ парами, отъ берега спѣшилъ къ своему судну, стоявшему посрединѣ рѣки на якорѣ, какой-то матросъ, стоя въ лодкѣ, дѣйствовалъ однимъ весломъ, прикрѣпленнымъ къ кормѣ. Проснулись чайки и ужъ носились надъ водой.

Утромъ, когда мы проснулись, спутниковъ на-

шихъ на пароходѣ уже не было. Босые матросы мыли палубу, окачивая ее водой изъ ведеръ. Надо было сходить съ парохода и отыскивать себѣ помѣщеніе въ гостинницѣ. Каютнаго слуги не было.

— Нѣтъ-ли кого перенести багажъ нашъ на берегъ?—спрашиваемъ матросовъ.

— Перенесемъ. Только переходить-то вамъ теперь съ парохода трудно будетъ,—сказалъ матросъ.—Тутъ за амбарами все баржи, лодки. Не надо черезъ нихъ. Лучше стружокъ покликать.

Онъ сталъ кликать стружокъ, но стружка не оказалось. Пришлось сходить съ парохода путемъ, который даже матросъ считалъ неудобнымъ.

И точно. Мы перешли къ амбарамъ, по узенькой закраинѣ обошли ихъ, то и дѣло переступая черезъ тумбы для причаловъ, и стали перебираться черезъ крытыя баржи, стоявшія за амбарами, путешествуя по крышамъ ихъ. Баржи стояли не вплотную другъ къ дружкѣ и матросу то и дѣло приходилось перекидывать для насъ съ одной на другую доску для перехода. Путь былъ буквально каторжный. Доски крышъ трещали подъ ногами. Удобство ночлега на пароходѣ окупалось ужаснымъ путемъ.

Но вотъ мы и на берегу. У берега ни одного извозчика, чтобы ѣхать въ гостинницу. Матросъ побѣжалъ искать возницу и явился съ нимъ не скоро. Торговаться съ извозчикомъ уже не приходилось.

— Въ Троицкую гостинницу,—сказалъ я, зная

о существованіи такой гостинницы въ Архангельскѣ изъ „Путеводителя“.

Сѣли въ пролетку на манеръ петербургской, но безъ верха. Извозчикъ по одеждѣ смахивалъ скорѣй на лошадинаго барышника, въ суконной поддевкѣ, въ фуражкѣ и на груди поддевки, опоясанной ремнемъ, выпущена длинная серебряная цѣпь отъ часовъ.

Поѣхали по набережной. Бойкая маленькая лошаденка такъ и неслась по скверной булыжной мостовой. Попадались каменные двухъэтажные и трехъэтажные дома съ вывѣсками: контора такого-то пароходства, агентство такого-то страховаго общества, контора транспортированія кладей такого-то товарищества, вывѣски: страхованіе жизни, складъ парусовъ, депо соли, канатная торговля, керосинъ и минеральныя масла, но магазиновъ и лавокъ никакихъ. Проѣхали каменный театръ съ налѣпленными цвѣтными афишами.

Вотъ мы и у Троицкой гостинницы, помѣщающейся на набережной въ каменномъ трехъэтажномъ домѣ. На вывѣскѣ надпись „Троицкіе номера Федосова“.

XXII.

Троицкая гостинница такова, что годилась-бы и для столицы по своей чистотѣ, но за то и цѣны за помѣщеніе въ ней столичныя. Номеръ, который заняли я и мой товарищъ, былъ прекрасно обмеблированъ солидно сдѣланной мебелью, выходилъ окнами на набережную, имѣлъ прекрасныя постели съ хорошимъ бѣльемъ и крашеный полъ его такъ и блестѣлъ.

Разумѣется, сейчасъ появился самоваръ, и мы начали распивать чай. Служитель потребовалъ отъ насъ паспорты и, какъ мы ни увѣряли его, что можетъ быть даже сегодня вечеромъ выѣдемъ изъ Архангельска, стоялъ на своемъ, что паспортъ все равно прописать надо въ полиціи. Взявъ наши паспорты, онъ подалъ намъ карту, изъ которой мы узнали, что при гостинницѣ имѣется трактиръ, гдѣ можно получить обѣды изъ четырехъ блюдъ по 60 копѣекъ, а также и порціями „мясное и рыбное“ съ 10 ч. утра до 2 ч. ночи.

Утро было солнечное, жаркое, непохоже было, что мы на Сѣверѣ подъ 64°,32′ сѣверной широты. Окна у насъ были открыты и съ широчайшей Сѣверной Двины никакого дуновенія не было—до того было тихо въ воздухѣ.

Вдругъ я увидалъ въ окно казанскаго помѣщика. Онъ шелъ по набережной, помахивая тростью въ

одной рукѣ и „Путеводителемъ“ въ другой. Я окликалъ его.

— Ну, что, узнали что нибудь про соловецкій пароходъ?—спросилъ я его.

— Какъ-же, какъ-же. Пароходъ не пришелъ еще изъ Соловокъ, но на пристани увѣряютъ, что пароходъ придетъ сегодня днемъ и сегодня-же вечеромъ отправится въ Соловки.

Оказалось, что онъ остановился тоже въ нашей гостинницѣ, но только въ другомъ флигелѣ. Онъ тотчасъ-же зашелъ къ намъ.

— Богомольцевъ изнываетъ въ соловецкомъ подворьѣ у пристани цѣлыя толпы. Это все-таки утѣшаетъ, что пароходъ, придя изъ Соловокъ въ Архангельскъ, не будетъ ждать накопленія богомольцевъ, а сейчасъ-же отправится въ монастырь,—разсказывалъ онъ.—Вѣдь въ „Путеводителѣ“ сказано, что монастырскіе пароходы отправляются изъ Архангельска по мѣрѣ накопленія богомольцевъ.

— Ну, а не узнали, когда можно вернуться изъ Соловокъ обратно въ Архангельскъ?—спросилъ казанскаго помѣщика К. С. Баранцевичъ.

— Говорятъ, что можно вернуться черезъ три дня.

— То-есть считая тутъ и два пути — въ Соловецкъ и обратно.

— Нѣтъ—экъ, вы захотѣли! Пароходъ придетъ туда и будетъ тамъ стоять три дня. Оттуда опять рейсъ по мѣрѣ накопленія богомольцевъ.

— А можетъ быть обратные богомольцы нена-

копятся и въ теченіе трехъ дней, — скептически разсуждалъ мой товарищъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что никто ничего не знаетъ. Я разспрашивалъ монаховъ на подворьѣ— не знаютъ. А можетъ быть и знаютъ, да ничего не говорятъ.

Черезъ часъ мы осматривали городъ. К. С. Баранцевичъ, какъ хорошій пѣшеходъ, отправился съ казанскимъ помѣщикомъ пѣшкомъ, а я взялъ себѣ извозчика, чтобъ объѣзжать городъ.

Извозчики въ Архангельскѣ въ пролеткахъ и въ дрожкахъ, или „долгушахъ“, какъ ихъ здѣсь зовутъ. Первыхъ меньше. Я взялъ пролетку. Есть такса, но на практикѣ она не примѣняется. Мы уговорились по 50 копѣекъ въ часъ.

Архангельскъ по своему наружному виду очень чистый городъ для провинціи. Довольно чисто содержатся какъ самый центръ города, такъ и окраины его. Я такъ полагаю, что къ чистотѣ его пріучила значительная часть иностранцевъ, издавна живущихъ въ немъ и наѣзжающихъ, — нѣмцевъ, голландцевъ, англичанъ, датчанъ, шведовъ и норвежцевъ. Изъ 21.000 жителей города, какъ мнѣ разсказывали, добрая треть иностранцевъ. Нѣкоторые ужъ обрусѣли здѣсь. Насколько мнѣ пришлось замѣтить, самые красивые дома съ нерусскими фамиліями на воротахъ. При нѣкоторыхъ имѣются опрятно содержащіеся садики. Я былъ въ Архангельскѣ въ началѣ второй половины іюня мѣсяца, а въ садикахъ только еще распускалась сирень, тогда

какъ въ Петербургѣ она цвѣла мѣсяцемъ раньше. Говорятъ, что на зиму ее тамъ прикрываютъ. Безъ прикрышки она-бы вымерзла. Есть берлинскіе тополя кое-гдѣ, а остальныя насажденія—березы и березы. Меня удивляло, отчего я тамъ въ садахъ лиственницы не встрѣтилъ. Она красиво растетъ и не вымерзаетъ.

Архангельскъ вытянулся узкой лентой по правому берегу Двины на протяженіи 5 верстъ. Конечные пункты города—Архангельскій монастырь и Соломбальское селеніе, расположенное на островкѣ, омываемомъ двумя небольшими притоками Двины. Соломбальское селеніе соединено съ материкомъ мостомъ. Архангельскъ, какъ городъ, возникъ въ половинѣ XVII столѣтія, но сталъ играть роль только при Петрѣ. Архангельскій монастырь старше самаго города на четыреста лѣтъ и даже нынѣшнія его постройки возникли послѣ пожара въ 1638 г. Я былъ въ немъ. Въ монастырѣ нѣтъ ничего особенно интереснаго по части древностей, кромѣ монастырской ограды, съ приземистыми одноэтажными бойницами по угламъ, но и ее начинаютъ портить возникающими новыми каменными постройками. Одну изъ бойницъ я видѣлъ уже разрушенной. При монастырѣ кладбище, но съ новыми памятниками.

Главныхъ улицъ въ Архангельскѣ двѣ: набережная Двины и параллельно ей идущая Троицкая улица, гдѣ сосредоточены и лучшіе дома, и магазины, начиная отъ продающихъ модныя дамскія

шляпки до посудныхъ включительно. Всего больше колоніальныхъ магазиновъ съ продажей при чаѣ и сахарѣ различныхъ гастрономическихъ предметовъ. Нигдѣ я не встрѣтилъ такое множество продающихся лимоновъ, какъ здѣсь. На окнахъ магазиновъ ихъ цѣлыя груды. Были и ананасы. На Троицкой-же улицѣ я встрѣтилъ вывѣску „мебельнаго мастера, приготовляющаго гробы по разнымъ обрядамъ“.

Отъ набережной Троицкую улицу пересѣкаютъ десятка два маленькихъ улицъ и упираются прямо въ тундру, въ болото съ мелкимъ лѣсомъ. Эта-то тундра и не позволяетъ Архангельску шириться вглубь отъ берега. Въ тундрѣ, впрочемъ, находятся кладбища всѣхъ національностей и она отдѣлена отъ города небольшимъ обводнымъ каналомъ.

Осматривать въ Архангельскѣ что-либо маломальски замѣчательное достаточно для меня было и четырехъ часовъ. Я объѣздилъ весь городъ въ это время и побывалъ всюду, на что указывалъ „Путеводитель“, какъ на выдающееся.

Прежде всего Свято-Троицкій соборъ — храмъ, возникшій въ 1743 году, какъ здѣсь разсказываютъ, на указанномъ Петромъ Великимъ мѣстѣ. Самъ соборъ двухъэтажный съ куполами, усѣянными золотыми звѣздами, ничего изъ себя замѣчательнаго не представляетъ, но въ немъ стоитъ подъ балдахиномъ сосновый шестиаршинный крестъ, сдѣланный собственноручно Петромъ Великимъ въ память избавленія отъ бури въ Унскихъ рогахъ. Онъ пе-

ренесенъ сюда изъ Пертоминскаго монастыря въ началѣ нынѣшняго столѣтія. На крестѣ была вырѣзана Петромъ голландская надпись: „Dat Krus maken kaptein Piter van a Chr. 1694“. Исторія сооруженія креста и его перенесенія въ Архангельскъ изложена въ золотыхъ щитахъ, поддерживаемыхъ рѣзными изъ дерева и вызолоченными ангелами въ человѣческій ростъ, составляющими детали балдахина. Я искалъ надпись на самомъ крестѣ, но не нашелъ. Дерево креста мѣстами струхло, и то мѣсто, гдѣ находилась собственноручная надпись Петра, обсыпалось.

Около креста штандартъ и палестинскій флагъ со струга, на которомъ Петръ плылъ отъ Вологды до Архангельска.

— Часто заходятъ пріѣзжіе смотрѣть этотъ крестъ? — спросилъ я сторожа, отворившаго мнѣ соборъ.

— Да совсѣмъ не заходятъ. Никто не заходитъ, — отвѣчалъ онъ мнѣ.

Есть въ Архангельскѣ и домикъ Петра Великаго. Этотъ домикъ находится въ скверѣ, называемомъ почему-то Михайловскимъ бульваромъ. Онъ бревенчатый, перенесенъ сюда изъ Новодвинской крѣпости и стоитъ здѣсь подъ навѣсомъ. Домъ о пяти комнатахъ, и онѣ совершенно пусты.

Недалеко отъ собора передъ зданіемъ мужской гимназіи стоитъ памятникъ М. В. Ломоносову, очень, по моему, неудачный. Памятникъ вылитъ изъ мѣди и поставленъ въ 1832 году. Поэтъ и ученый представленъ стоящимъ на сѣверномъ полушаріи, на которомъ начертано: Холмогоры. Изображенъ онъ съ накинутой на плечи тогой, незакрывающей грудь, и эта тога настолько неудачна, что дѣлаетъ Ломоносова какъ-бы выходящимъ изъ бани съ накинутой на плечи простыней. Лицо какъ-то сморщено. Колѣнопреклоненный геній подаетъ ему лиру. Крылатый геній также неудаченъ. Пьедесталъ памятника гранитный. Вообще группа представляется очень комической. Ломоносовъ, какъ первый русскій ученый, достоинъ лучшаго памятника.

XXIII.

Объѣзжая городъ, я замѣтилъ, что магазинныхъ вывѣсокъ съ иностранными фамиліями почти на половину, но модистокъ, пріѣхавшихъ сразу изъ Парижа и Лондона, какъ это зачастую въ провинціи, на вывѣскахъ не встрѣчается. Въ Архангельскѣ нѣсколько бульваровъ съ березовыми насажденіями. На бульварахъ дамы въ шляпкахъ, по своей новомодности нисколько не отстающихъ отъ столицы. Какъ это ни странно покажется, но здѣсь, на крайнемъ Сѣверѣ, нѣкоторые мужчины были въ костюмахъ изъ чечунчи и парусины. Какъ и вездѣ въ провинціи, мужчины

имѣютъ слабость къ фуражкамъ въ бѣлыхъ чехлахъ. На бульварахъ возятся дѣти. Архангельскъ, кажется, единственный губернскій городъ, состоятельные обыватели котораго не выѣзжаютъ на дачи. Некуда выѣхать. Мужчины, какъ я узналъ, лѣтомъ выѣзжаютъ на нѣсколько дней на охоту и на рыбную ловлю на острова, составляющіе дельту Сѣверной Двины, и возвращаются оттуда ужъ не съ пустыми яхташами, какъ наши петербургскіе подгородные охотники, а привозятъ дичины и рыбы столько, что и въ недѣлю семьѣ не съѣсть. Самая интересная любительская ловля здѣсь, какъ мнѣ разсказывали, ловля семги на припускъ. На охоту отправляются съ собаками. Собаки въ Архангельскѣ сплошь лайки. И какія красивыя, пушистыя! Эту мѣстную породу собакъ охотники предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ. Да другихъ собакъ, кромѣ лаекъ, я въ городѣ и не замѣтилъ. Лайки встрѣчаются почти у каждыхъ воротъ. Солидно сидятъ онѣ, насторожившъ свои волчьи стоячія уши, или благодушно грѣются на солнцѣ, лежа. И какихъ, какихъ цвѣтовъ ихъ нѣтъ!

Бросается въ Архангельскѣ также въ глаза полное отсутствіе военныхъ. Военную форму я встрѣтилъ только полицейскую и жандармскую.

Мнѣ осталось осмотрѣть только Архангельскій публичный музей и базаръ. Музей сейчасъ-же за памятникомъ Ломоносова въ казенномъ каменномъ домѣ. Музей представляетъ изъ себя нѣсколько естественно-историческихъ коллекцій и собраніе

предметовъ домашняго быта, промысловъ и одежды мѣстнаго населенія. Очень не худо было-бы, еслибы каждый губернскій городъ имѣлъ такой музей, а то народные костюмы съ каждымъ годомъ утрачиваются, замѣняясь „спиньжаками“ и платьями съ „полечками“, а головной женскій народный уборъ ужъ повсемѣстно исчезъ. Вытѣсняются и предметы домашняго обихода — деревянная и глиняная посуда мѣстнаго производства и т. п.

Очень интересны въ музеѣ: костюмъ, плетеный изъ бересты, и лопарскій деревянный рукомойникъ, сдѣланный вмѣстѣ съ цѣпочкой, на которой онъ виситъ, изъ одного куска дерева. Но зачѣмъ въ музей попало кресло Филарета Никитича Романова изъ Сійскаго монастыря — я недоумѣвалъ. Въ монастырѣ-бы ему и сохраняться.

Дѣло уже было подъ вечеръ. Выходя изъ музея, я на подъѣздѣ встрѣтилъ педагоговъ-туристовъ.

— Представьте себѣ, пароходъ-то вѣдь сегодня вечеромъ въ Соловецкъ не пойдетъ! Пришелъ изъ Соловецка, но обратно туда сегодня не пойдетъ! — воскликнули они оба вмѣстѣ.

— Когда-же пойдетъ? — спросилъ я.

— Да говорятъ, что завтра утромъ. Не понимаемъ, чего ждать. Богомольцевъ въ подворьѣ накопилось ужасъ сколько.

— А узнали, когда изъ Соловецка обратно вернуться можно, если пароходъ завтра пойдетъ?

— Спрашивали у монаховъ на пароходѣ, но они опредѣленно ничего не говорятъ. „Уходимъ, гово-

рятъ, по благословенію отца настоятеля“. Да, непріятно ѣхать, если не знаешь, когда вернешься. Но мы все-таки поѣдемъ.

Затѣмъ осматривалъ я базаръ. На базарѣ главнымъ образомъ лавченки съ берестяными бураками, кусками холста ручной работы и пряжи для рыболовныхъ сѣтей; свѣжихъ овощей не было еще видно никакихъ. Овощи здѣсь очень поздно вызрѣваютъ. Парники только при богатыхъ обывательскихъ домахъ. Зато мяса и въ особенности рыбы много! Семга, нельма, палтусина, соленая и свѣжепросольная треска. Свѣжей трески лѣтомъ, какъ мнѣ сказали, ни за какія деньги достать нельзя. Зато какія крупныя стерляди! Какіе гиганты палтусы! Но живой рыбы на базарѣ не было. Здѣсь рыбу ловятъ и тотчасъ-же ее бьютъ. Въ Архангельскѣ садковъ вовсе не имѣется. Палтусина—это камбала, тюрьбо, та самая рыба тюрьбо, за которую, полученную изъ-за границы съ Атлантическаго океана, у насъ платятъ чуть-ли не по рублю за фунтъ. Теперь Петербургъ и Москва соединены съ Архангельскомъ рельсовымъ путемъ. Я невольно задалъ вопросъ: отчего эту палтусину, тюрьбо, можно привозить по желѣзной дорогѣ съ Атлантическаго океана и отчего нельзя съ Бѣлаго моря? Въ Петербургѣ архангельской палтусины я не встрѣчалъ. А какіе экземпляры палтусовые я здѣсь видѣлъ! По пуду вѣсомъ.

Старьемъ на базарѣ торгуютъ евреи. И сюда на крайній сѣверъ они забрались.

Есть на базарѣ и иконныя лавки. При иконахъ продаютъ миніатюрныя ноги, руки, головы, сердца, сдѣланныя изъ серебра. Предметы эти покупаютъ богомольцы и вѣшаютъ въ монастыряхъ на иконы на цвѣтныхъ шелковыхъ лентахъ. Тутъ-же продаются и ленты.

Я поинтересовался, какія иконы больше покупаются, и спросилъ объ этомъ у торговца.

— Само собой, Никола-батюшка,—отвѣчалъ мнѣ тотъ.—Вымѣниваютъ также много Егорія Побѣдоносца, Прасковею Пятницу.

Базаръ расположенъ на набережной Двины. Дѣло было подъ вечеръ. По базару бродили кухарки и хозяйки, закупали провизію—и каждая изъ нихъ была съ большимъ берестянымъ буракомъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ. Бураки здѣсь отлично дѣлаютъ и иногда по красной краскѣ разрисовываютъ зелеными травками и цвѣточками.

Тутъ-же на набережной каменный театръ, а противъ него черезъ улицу деревянныя бани. На баняхъ развѣвается красный флагъ. На театрѣ громадная зеленая афиша, возвѣщающая, что вечеромъ будетъ представлена комедія А. И. Пальма „Грѣшница“. Въ баню и изъ бани такъ и сновалъ народъ. Выходили съ малиновыми отъ пару лицами и несли съ собой распаренные вѣники для домашняго обихода. А когда я зашелъ въ театръ, чтобы взять себѣ кресло на спектакль, у кассы висѣло объявленіе, что „сегодняшній спектакль отмѣненъ“.

— Отчего отмѣненъ?—спросилъ я сторожа.

— Да сбора нѣтъ. Никто билеты не беретъ,—былъ отвѣтъ.

— Ну, а въ другіе-то дни сборъ бываетъ?

— Бываетъ... Но плохо нынче. А малороссы, такъ у тѣхъ еще хуже.

— Какъ? Еще есть и малороссы? Стало быть, двѣ труппы!—удивился я.

— Малороссы играютъ въ другомъ театрѣ въ саду. Къ тѣмъ ужъ совсѣмъ никто не ходитъ.

А на афишѣ, извѣщающей представленіе „Грѣшницы“, въ красной строкѣ стояло имя извѣстной по провинціи комической старухи Савиной.

Домой я вернулся и засталъ моего товарища по путешествію лежащимъ.

— Измучился, какъ собака,—сказалъ онъ мнѣ.— Обѣгалъ весь городъ. Въ сущности здѣсь смотрѣть рѣшительно ничего. Былъ сейчасъ и на монастырской пристани. Монахи объявили мнѣ, что пароходъ въ Соловки пойдетъ только завтра вечеромъ.

— Какъ? Ужъ вечеромъ? А сейчасъ педагоги мнѣ сказали, что завтра утромъ,—удивился я.

— Вечеромъ, вечеромъ. Ждутъ подсолнечнаго масла три бочки, которое придетъ по желѣзной дорогѣ для монастыря, что-ли. Монахъ мнѣ объявилъ, что ближе десяти часовъ завтрашняго вечера имъ не уйти изъ Архангельска. Будутъ ждать масла. Вы какъ хотите, а я въ Соловецкъ не поѣду. Мнѣ нельзя. Тамъ застрянешь и не вѣдь когда попадешь въ Петербургъ,—прибавилъ товарищъ.

— При такихъ порядкахъ и я не поѣду,—отвѣчалъ я.

Мы рѣшили завтра-же подъ вечеръ выѣхать по желѣзной дорогѣ изъ Архангельска въ Петербургъ, такъ какъ поѣздъ идетъ всего одинъ разъ въ день,—онъ-же пассажирскій, онъ-же почтовый, онъ-же и товарный, а сегодняшній ужъ ушелъ.

Обѣдали мы въ ресторанѣ при гостинницѣ. Кормятъ сытно и вкусно, хотя обѣдъ стоитъ всего 60 копѣекъ. Въ обѣдѣ была подана свѣжепросольная треска, отварная, съ топленымъ масломъ и рублеными яйцами, бѣлая какъ бумага и на вкусъ, надо отдать справедливость, превосходная.

При ресторанѣ имѣется очень приличный органъ, но не успѣли мы кончить обѣда, какъ въ ресторанъ явился цѣлый оркестръ музыкантовъ, расположился въ главной комнатѣ и грянулъ увертюру изъ „Фенелы“. Врали скрипки, пронзительно взвизгивалъ кларнетъ, не впопадъ ревѣла труба.

— Для чего этотъ оркестръ? Вѣдь у васъ въ ресторанѣ органъ есть,—сказали мы слугѣ.

— Хозяинъ пригласилъ для привлеченія публики. Органъ ужъ надоѣлъ,—отвѣчалъ тотъ.

Весь вечеръ наигрывалъ этотъ оркестръ и захватилъ ночь до двухъ часовъ. Звуки его раздавались въ открытыя окна на всю улицу.

XXIV.

На слѣдующій день въ началѣ третьяго часа мы выѣзжали на дрожкахъ изъ гостинницы, направляясь на желѣзную дорогу или, лучше сказать, къ пароходной пристани на желѣзнодорожный пароходъ, который перевозитъ пассажировъ на станцію желѣзной дороги, находящуюся на противоположной сторонѣ Сѣверной Двины отъ Архангельска. Дрожки эти, поставленныя на длинныя жерди тарантаснаго хода, по моему, куда лучше узенькихъ пролетокъ. На дрожкахъ двоимъ было очень просторно сидѣть, а багажъ нашъ мы привязали на жерди сзади сидѣнья. Ѣхали мы съ цѣлой корзиной провизіи, такъ какъ насъ предупредили, что въ станціонныхъ буфетахъ желѣзной дороги невозможно достать даже и крутыя яйца. Имѣются водка, пиво, соленыя закуски изъ числа консервовъ. На дѣлѣ такъ и было, но иногда и крутыхъ яицъ нельзя было достать.

Архангельско-Вологодская желѣзная дорога меня больше интересовала, чѣмъ водный путь отъ Вологды до Архангельска. Про нее ходили такіе слухи, такіе анекдоты, что, выслушавши ихъ, человѣкъ, дорожащій хоть сколько-нибудь временемъ, ни за что не поѣдетъ по ней. Разсказывали, что главный строитель ея, предсѣдатель правленія, поѣхалъ по ней изъ Вологды въ Архангельскъ да такъ и не доѣхалъ, застрявъ въ пути. Говорили, что поѣзда ходятъ такъ тихо, что пассажиры выходятъ изъ вагоновъ, идутъ около поѣзда и собираютъ грибы. Сплетничали, что поѣзда не всегда по ночамъ и ходятъ, а въ темныя ночи останавливаются на станціяхъ до разсвѣта, а пассажиры, не найдя никакого продовольствія на станціи, раскладываютъ около рельсовъ костры и варятъ въ металлическихъ чайникахъ привезенный съ собой картофель. Говорили, что болотистая почва тундры выпираетъ каждый день шпалы, а съ ними и рельсы, и что поѣзда возятъ съ собой рабочихъ, которые, какъ только такой участокъ попадется— сейчасъ и чинятъ его, а поѣздъ стоитъ и ждетъ.

Ничего подобнаго, какъ я увидалъ впослѣдствіи, не было. Такъ какъ Вологодско-Архангельская желѣзная дорога явилась уже нѣкоторымъ конкурентомъ воднаго пути отъ Вологды до Архангельска, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, сплетни эти разглашали сторонники воднаго пути. Это былъ подвигъ, громадный подвигъ провести желѣзный путь по совершенно незаселенной дикой мѣстности и ждать барышей только въ далекомъ будущемъ, когда около полотна дороги начнутъ создаваться поселенія, заводы, мѣстечки и города.

Но я забѣгаю впередъ.

Пристань парохода, перевозящаго пассажировъ черезъ рѣку къ вокзалу желѣзной дороги, находится на концѣ города за Архангельскимъ монастыремъ. Мы подъѣхали къ ней. Къ дрожкамъ на-

шимъ подскочилъ матросъ въ форменной одеждѣ, взялъ нашъ багажъ и понесъ его на пароходъ. Пристань удобная, куда лучше пристаней двухъ вологодско-архангельскихъ пароходствъ; желѣзнодорожный пароходъ „Москва“ можетъ назваться даже роскошнымъ.

— Гдѣ-же касса?—спрашивалъ я матроса.— Нужно купить билетъ на перевозъ.

— За пароходъ ничего не полагается-съ. Даромъ возятъ,—былъ отвѣтъ.

— Но вѣдь могутъ и не ѣдущіе по желѣзной дорогѣ сѣсть на пароходъ.

— Провожатые-съ? Что дѣлать... И тѣхъ возимъ...

На пароходѣ всего и переѣзда-то черезъ рѣку 15—20 минутъ, а на пароходѣ есть буфетъ. Какіе-то два гладко-бритые англичанина и чиновникъ въ таможенной формѣ пили въ свѣтлой рубкѣ портеръ, усердно подливали чиновнику и смѣялись надъ нимъ, разговаривая между собой по-англійски, и вставляли въ рѣчь русскія слова только тогда, когда обращались къ нему. Чиновникъ былъ пьянъ и пучилъ глаза. Къ пристани продолжали подъѣзжать и подходить пассажиры. Были богомольцы съ котомками за плечами. Они садились, гдѣ хотѣли. Пароходъ подѣленъ на классы, но на самомъ дѣлѣ классовъ не было.

Вдругъ я увидѣлъ на пристани казанскаго помѣщика съ „Путеводителемъ“ въ рукѣ. Онъ тоже замѣтилъ насъ, замахалъ книжкой и закричалъ:

— Вообразите, соловецкій-то пароходъ и сегодня вечеромъ не идетъ! Говорятъ, завтра утромъ. Но можетъ и завтра утромъ обманутъ. Каково это, столько времени сидѣть въ Архангельскѣ! Вы благую часть избрали, что уѣзжаете.

— Такъ поѣдемте вмѣстѣ. Поѣзжайте въ гостиницу за багажомъ и сюда. Еще успѣете.

— Нѣтъ, ужъ положилъ себѣ съѣздить въ Соловецкъ. Да и далъ слово педагогамъ, что поѣду съ ними за компанію. Прощайте. Пойду въ здѣшній клубъ обѣдать. Говорятъ, тамъ кормятъ хорошо.

И мы распрощались.

Черезъ полчаса пароходъ тронулся, забурливъ винтомъ.

Вотъ и противоположный берегъ. Вотъ и пристань. Но тутъ пошелъ проливной дождь съ градомъ. Отъ пристани до желѣзнодорожной станціи добрыхъ четверть версты. Кое-гдѣ проложены мостки, но они нѣсколько разъ прерываются и приходится мѣсить глину. И вотъ началось шествіе подъ проливнымъ дождемъ. Хорошо, у кого были резиновые плащи. Впрочемъ, говорятъ, что къ осени будетъ выстроенъ навѣсъ отъ пароходной пристани къ станціи, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ мостками идетъ и вѣтвь рельсоваго пути прямо къ берегу.

Дорога совсѣмъ еще не готова. Станціонный домъ только еще отстраивается. Работаютъ штукатуры и маляры, стучатъ топорами плотники. Ни оконъ, ни дверей... Въ уголкѣ, однако, отдѣлена каморка

съ окошечкомъ, и тутъ кассиръ продаетъ билеты. Въ публикѣ то и дѣло слышны возгласы въ родѣ:

— Батюшки! Какъ я вымазался! Вѣдь это масляная краска.

— Ничего... Скипидаромъ, такъ выйдетъ,—утѣшаетъ кто-нибудь.

Багажъ принимаютъ подъ навѣсомъ. Навѣсъ сколоченъ наскоро и сквозь него цѣлые потоки дождя. Раньше и этого не было. Станціонный домъ начали строить только весной. Еще въ началѣ мая билеты продавали въ баракѣ-шалашикѣ. И по сейчасъ на станціи живутъ только сторожа. Начальникъ станціи, кассиръ, жандармы—всѣ квартируютъ въ Архангельскѣ и пріѣзжаютъ на желѣзную дорогу только къ приходящему поѣзду и къ отходящему, которыхъ бываетъ по одному въ день.

— Билетъ до Петербурга позвольте...—говорю я кассиру.

— Не выдаемъ до Петербурга.

— Отчего? Вѣдь вездѣ-же выдаютъ, гдѣ имѣется непрерывный путь.

— Не выдаемъ-съ. Нѣтъ у насъ этого. Выдаемъ только до станціи „Волга“ въ Ярославлѣ.

Первый классъ въ поѣздѣ въ смѣшанномъ вагонѣ со вторымъ классомъ. Второго класса ѣдетъ полтора вагона. Первый классъ ничѣмъ не отличается отъ второго, кромѣ обивки. Удобства одни и тѣ же. Всѣ вагоны съ купэ и съ корридоромъ, высокіе, со столиками, съ откидными спинками для спанья, поднимающимися на ремняхъ кверху. Вен-

Н. А. Лейкинъ.

тиляція отличная. Воздуху бездна. Умывальныя комнатки роскошныя, просторныя. Никелированные приборы у дверей и оконъ. Такихъ вагоновъ по роскоши я нигдѣ не встрѣчалъ. Въ первомъ классѣ никто не ѣдетъ, во второмъ классѣ пассажиры такъ размѣстились, что ихъ по двое въ купэ, да еще два купэ свободныя остались.

Возникающія станціонныя постройки, масса рабочихъ, суетящихся вокругъ поѣзда съ топорами, пилами, кистями, ведрами,—все это мнѣ напоминаетъ описаніе новостроющихся американскихъ желѣзныхъ дорогъ. Для довершенія сходства, въ купэ къ намъ заглядываетъ смазчикъ колесъ.

— Кипяточкомъ запастись не желаете-ли? Чайку заварить?—предлагаетъ онъ.—Станція съ буфетомъ не скоро, да тамъ и вода противная. Прямо, будемъ говорить, изъ болота. Тундра.

Мы дали нашъ чайникъ заварить чай.

Все запасается въ дорогу. Англичанамъ въ купэ пронесли съ парохода цѣлую корзину портеру. Проходитъ мимо нашего купэ полный пассажиръ торговой складки въ фуражкѣ съ бѣлымъ чехломъ и говоритъ кому-то:

— Яицъ у меня захвачено двадцать пять штукъ. Я думаю, довольно. Хвостикъ семги есть, ветчина, колбаса, полный буракъ вареной трески.

— Хлѣба, хлѣба побольше надо. На станціяхъ преплохой, да не вездѣ и есть,—откликаются ему.

Проходитъ какая-то дама съ мальчикомъ лѣтъ семи и тащитъ четвертную бутыль молока.

По Сѣверу дикому.

— Куда вы столько? Вѣдь скиснется,—замѣчаютъ ей.

— А скиснется, такъ кислое будемъ ѣсть. Вѣдь по дорогѣ ужъ не достать—отвѣчаетъ она.

XXV.

Поѣздъ тронулся и сталъ прибавлять ходъ. Вначалѣ мы сидѣли въ купэ не одни. Кромѣ меня и моего товарища по путешествію сидѣла молодая еще дама, блондинка цвѣта льняной пряжи и пестро одѣтая въ костюмъ, въ которомъ преобладали бѣлый и голубой цвѣта. Мы ее замѣтили еще на пароходѣ и почему-то приняли за англичанку. Каково-же было наше удивленіе, когда она заговорила съ нами на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ.

— Я васъ не долго буду стѣснять, — сказала она.—Я ѣду только десять верстъ... до Исакогорки... До слѣдующей станціи. Затѣмъ вы останетесь одни.

— Если кто-либо не сядетъ на промежуточной станціи,—откликнулся мой товарищъ.

Она улыбнулась и проговорила:

— На этой дорогѣ никто не садится на промежуточныхъ станціяхъ. Можете быть покойны.

— Вы хорошо знаете эту дорогу?—спросилъ я.

— Еще-бы. Я на ней живу. Я живу на станціи Исакогорки. Два раза проѣзжала по ней до Вологды. Два раза въ недѣлю ѣзжу въ Архангельскъ за провизіей.

— Вашъ мужъ служащій на желѣзной дорогѣ?

— Нѣтъ. Онъ такъ... работаетъ.

— По строительной части?—снова задалъ я вопросъ, но дамочка промолчала.

Пройдя сажень двѣсти, мы перебѣжали черезъ мостъ небольшой рѣчки.

— Какъ эта рѣчка называется?—спросилъ я.— Вы должны знать, если часто ѣздите.

— Молохновка. Я здѣсь все знаю, каждый кустикъ. Мы сейчасъ ѣхали по острову Глуховскому. Вѣдь вокзалъ строится на островѣ. Это островъ на Двинѣ. На немъ есть нѣсколько деревень.

Какъ только мы переѣхали мостъ, сейчасъ-же и началась тундра съ мелкимъ лѣсомъ, съ бѣлымъ мохомъ. Кочки, кочки безъ конца. Вдали показалась деревушка.

— Однако, все-таки, и на такомъ болотѣ есть селеніе.

— Это послѣдняя. А дальше никакой...—проговорила дамочка. — Къ Исакогоркѣ лѣсъ начнется. Въ шести, семи верстахъ отъ станціи къ Двинѣ есть монастырь и селенія по рѣкѣ. А дальше по желѣзной дорогѣ тундра, безъ конца. Тамъ есть даже станція, которая такъ и называется: Тундра.

— Скучно, я думаю, на станціи жить? — спросилъ я.

— Ужасъ!—пожала она плечами.

— Въ особенности, я думаю, зимой.

— Да и лѣтомъ. Отъ комаровъ и мошекъ спать невозможно. Устроенъ пологъ надъ кроватью, но и туда залетаютъ. Вы знаете, здѣсь рабочіе лѣтомъ въ сѣткахъ работаютъ. Или обвяжетъ голову тряпками, оставитъ только глаза, такъ и работаетъ. Нѣкоторое спасеніе костры. Но надо, чтобы костеръ дымилъ, а огонь только привлекаетъ комаровъ и мошекъ. Можжевельникъ жгутъ. Здѣсь можжевельнику повсюду много.

— Но зимой, все-таки, скучнѣе,—замѣтилъ я.

— До невозможности!—покрутила она головой.— Вѣдь поѣздовъ только два въ день: изъ Вологды и изъ Архангельска. Зимой дневнаго свѣта только часа полтора, два, и то только въ ясный день. А то ночь, ночь безъ конца. Къ намъ на станцію волки приходятъ. Приходятъ подъ окна и воютъ. У насъ на станціи мужчины бьютъ ихъ изъ форточки. Я прожила одну зиму и, кажется, на вторую ужъ не останусь. Можно съума сойти.

Дамочка сдержала слово и вышла на первой станціи. Мы остались въ купэ одни.

Станціонный домикъ, однако, былъ приглядный, веселенькій, двухъэтажный, окрашенный въ желтую краску и былъ, какъ говорится, свѣженькій, съ иголочки. Въ противоположность вокзалу въ Архангельскѣ, всѣ станціонныя постройки были закончены. Невдалекѣ отъ станціоннаго дома стояла бревенчатая тоже рубленная изба, очевидно, для станціонныхъ сторожей. Вокругъ построекъ земля была утрамбована и даже посыпана желтымъ пескомъ.

Но тотчасъ за станціей и вправо и влѣво отъ нея начинался лѣсъ, дремучій лѣсъ.

Ѣдемъ дальше. Я смотрю въ окно и вижу, что направо и налѣво валяется срубленный лѣсъ. Гиганты ели и сосны лежатъ въ безпорядкѣ на землѣ около полотна дороги, обросли густой травой и гніютъ. Нѣкоторыя деревья свалены въ бочаги, болотныя лужи, поросшія хвощомъ, и ужъ покрылись мохомъ. Входитъ оберъ-кондукторъ и я обращаюсь къ нему съ вопросомъ, отчего повсюду столько срубленнаго лѣса гніетъ и даромъ пропадаетъ.

— Не успѣли еще на дрова изрубить, — отвѣчаетъ онъ. — Очень ужъ много деревъ повалили, когда просѣку для полотна дѣлали. Форменныя-то сосны на шпалы ушли, а вотъ ель лежитъ. Да когда-нибудь распилятъ и разрубятъ. Паровозы все съѣдятъ.

— Къ тому времени все сгніетъ,—замѣчаетъ мой товарищъ.

— Не сгніетъ-съ. Что нибудь останется. Очень ужъ много навалено. Рукъ не хватаетъ.

— Поди, года два такъ лежитъ? — допытываемся мы.

— Больше-съ. Года четыре, лѣтъ пять. Какъ начали дорогу вести, такъ и повалили.

Кондукторъ простригъ наши билеты и ушелъ.

Мы смотримъ въ окно на полотно дороги, вглядываемся и видимъ, что параллельно желѣзнодорожному полотну тянется другая дорога изъ мелкихъ бревенъ, засыпанныхъ пескомъ и землей, за-

ложенныхъ наваленнымъ дерномъ. Она тянется уже десятка два верстъ.

— Что это за дорога?—дѣлаетъ догадку мой товарищъ по путешествію. — Неужели земская? Неужели та, по которой ѣздили до постройки желѣзнаго пути?

— Не думаю,—отвѣчаю я. — На Архангельскъ изъ Вологды есть хорошее шоссе. Но, все-таки, это дорога и по ней кто-нибудь ѣздитъ. Воображаю, каково проѣхать по такой бревенчатой дорогѣ верстъ двадцать въ телѣгѣ! Всю душу вытрясетъ.

Впослѣдствіи, разговорившись съ купцомъ въ бѣлой фуражкѣ, который везъ съ собой для своего продовольствія двадцать пять штукъ крутыхъ яицъ и буракъ съ отварной соленой треской и множество другихъ явствъ, мы узнали отъ него, что бревенчатая дорога сооружена была желѣзнодорожными строителями для подвоза гужомъ матеріаловъ, нужныхъ для постройки желѣзнаго пути. Купецъ оказался архангельскимъ жителемъ, промышленникомъ по части скупанія бѣличьихъ шкурокъ и другихъ мѣховъ и хорошо знакомымъ съ постройкой этой дороги.

— Бѣлкой торгуемъ... ну, и другія шкуры... Выдра, песецъ... лисица...—отрекомендовалъ онъ свою профессію и при этомъ прибавилъ:—Хотя въ нашихъ мѣстахъ хорошей лисицы нѣтъ. А что до желѣзной дороги, то вѣдь это все на нашихъ глазахъ строилось. Вы не повѣрите, что только тутъ

было! Вѣдь дебри приходилось просѣкать, по непроходимымъ болотамъ шпалы прокладывать. Сдѣлаютъ насыпь, а ее, смотришь, черезъ недѣлю размыло. Да вотъ вы сейчасъ увидите, какое тутъ мѣстоположеніе. Къ тундрѣ подъѣзжаемъ. Отъ одного воспаренія изъ земли песокъ расплывается. Пѣшіе-то рабочіе вязли по колѣно въ болотѣ, такъ какъ-же было на лошадяхъ матеріалы-то подвозить?—разсказывалъ онъ.—Вотъ и выстроили эту бревенчатую дорогу. Вѣдь почти вплоть до Вологды она тянется. Положимъ, лѣсу здѣсь два гроша цѣна, вонъ его сколько вокругъ гніетъ, но что стоило проложить, выровнять, землей засыпать—уму помраченье! Но вотъ теперь и желѣзная дорога построена, а когда барыши будутъ? Видите, сколько ѣздитъ. Пустой поѣздъ идетъ. Да вѣдь на пассажирахъ далеко не уѣдешь, нужно товары возить, а товаровъ нѣтъ. Товарные-то вагоны за нами тоже пустопорожніе тянутся.

А поѣздъ въ это время, пройдя верстъ пятнадцать съ нормальной скоростью пассажирскаго поѣзда, сталъ убавлять ходъ. Я выглянулъ въ окошко. Лѣсъ кончился. Шла опять тундра, поросшая бѣлымъ оленьимъ мохомъ. Кое-гдѣ стоялъ чахлый кустарникъ, блестѣли на солнцѣ переполненные водой бочаги и болотныя лужи. Поѣздъ шелъ по высокой песчаной насыпи. Десятки рабочихъ, повязанныхъ тряпицами, съ заступами въ рукахъ исправляли обсыпавшіяся мѣста насыпи. Поѣздъ совсѣмъ замедлилъ ходъ и еле двигался.

— Верстъ сто пятьдесятъ мы вотъ теперь такъ пойдемъ,—говорилъ купецъ. — Припустимъ малость и опять шагомъ... припустимъ и опять. Мѣсто опасное... Нельзя шибко идти. Шпалы разъѣзжаются, насыпь размывается. Какъ сильные дожди— и готово, и чини. Да еще спасибо машинистамъ, что осторожно идутъ... шагъ за шагомъ. А поспѣшишь—людей насмѣшишь. Долго-ли до грѣха? Сейчасъ кувыркомъ. Бѣда! Нѣтъ, я хвалю здѣшнюю дорогу за осторожность. Другіе ругаютъ, что тихо поѣздъ идетъ, а я хвалю. Жизнь-то дороже поспѣшки.

Поѣздъ совсѣмъ остановился. Раздался звонокъ. Передъ окномъ вагона былъ веселенькій станціонный домикъ и на немъ вывѣска гласила названіе станціи—Тундра.

XXVI.

Мы отъѣзжали отъ станціи Тундра. Поѣздъ еле двигался. Пассажиры разсуждали о томъ, сколько такимъ ходомъ поѣздъ въ часъ идетъ. Одни говорили, что пять-шесть верстъ въ часъ, другіе, что десять. Послѣднее было вѣроятнѣе. Былъ вечеръ. Солнце закатывалось краснымъ шаромъ. Комаровъ къ намъ въ вагонъ забрались цѣлыя тучи. Ни табачный дымъ, ни одеколонъ не спасали. Я и мой товарищъ были изжалены до

опухоли. Руки, лицо, шея покрывались ими. Укусъ приходился въ укусъ и все сплошь зудѣло. Мы ужъ перестали отмахиваться и покорились.

Пассажиры начали ужинать по своимъ купэ. Ужинали настоящимъ манеромъ, вплотную. У всѣхъ были пирожки или пироги. Англичане ѣхали даже со столовымъ ларцомъ. Вынули тарелки, ножи, вилки, ложки, приспособили чемоданы и разставили на нихъ приборы. У нихъ то и дѣло хлопали пробки. Дама, ѣхавшая съ мальчикомъ, везла даже куриный разсольникъ въ большомъ буракѣ. Купецъ разложился также со своей провизіей и уничтожалъ ее, запивая квасомъ. Вынули и мы наши съѣстные запасы. Купэ были отворены и, проходя по корридору вагона, все можно было видѣть. Нигдѣ въ поѣздахъ мнѣ не приходилось видѣть такой патріархальности. Все было по домашнему. Мужчины были безъ верхней одежды въ однихъ жилетахъ, дамы безъ корсажей въ бѣлыхъ кофточкахъ. Такъ и въ корридоръ изъ купэ выходили и никто не претендовалъ. Сняли и мы наши пиджаки.

Поужинавъ, купецъ вышелъ въ корридоръ и, похлопывая себя по чреву, стоялъ у открытаго окна. Я подошелъ къ нему. Онъ кивнулъ на разстилающійся передъ нами бѣлый мохъ тундры и произнесъ:

— А вотъ водицы здѣшней испить—живо лихорадка затреплетъ. Да и для чаю. Ближе Плесецкой нельзя для чаю кипятку брать... Желтая прежелтая вода и прямо гнилью пахнетъ. Ну, а на Плесецкой станціи ужъ рѣка, рѣчная вода.

Путь повсюду исправляли. То и дѣло около полотна дороги попадались сложенныя тачки, лопаты. То тамъ, то сямъ виднѣлись шалаши и землянки для рабочихъ, утопающіе въ болотѣ. Кое-гдѣ горѣли костры. Видно было, что участокъ этотъ усердно исправляли и укрѣпляли. На откосы насыпей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ набивали дернъ клѣтками. Попадались груды каменьевъ, привезенныхъ для укрѣпленія насыпей. Купецъ опять кивнулъ на полотно и сказалъ:

— Укрѣпляй или не укрѣпляй, а въ обходъ этотъ участокъ вести придется. Верстъ за сто отсюда крѣпкая лѣсная мѣстность есть, даже камень. А вотъ захотѣли инженеры изъ экономіи, что-ли, прямо полотно вести, какъ по линейкѣ. „Выдержитъ, говорятъ, и тундра, если насыпи основательныя“. Вотъ тебѣ и выдержала! Зимой поѣздъ бойко бѣжитъ и ничего, потому морозомъ сковано. А какъ растаетъ, начнется весна — ну, и готова карета. Ужъ чего, чего тутъ не дѣлали, чтобы укрѣпить — ничего не помогаетъ. Весна, осень, пошли дожди — и готова карета. Иди черепашьимъ шагомъ. Тутъ по осени въ нѣкоторыхъ особенно топкихъ мѣстахъ бревенчатые плоты погрузили и на нихъ ужъ насыпь сдѣлали и рельсы положили. Пришла весна, стала отходить земля и морозомъ снизу всѣ бревна повыперло. Американская система это называется. Но не помогла и американская система. Должно быть Америка сама по себѣ, а Русь матушка сама по себѣ. Ну-съ, покойной ночи. Пора и ко сну.

Пойти къ себѣ въ келью, да всхрапку задать, — закончилъ онъ и раскланялся со мной.

Ночью мы спали отлично. Не тревожили насъ ни кондукторы, ни ревизоры осмотромъ билетовъ.

Когда мы на утро проснулись—поѣздъ шелъ уже полнымъ ходомъ. Направо и налѣво шли ужъ лѣса. Стояли громадныя ели и сосны. Между елями попадалась пихта, лиственница... Около полотна дороги попрежнему тянулась дорога изъ бревенъ, попрежнему лежали въ безпорядкѣ трупы громадныхъ срубленныхъ деревьевъ и гнили. Дама съ мальчикомъ уже проснулись и она варила кофе въ кофейникѣ на спиртовомъ таганѣ, поставленномъ на столикѣ въ купэ. Стояла бутылка со сливками. Съ сѣтки висѣла связка баранокъ; мальчишка блажилъ и говорилъ:

— Мама, дай мнѣ сладкаго пирога! Сладкаго пирога хочу!

Я прошелся по корридору. Купецъ сидѣлъ и ужъ ѣлъ крутыя яйца.

— Добраго здоровья!—сказалъ онъ мнѣ.—Какъ почивать изволили? Съ добрымъ утромъ. Тундру ужъ прошли и теперь все пойдетъ какъ по маслу, безъ тычка и безъ задоринки. Всего до Вологды отъ Архангельска 595 верстъ, а этотъ участокъ, что мы прошли, самый поганый, самый каторжный былъ. Теперь путь будетъ все лучше и лучше.

— Когда въ Вологду пріѣдемъ?—спросилъ я.— Не знаете?

— Завтра утречкомъ. Я спрашивалъ сейчасъ у

кондуктора. Я-то сойду, а вамъ-то въ Вологдѣ часа три стоять придется. Ну, что-жъ, къ Брызгалову въ ресторанъ потрапезовать съѣздить можете. Отъ станціи десять минутъ ѣзды.

— Если завтра утромъ, то это по росписанію, а я думалъ изъ-за вчерашняго тихаго хода опоздаемъ часовъ на пять. Вѣдь часовъ восемь черепашьимъ-то шагомъ двигались вчера,—сказалъ я.

А это ужъ у нихъ за обычай, что по тундрѣ тихій ходъ, и въ росписаніе вошло. Семужки съ яичкомъ не изволите-ли скушать?—предложилъ мнѣ купецъ.

Я поблагодарилъ и отказался.

Лѣса по обѣ стороны желѣзной дороги шли все дремучѣе и дремучѣе. Жилья ужъ никакого не попадалось. Шалаши рабочихъ по дорогѣ были полуразрушены и пустовали. Путь былъ, очевидно, исправенъ, и я нигдѣ не замѣтилъ ужъ исправленія его. Гиганты деревья попрежнему лежали около желѣзнодорожнаго полотна и гнили, но близъ станцій ихъ уже начинали распиливать рабочіе на дрова и дрова складывали въ штабели.

— Вотъ если-бы нашелся предпріимчивый человѣкъ, скупилъ-бы весь этотъ валяющійся лѣсъ, распилилъ на дрова и двинулъ-бы въ Петербургъ,—сказалъ мой товарищъ по путешествію.—Сразу-бы можно было достичь въ Петербургѣ пониженіе цѣнъ на дрова. Вѣдь здѣсь, что мы видѣли, до полумилліона сажень можно напилить. Желѣзная

дорога навѣрное уступила-бы весь этотъ лѣсъ за безцѣнокъ.

Купецъ улыбнулся и сказалъ:

— За моремъ телушка полушка, да провозъ дорогъ. До Волги по желѣзной дорогѣ довезете, а тамъ что? Въ Ярославлѣ моста нѣтъ. Придется перегружать на барки. А во что это влѣзетъ!

Послѣ полудня къ намъ въ купэ заглянулъ кондукторъ и произнесъ:

— Станція Няндома. Сорокъ минутъ стоимъ. Здѣсь буфетъ есть, и можете даже горяченькаго похлебать. Чайку заварить можно. Вода хорошая.

Всѣ станціи на Вологодско-Архангельской дорогѣ по одному типу. Всѣ бревенчатыя, всѣ окрашенныя въ свѣтло-желтый цвѣтъ, имѣютъ веселый видъ. Около станціи разбиваются садики. Мы вышли на станцію въ Няндомѣ. Въ буфетной обѣдало пять-шесть пассажировъ. Изъ кушаній предлагалось только три: борщъ, супъ картофельный и битки. Каждая порція стоила по 30 копѣекъ. Горячаго не ѣли мы ужъ сутки, а потому присѣли къ столу и спросили борщу. Борщъ былъ прескверный, очевидно разогрѣвающійся уже дня три передъ приходомъ поѣзда. Служитъ у стола самъ буфетчикъ и оборванный грязный мальчикъ. Въ буфетѣ были лимоны и шоколадъ въ плиткахъ, но не было сыру и ветчины, не было молока. Стояли три бутылки разноцвѣтной водки и на тарелкѣ помѣщались закупоренная жестянка съ сардинками и кусокъ тол-

стой московской колбасы, въ просторѣчіи именуемой музыкантской.

Англичане забрали съ собой весь имѣвшійся въ буфетѣ запасъ пива, и мы тронулись дальше.

Вотъ и вторая ночь проведена въ вагонѣ. Утромъ мы проснулись на станціи Семигородній монастырь. Бродилъ монахъ съ кружкой. До Вологды оставалось 69 верстъ. Здѣсь въ нашъ поѣздъ сѣли первые пассажиры, попавшіеся на пути. Это были по бо́льшей части богомольцы съ котомками. Утро стояло солнечное, жаркое. Пассажиры дошли до такой патріархальности, что ужъ выходили и на станцію безъ пиджаковъ. Дамы въ бѣлыхъ ночныхъ кофточкахъ и нижнихъ юбкахъ шли заваривать кофе въ буфетъ.

— Часа черезъ два съ половиной въ Вологдѣ будемъ,—говорили въ вагонѣ, когда поѣздъ тронулся.

Купецъ ѣлъ и запивалъ только что завареннымъ чаемъ. Передъ нимъ стоялъ буракъ съ треской.

— Не желаете-ли яичковъ вкрутую? — предложилъ онъ мнѣ, когда я заглянулъ въ его купэ.— Захватилъ изъ Архангельска въ дорогу двадцать пять штукъ, да не въ моготу... Четыре штуки остались, а ужъ и Вологда близко. Мнѣ въ Вологдѣ слѣзать. Трески не предлагаю — это ужъ наша архангельская присяга и другіе ее не вкушаютъ.

Я поблагодарилъ, сказалъ, что у насъ есть свой запасъ.

Вотъ и Вологда. На станціи мы стояли больше трехъ часовъ. Пассажировъ значительно убавилось,

появились и новые изъ Вологды имъ на смѣну, хотя и въ меньшемъ числѣ.

Путь отъ Вологды до Ярославля, то-есть до станціи „Волга“, у меня уже описанъ. Въ Ярославлѣ намъ пришлось ночевать въ гостинницѣ Кукуева, ибо поѣзда не сходятся. На станціи Волга мы прибыли подъ вечеръ, пробывъ въ пути что-то около пятидесяти часовъ. Гостинница хорошая, чистая, кормятъ по-московски, но и цѣны берутъ московскія. Вечеромъ былъ изъ Ярославля поѣздъ въ Рыбинскъ, но только до Рыбинска, пріѣхали-бы туда ночью и все равно пришлось-бы ждать тамъ петербургскаго поѣзда до полудня. У станціи „Волга“ намъ удалось нанять извозчичью пролетку, и въ этой пролеткѣ мы переѣхали Волгу на паромѣ. Подводъ на паромъ взяли множество, все больше ломовиковъ.

Боже мой, сколько ругались на паромѣ и паромщики, и извозчики, пока подводы уставились на плоту! Усѣвшіяся на ночлегъ въ прибережныхъ обывательскихъ садикахъ вороны, напуганныя криками, взвились съ деревьевъ и, каркая, долго носились въ воздухѣ. Не дай Богъ переѣзжать на этомъ паромѣ дамамъ. Да ихъ и не было на паромѣ. Были двѣ, три бабы въ телѣгахъ, но тѣ сами голосили и звенѣли языкомъ, какъ валдайскіе колокольчики.

Изъ Рыбинска въ Петербургъ мы ѣхали въ поѣздѣ прямого сообщенія. Пассажиры были набиты въ вагоны, какъ сельди въ боченкахъ. Нѣкоторые, не находя мѣстъ, даже стояли. Ногъ было протя-

нуть некуда, не говоря уже о томъ, чтобы лечь. А ѣзды до Петербурга часовъ восемнадцать.

Дамъ благой совѣтъ: если кто ѣдетъ путешествовать для своего удовольствія и имѣетъ хоть сколько нибудь лишняго свободнаго времени—никогда не ѣздить въ поѣздахъ прямого сообщенія. Возятъ безъ пересадки, возятъ скорѣе, но должно быть за это и угнетаютъ пассажировъ тѣснотой.

ПОѢЗДКА НА КИВАЧЪ.

ПОѢЗДКА НА КИВАЧЪ.

I.

Когда я, вспоминая о поѣздкѣ на водопадъ Иматру, восхищался живописною дорогою на Иматру и величественностью самаго водопада, а это я дѣлалъ часто, одинъ знакомый сѣверякъ всегда мнѣ говорилъ:

— Это что за водопадъ! Иматра даже и не водопадъ, а просто громадные пороги. Посмотрѣли-бы вы на Кивачъ въ Олонецкой губерніи. Вотъ это водопадъ! Цѣлая громадная рѣка летитъ въ пропасть съ высоты четырехъэтажнаго дома. Дорога къ водопаду Кивачъ проходитъ черезъ дѣвственный первобытный лѣсъ, громадныя скалы, направо и налѣво гигантскія сосны и ели упираются своими вершинами въ небо, путь вамъ то и дѣло перебѣгаетъ лось. Часъ, два, три ѣдешь и лица человѣческаго не видишь. Вотъ куда должны стремиться любители величественной дикой природы. А между тѣмъ у насъ тащатся за границу смотрѣть водопады Пленбахскій и Рейнскій, гдѣ все подстрижено, прилизано. И вѣдь Кивачъ всего только въ какихъ-

нибудь пяти стахъ верстахъ отъ Петербурга, всего только въ двухъ суткахъ воднаго пути на пароходѣ. Въ пять дней можно всю поѣздку сдѣлать и вернуться обратно.

— Такъ поѣдемте. Я давно собираюсь прокатиться по Ладожскому и Онежскому озерамъ и побывать въ Олонецкой губерніи,—сказалъ я.

— Съ удовольствіемъ. Когда вы свободны?

Мы условились и рѣшили въ назначенный день встрѣтиться на пароходѣ, отходящемъ отъ Воскресенской пристани въ Петрозаводскъ.

Я пріѣхалъ на пароходъ, но знакомый мой сѣверякъ, такъ расхваливавшій Кивачъ, не явился и прислалъ записку, извиняясь задерживающими его дѣлами и нездоровьемъ. Пришлось ѣхать одному.

Пароходъ „Свирь“, назначенный къ отплытію въ 11 часовъ утра, разводилъ пары. Было $10^1/_2$ часовъ, а пассажировъ совсѣмъ еще не было на пароходѣ. Къ пристани подвозили на возахъ тюки и ящики и грузили ихъ въ люки парохода. Первый классъ былъ совсѣмъ пустъ. Въ каютѣ второго класса какіе-то два пиджака купеческой складки съ громадными подушками въ кумачевыхъ наволочкахъ, положенными около на диванахъ, пили пиво; въ третьемъ классѣ, растянувшись на лавкахъ, спали внизъ брюхомъ нѣсколько мужиковъ, уткнувши носы въ котомки.

— Неужели у васъ такъ мало ѣздитъ публики?— спрашивалъ я у пароходной прислуги.

— Подойдутъ еще. У насъ всегда поздно собираются.

Близко къ одиннадцати часамъ. Появились „пальты“ купеческой складки и заскрипѣли по палубѣ ярко начищенными сапогами съ голенищами бутылками. Пальты купеческой складки то и дѣло приподнимали картузы и здоровались съ прибывающими на пароходъ другими пальтами купеческой складки. Громадныя подушки въ ситцевыхъ и кумачевыхъ наволочкахъ, находившіяся при пальтахъ, поражали своей величиной.

— До Сермаксы?—слышались вопросы.

— Нѣтъ, до Мятусова, а тамъ на заготовку.

— А я такъ до Вознесенья. Двѣ барки съ дровами застряли у насъ гдѣ-то.

Это были все, какъ я узналъ впослѣдствіи, дровяники, лѣсопромышленники или приказчики и повѣренные отъ лѣсопромышленныхъ фирмъ.

Дулъ вѣтеръ. По небу носились сѣрыя облака. Моросилъ мелкій дождь.

— Потреплетъ насъ въ Ладожскомъ-то озерѣ. Вѣдь это сѣверякъ дуетъ,—слышались опять разговоры.

— Нѣтъ, ничего. Теперь іюль. Въ іюлѣ озеро не строго. Къ вечеру, какъ намъ входить въ озеро, вѣтеръ утихнетъ. Въ іюнѣ и въ іюлѣ сѣверный вѣтеръ довольно ласковъ. Онъ всегда къ ночи стихаетъ. Вѣдь это не сентябрь.

— Однако, валаамскій пароходъ вчера богомольцевъ привезъ, такъ какъ трепало!

— Днемъ въ озерѣ были, а ночью оно ничего.

— Я съ бабой ѣду, свояченицу съ собой въ гости везу, такъ вотъ больше изъ-за чего. Начнетъ качать, а она визжать станетъ.

— Съ бабьей командой бѣда. У нихъ и у пристани-то такъ свиной визгъ. Я коли съ женой къ себѣ въ Вознесенье ѣду, такъ всегда на канальскомъ пароходѣ озеро объѣзжаю.

Около одиннадцати часовъ на пароходѣ былъ данъ первый свистокъ.

— Кренделей и баранокъ я, братецъ ты мой, въ дорогу взять забылъ,—говорилъ одинъ пиджакъ купеческой складки другому пиджаку.—Надо сходить на Литейную въ булочную.

— Да успѣешь-ли? Смотри, не опоздай. Вѣдь ужъ безъ пяти минутъ одиннадцать.

— Эво! Петра Иваныча ждутъ, а тотъ когда пріѣдетъ-то на пароходъ! Онъ подъ Смольнымъ въ трактирѣ еще съ народомъ расчитывается. Я живо.

— Такъ захвати въ лавочкѣ для меня пару лимоновъ. Я взялъ одинъ къ чаю, да думаю, не мало-ли. Въ буфетѣ требовать лимона, такъ не расчетъ.

— Ладно.

Пиджакъ купеческой складки, не торопясь и переваливаясь съ боку на бокъ, сталъ сходить съ парохода.

Всѣ пиджаки и пальты купеческой складки держали себя на пароходѣ завсегдатаями. Они прогуливались по палубѣ, какъ дома, раскланивались съ пароходной прислугой, шутили съ матросами, бу-

фетные слуги называли ихъ по имени и отечеству съ капитаномъ парохода тоже были знакомы и величали его Николаемъ Григорьевичемъ.

Я взглянулъ на часы. Часы показывали двѣнадцатый часъ вначалѣ, а второго звонка еще не было.

— Скоро отвалимъ отъ пристани?—спросилъ я проходившаго матроса.

— Теперь скоро-съ,—отвѣчалъ тотъ и полѣзъ на вышку.

— Скажите, пожалуйста, чего мы стоимъ? Вѣдь ужъ двѣнадцатый часъ, а между тѣмъ еще и второго свистка не было,—отнесся я къ одному изъ пиджаковъ

— Да вѣдь въ свисткахъ-то какой-же толкъ?—отвѣчалъ тотъ.—Вотъ подъѣдутъ всѣ, тогда и свистки будутъ давать.

— Да вѣдь пароходство-то срочное. По росписанію назначено отходить въ одиннадцать часовъ утра.

— У насъ это не считается. Просили подождать—вотъ и ждутъ. Дровяниковъ нынче много ѣдетъ, а они еще не всѣ.

— Бакланцевъ уже пріѣхалъ и пошелъ въ буфетъ съ нѣмцемъ маклеромъ пиво пить,—замѣтилъ пальто купеческой складки съ тюрюкомъ въ рукѣ, изъ котораго онъ вынималъ клубнику и ѣлъ.

— Главнымъ образомъ Петра Иваныча ждутъ. Тотъ прислалъ изъ трактира сказать, что какъ только покончитъ съ подрядчиками, то поѣдетъ

Кромѣ того, одинъ чиновникъ изъ Петрозаводска обратно ѣдетъ, а его еще нѣтъ.

— Лупоглазовъ, что-ли?

— Онъ самый. Семейство одно ѣдетъ. Это директорскіе знакомые какіе-то. Имъ въ Лодейное Поле.

— Кринкины. Знаю. Да вонъ подъѣхали къ пристани. Вотъ они. Они и есть.

Къ пристани дѣйствительно подъѣхала карета. Къ ней бросились матросы и начали вынимать изъ нея дѣтей, подушки, корзинки, сакъ-вояжи.

— Удивляюсь, какъ это можно заставлять себя такъ долго ждать!—пожалъ я плечами.

— Да вѣдь знакомые-съ... Просятъ... Вонъ и Петръ Иванычъ тоже... Онъ за лѣто-то разъ пять-шесть проѣдетъ на пароходѣ, товаръ отправляетъ на пароходѣ, пользуются отъ него, приказчиковъ его тоже сколько проѣдетъ взадъ назадъ по всѣмъ пристанямъ, такъ какъ ты ему откажешь!

Ожидаемое семейство между тѣмъ входило на пароходъ и пробиралось въ каюту перваго класса. Несли дѣтей, несли собаку. Было около двѣнадцати часовъ. Раздался второй свистокъ.

— Нѣтъ еще Петра-то Иваныча и Лупоглазова еще нѣтъ. Чего это они въ самомъ дѣлѣ?...—говорилъ пиджакъ.—Ужъ поѣдутъ-ли?

— Не поѣдутъ, такъ ужъ прислали-бы сказать. Подождемъ. Надъ нами не каплетъ, — отвѣчало пальто.

II.

Въ 12½ часовъ дня пароходъ отвалилъ отъ пристани и тронулся вверхъ по Невѣ. Показались водопроводная башня, Смольный монастырь, Калашниковская хлѣбная пристань, красные кирпичные хлѣбные амбары Невскаго монастыря, арендуемые хлѣботорговцами, затѣмъ пошли фабрики и заводы, заводы и фабрики. Вѣтеръ свѣжѣлъ и рвалъ сѣрыя тучи, изъ которыхъ моросилъ мелкій дождь. Опытные пассажиры, ѣзжавшіе уже не разъ на озерныхъ пароходахъ, смотрѣли на дымъ пароходной трубы, отгоняемый вѣтромъ съ сѣвера, и говорили:

— Вѣдь сѣверный дуетъ. Потреплетъ насъ въ Ладожскомъ озерѣ.

— Нѣтъ, не потреплетъ, — успокаивалъ капитанъ.—Развѣ покачаетъ немного. Въ лѣтніе мѣсяцы всѣ сѣверные вѣтры къ ночи затихаютъ. Да и дождь спасетъ. Небо обложится тучами, пойдетъ настоящій дождь, тогда и вѣтру конецъ. Посмотрите на барометръ: барометръ упалъ.

— Вашими-бы устами да медъ пить.

— Ручаюсь, что только легонькая качка будетъ. Самая легонькая.

— Бывалый человѣкъ. Свое дѣло туго знаетъ. Около десяти лѣтъ по озерамъ ѣздитъ,—кивнулъ ему вслѣдъ купецъ-дровяникъ.—Да и пароходъ „Свирь“, на которомъ мы ѣдемъ—лучшій пароходъ.

Начался разговоръ о томъ, что такое легонькая качка и что такое сильная качка.

— А вотъ что значитъ сильная,—продолжалъ тотъ-же купецъ.—Колеса парохода попеременно то лѣвое, то правое на воздухѣ работаютъ. Одно колесо загребаетъ воду, а другое на воздухѣ вертится. Волны хлещутъ вонъ черезъ ту вышку, гдѣ рулевой стоитъ. Я бывалъ въ такую качку. Тутъ только упаси Боже одно, чтобъ бабьяго сословія было поменьше. А то только пискъ, визгъ, стоны и мужчинъ смущаютъ. Другой-бы и ничего, а тутъ видитъ, что женщины воютъ—ну, и самъ въ сумнѣніи. Сегодня на наше счастіе немного ѣдетъ дамскаго пола.

Я сталъ бродить по каютамъ всѣхъ трехъ классовъ. Женщинъ ѣхало дѣйствительно немного. Пассажиры пили чай, нѣкоторые завтракали или обѣдали. Какой-то бакенбардистъ-чиновникъ въ фуражкѣ съ кокардой совѣтовалъ молодой дамѣ ѣсть больше.

— Я считаю такъ, что прежде всего нужно, чтобъ былъ сытый желудокъ и тогда никакая качка не страшна. Покушайте вы до Шлиссельбурга, покуда мы ѣдемъ по Невѣ, вплотную—и въ озерѣ вы уже не будете чувствовать никакой морской болѣзни отъ качки.

— Ѣсть-то хочется,—отвѣчала дама.—Передъ тѣмъ, какъ отправиться сюда, мы завтракали вмѣстѣ съ утреннимъ чаемъ.

— А вы насильно покушайте. Наконецъ, до

Шлиссельбурга еще достаточно пути. Мы проѣдемъ четыре часа и вы еще успѣете проголодаться. Въ Шлиссельбургѣ тоже будемъ стоять съ часъ, стало быть въ озеро войдемъ только часовъ черезъ пять. Кромѣ того, я совѣтовалъ-бы вамъ выпить вина. Это тоже помогаетъ.

— Самое лучшее опояшьтесь чѣмъ-нибудь покрѣпче, но только какъ можно крѣпче,—вмѣшался въ разговоръ очень жиденькій молодой человѣкъ, приподнимая шляпу.—У меня есть одинъ знакомый флотскій офицеръ, такъ тотъ мнѣ разсказывалъ, что во время плаванія въ Тихомъ океанѣ они только поясами и спасались. Коньякъ, лимонъ и крѣпкое опоясываніе. Я вотъ на всякій случай надежный ремень съ собой захватилъ.

— Ремень вздоръ,—подхватилъ бакенбардистъ.—А вотъ коньякъ съ лимономъ имѣютъ огромное значеніе. Конечно, вы дама, но коньякъ вы можете даже и не пить, а только мокать въ него сахаръ и закусывать имъ вмѣстѣ съ лимономъ. Просто сосать во время качки, но сосать поминутно.

— Что вы говорите! Да вѣдь этакъ можно насосаться влежку, ежели поминутно...—улыбнулась дама.

— Нѣтъ, ничего. На воздухѣ проходитъ. А перетягиваніе себя поясомъ—это пустяки.

— Не знаю. Мнѣ многіе флотскіе офицеры объ этомъ говорили. Они мнѣ говорили, что въ Тихомъ океанѣ они выдерживали страшныя бури, и поясъ спасалъ ихъ отъ морской болѣзни.

— Позвольте... Вы говорите про Тихій океанъ. Какой-же это тихій, ежели они выдерживали тамъ страшныя бури. Вѣдь почему-же нибудь онъ называется тихимъ. Тихій, такъ ужъ...

Молодой человѣкъ нѣсколько смутился.

— Мнѣ разсказывали,—произнесъ онъ.—Разсказывали люди вполнѣ достовѣрные.

Здѣсь на пароходѣ я только что узналъ о существованіи „Путеводителя на водопадъ Кивачъ“. Эту брошюрку мнѣ любезно предложилъ одинъ изъ пассажировъ.

Брошюрка эта издана опрятно, въ ней есть карта слѣдованія отъ Петербурга до Петрозаводска, планъ Петрозаводска, карта пути отъ Петрозаводска до Кивача, чертежи самаго водопада Кивачъ, но описанія пути она даетъ сравнительно очень мало и въ ней есть даже невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ сказано, что лица, отправляющіяся на водопадъ Кивачъ, получаютъ билеты перваго класса со скидкою 20%, при условіи возвращенія на одномъ и томъ-же пароходѣ, а между тѣмъ пароходный кассиръ даже и не слыхалъ о такомъ распоряженіи со стороны пароходнаго начальства. Пассажиру, прочитавшему брошюрку и расчитывающему проѣхать путь отъ Петербурга до Петрозаводска и обратно въ первомъ классѣ за 19 р. 20 к., придется все-таки заплатить 24 р., по 12 руб. въ конецъ.

Въ 6 часу вечера мы подъѣзжали къ Шлиссельбургу. Вотъ и пристань. На пристани въ самыхъ

разнообразныхъ лохмотьяхъ такъ называемые „шлиссельбургскіе кадеты“, то-есть бродяги и нищіе, высылаемые сюда изъ Петербурга. Они столпились на пристани для прошенія милостыни у пассажировъ. По бо́льшей части это народъ молодой. Нѣкоторые изъ нихъ были уже препровождаемы въ Шлиссельбургъ на жительство болѣе десятка разъ, но тотчасъ-же уходили въ Петербургъ обратно. Дѣло въ томъ, что при отправленіи изъ Петербурга въ Шлиссельбургъ этапнымъ порядкомъ ихъ до извѣстной степени обмундировываютъ—даютъ имъ сапоги, шапку, армякъ, рубаху и порты, а зимой даже валенки и полушубокъ и все это остается въ ихъ владѣніи. Но явившись въ Шлиссельбургъ и не находя себѣ дѣла или просто по лѣности не отыскивая дѣла, они постепенно проѣдаютъ и пропиваютъ свою обмундировку и чуть не нагіе идутъ обратно въ Петербургъ, дабы быть вновь выслану этапнымъ порядкомъ и при этомъ вновь получить обмундировку. Перекочевка ихъ въ Петербургъ совершается обыкновенно лѣтомъ. Они идутъ по двое, по трое по Шлиссельбургскому почтовому тракту, ночуя въ кустахъ и придорожныхъ канавахъ и питаясь милостынею въ лежащихъ по пути деревняхъ. Крестьяне и вообще жители по Шлиссельбургскому тракту не отказываютъ „шлиссельбургскимъ кадетамъ“ въ милостыни и вообще обходятся съ ними ласково, изъ опасенія, чтобы тѣ не пустили имъ „краснаго пѣтуха“. Въ Шлиссельбургѣ „кадеты“ эти, какъ они мнѣ сами разсказы-

вали, имѣютъ даже своего старосту, котораго выбираютъ изъ своей среды и ужъ вполнѣ ему подчиняются. Нѣкоторые изъ „кадетовъ", не вполнѣ облѣнившіеся, пробираясь изъ Шлиссельбурга въ Петербургъ, на пути подряжаются на кой-какія работы: пилятъ на рѣкахъ Мойкѣ, Мгѣ и Тоснѣ дрова, пригнанныя въ устья этихъ рѣкъ сплавомъ, нанимаются косить сѣно. Но имъ даютъ за эти работы только половинную плату противъ другихъ рабочихъ, такъ какъ „кадеты" бредутъ въ путь-дорогу въ большинствѣ случаевъ безъ паспортовъ. Дающіе имъ работу очень характерно отвѣчаютъ, почему „кадеты" получаютъ дешевую плату. Отвѣтъ ихъ такой:

— Потому они дешево и берутъ, что знаютъ, что у нихъ „неучтиво" спрашивать про паспорты.

Даетъ и самъ „кадетъ" очень характерный отвѣтъ на вопросъ, чѣмъ онъ занимается:

— Чѣмъ занимаюсь? Да по этапу хожу,—обыкновенно отвѣчаетъ онъ.

III.

Долго мы будемъ здѣсь стоять?—спрашивали пассажиры капитана, когда пароходъ причалилъ къ Шлиссельбургской пристани.

— Около часу простоимъ, а полчаса уже навѣрное. Это будетъ зависѣть отъ количества

груза, который нужно принять на пароходъ. Сойти на берегъ и посмотрѣть кое-что во всякомъ случаѣ успѣете, но здѣсь въ Шлиссельбургѣ въ сущности и смотрѣть-то нечего.

Въ Шлиссельбургѣ достопримѣчательнаго дѣйствительно немного. По своимъ административнымъ учрежденіямъ онъ хоть и уѣздный, но самый убогій городишко: грязныя улицы, грязные плохо ремонтируемые дома. Шлиссельбургъ (Ключъ-городъ) по своему водному сообщенію считается даже портомъ. Всѣ грузы, идущіе въ Петербургъ съ восточной стороны Россіи системою рѣкъ, озеръ и каналовъ, не могутъ миновать Шлиссельбурга. Но и это не можетъ поднять городъ, который, какъ говорятъ, было время, предполагали даже разжаловать въ заштатный городъ, и уѣздъ его, раздѣливъ пополамъ, присоединить одну половину къ Петербургскому, а другую къ Новоладожскому уѣздамъ. Какъ и всѣ маленькіе города и мѣстечки подъ Петербургомъ, Шлиссельбургъ завоевывается жидами, что ярко бросается въ глаза даже ихъ присутствіемъ на пристани. Евреи, которымъ не дозволяютъ жить въ Петербургѣ, поселяются здѣсь и отсюда преспокойнымъ манеромъ ѣздятъ въ Петербургъ дѣлать свои дѣлишки.

Сквозь толпу шлиссельбургскихъ оборванцевъ нѣкоторые пассажиры, не бывавшіе въ Шлиссельбургѣ, отправились осматривать каменную часовню, находящуюся близъ пристани, при устьѣ Александровскаго канала, гдѣ находится древній образъ

Казанской Божьей Матери. Послѣ отнятія у шведовъ Петромъ Великимъ въ 1702 году шлиссельбургской крѣпости, называвшейся въ то время Нотенбургомъ, образъ этотъ, какъ гласитъ молва, былъ найденъ въ стѣнѣ крѣпости и затѣмъ находился въ крѣпостной церкви до открытія Ново-Ладожскаго канала. У часовни поражаетъ масса дѣйствительно убогихъ нищихъ: слѣпыхъ, безногихъ, безрукихъ, покрытыхъ ранами. Филантропамъ, имѣющимъ возможность давать пріютъ калѣкамъ, много бы можно было сдѣлать здѣсь добраго дѣла. Положимъ, что среди этихъ калѣкъ есть много и нищихъ по профессіи, которые въ пріютъ не пойдутъ, предпочитая свободу, но добрая половина благословила-бы филантропа, давшаго имъ уголъ и кусокъ хлѣба.

Тутъ-же около часовни есть и стеклянный сарай, въ которомъ помѣщается ботикъ Петра I. Осмотрѣвъ наскоро ботикъ, нѣкоторые пассажиры хотѣли было направиться къ канальнымъ шлюзамъ, которые по своему сооруженію дѣйствительно представляютъ много любопытнаго, но тутъ съ парохода раздался первый свистокъ, и всѣ бросились на пароходъ. За первымъ свисткомъ слѣдовалъ второй.

Пароходъ не стоялъ у пристани и получаса и сталъ снимать причалы.

— Грузовъ самые пустяки. Что нужно было взять, то взяли, такъ чего-же ждать!—сказалъ капитанъ, и вскорѣ пароходъ входилъ уже въ Ладожское озеро.

Направо лежалъ островокъ съ крѣпостью, построенной нѣкогда новгородцами и называвшейся „Орѣшекъ". Крѣпость эта, какъ извѣстно, служитъ нынче мѣстомъ тюремнаго заключенія. За стѣнами виднѣлся шпиль церкви, ярко выдѣляющійся на солнцѣ. Вѣтеръ стихъ. Погода разгулялась. Грозное Ладожское озеро было спокойно. Вдали на озерѣ то тамъ, то сямъ виднѣлись гальоты подъ парусами и безъ парусовъ.

— Вонъ первый Кошкинскій маякъ. Съ этого мѣста, мы считаемъ, начинается Ладожское озеро,— указывалъ мнѣ одинъ опытный купецъ-дровяникъ, по нѣскольку разъ въ годъ дѣлающій путешествія по Ладожскому озеру.

Открывалась прелестная картина безбрежнаго воднаго пространства, картина, находящаяся только въ какихъ-нибудь 60 верстахъ отъ Петербурга и столь мало знакомая петербуржцамъ. Петербуржцы въ большинствѣ не цѣнятъ, да и не знаютъ ни красотъ своей Невы, ни озера, изъ котораго вытекаетъ эта рѣка. Можно смѣло сказать, что семь-восьмыхъ прирожденныхъ петербургскихъ жителей, уже состарившихся, еще ни разу ни проѣхали по Невѣ отъ ея устья до истока, не говоря уже о томъ, чтобы поднялись посмотрѣть Ладожское озеро, а между тѣмъ имѣются дешевыя и удобныя сообщенія на пароходахъ разныхъ обществъ. Петербуржцы ѣздятъ смотрѣть модный водопадъ Иматру въ Финляндіи, ѣдутъ за границу прокатиться по Рейну, а своей красавицы Невы, ко-

торая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, пожалуй, и живописнѣе Рейна, еще не видали, не доѣзжали даже до половины Невы, до такъ называемыхъ Ивановскихъ пороговъ.

Ладожскій водоемъ по своему объему и глубинѣ есть единственный въ Европѣ. Это скорѣе море, чѣмъ озеро и только вода у него прѣсная. Ладожское озеро принимаетъ въ себя почти всѣ прѣсныя воды въ сѣверо-восточной Европейской Россіи. Въ одной Олонецкой губерніи насчитывается до 4.000 большихъ и малыхъ озеръ и всѣ они избытокъ своихъ водъ несутъ въ Онежское озеро, которое, принявъ еще нѣсколько значительныхъ рѣкъ (Водла и Вытегра), вливаетъ свою воду рѣкою Свирью съ притоками въ Ладожское озеро. Рѣка Сясь несетъ ему-же воду тихвинской системы, а рѣка Волховъ— съ озера Ильмень и со всѣхъ его притоковъ; наконецъ, водныя системы Финляндіи, наполненной также множествомъ озеръ, имѣютъ стокъ тоже въ Ладожское озеро, не считая прибрежныхъ рѣчекъ, ручейковъ и канавокъ.

О пространствѣ Ладожскаго озера дѣлаю маленькую выписку изъ „Путеводителя къ водопаду Кивачъ".

Площадь Ладожскаго озера занимаетъ пространство въ 15.922 квад. верстъ; длина озера достигаетъ 194 верстъ; ширина около 122 верстъ. Уровень Ладожскаго озера на 59 футовъ выше уровня Финскаго залива. 59 футовъ составляетъ почти $8^1/_2$ сажень—высота для 60 верстнаго паденія рѣки Невы громадная.

Омывая прибережья трехъ губерній—Петербургской, Олонецкой и Выборгской, Ладожское озеро служитъ удобнѣйшимъ водянымъ путемъ сообщенія между прилегающими къ нему губерніями и путемъ рѣкъ и каналовъ является центромъ всѣхъ водяныхъ сообщеній между Каспійскимъ, Бѣлымъ и Балтійскимъ морями. Въ древности Ладожское озеро называлось „Алда", „Алдога" и слово „Ладога" стало входить въ употребленіе лишь во времена развитія торговли Великаго Новгорода съ ганзейскими городами. Весь водяной путь, соединяющій Новгородъ съ Финскимъ заливомъ и идущій черезъ Ладожское озеро, былъ извѣстенъ тогда повсюду подъ именемъ „Новгородскаго". Съ паденіемъ Новгорода и съ открытіемъ англичанами морского пути въ Россію черезъ Бѣлое море, въ XV вѣкѣ, новгородскій путь утратилъ свое значеніе и шведамъ удалось упрочить свое владычество на Невѣ и въ Ладожскомъ озерѣ до тѣхъ поръ, пока Петръ Великій не возвратилъ Россіи ея прежняго достоянія.

IV.

Въ 7 часовъ вечера мы уже были въ открытомъ озерѣ. Южный берегъ Ладожскаго озера, казавшійся сначала сѣренькой полоской съ едва замѣтными зигзагами лѣсовъ, постепенно

скрывался изъ вида. Черезъ часъ передъ глазами было уже только необозримое водное пространство и синее небо, по которому бродили молочно-бѣлыя облачки. Вѣтеръ разорвалъ тучи, прогнавъ ихъ къ югу и на небѣ привѣтливо сіяло золотое солнце. На озерѣ все-таки стояла зыбь, и пароходъ слегка покачивало Я отправился на верхнюю площадку къ рулю. Тамъ было цѣлое общество пассажировъ и между прочимъ двѣ дамы. Одна изъ нихъ молоденькая черненькая съ блѣднымъ лицомъ и нѣсколько испуганными глазами, держась рукой за мужа, разспрашивала капитана:

— Я въ первый разъ въ озерѣ. Вы мнѣ только скажите... качка это или не качка, что теперь—и тогда я буду спокойна.

— По нашему, это называется зыбь,—улыбаясь, отвѣчалъ капитанъ.

— Ну что: не говорилъ я тебѣ?—подхватилъ мужъ.—Конечно-же, зыбь, а не качка.

— Почемъ ты знаешь! Ты такъ-же какъ и я въ первый разъ ѣдешь на пароходѣ въ Ладожскомъ озерѣ.

— Нѣтъ, я ѣзжалъ. Я ѣзжалъ мальчикомъ на пароходѣ въ Гельсингфорсъ по Финскому заливу, а что Финскій заливъ, что Ладожское озеро, все равно.

— Неправда. Не ври. Ладожское озеро бурнѣе. Вѣдь бурнѣе, господинъ капитанъ?

— Это зависитъ отъ погоды, отъ вѣтра. Вотъ когда осенью дуютъ сѣверные вѣтры...

— Да вѣдь теперь сѣверный вѣтеръ и есть. На пароходѣ всѣ говорятъ, что сѣверный.

— Ну, не совсѣмъ. Теперь сѣверо-восточный.

— А это хуже или лучше?

— Конечно-же лучше,—опять вставляетъ свое слово мужъ.

— А ты почемъ знаешь? Развѣ ты морякъ? Всю жизнь просидѣлъ у себя въ канцеляріи.

— Говорю тебѣ, что ѣзжалъ по Финскому заливу, и выдерживалъ качки.

— Маленькимъ мальчишкой ѣзжалъ и теперь, разумѣется, ничего не помнишь. Да и не тебя я спрашиваю, а капитана. Такъ сѣверо-восточный вѣтеръ, вы говорите, менѣе опасенъ?—снова обращается дама къ капитану.

— Такой легкій вѣтеръ даже и сѣверный не представлялъ-бы опасности.

— Вы, кажется, мосье капитанъ, нарочно говорите, что это не качка, а зыбь, чтобъ успокоить пассажировъ.

— Душечка, да вѣдь сама-то ты чувствуешь,— опять начинаетъ мужъ.

— Молчите. Не съ вами разговариваютъ. Я чувствую, что качаетъ. Даже и васъ качаетъ.

— Слегка дѣйствительно качнуло, но вѣдь это такъ... Налетѣла маленькая волна—ну, и качнуло. Пойдемъ-ка въ каюту и закажемъ себѣ ухи. Здѣсь на пароходѣ, говорятъ, уху прелестно приготовляютъ.

— Оставьте. Вѣчно съ своей ѣдой! Мосье капи-

танъ, мнѣ все-таки думается, что это уже качка? Смотрите, вѣтеръ усиливается. Я чувствую даже уже, что мнѣ не по себѣ,—приставала къ капитану дама.

— Это просто отъ воображенія, — успокоиваетъ мужъ.—А вотъ ты скушай ушки изъ сиговъ.

— Молчите-же, говорятъ вамъ! Господинъ капитанъ! А какъ лучше въ качку: ужинать намъ или не ужинать?

— Кушайте на здоровье и все будетъ прекрасно.

— Видишь, видишь,—снова подхватилъ мужъ.— Кромѣ того, я совѣтовалъ-бы тебѣ выпить рюмку вина. Вѣдь хорошо ей, капитанъ, выпить рюмку вина?

— Прелестно. Это придастъ бодрости и успокоитъ.

Въ это время налетѣлъ валъ, и пароходъ качнуло.

— Ай-ай! Что это?—взвизгнула дама, вцѣпляясь въ рукавъ мужа.—Нѣтъ, какъ хотите, а это качка. Смотрите, смотрите... Вѣдь ужъ одну даму внизу тошнитъ.

— Многія натуры, душечка, вѣдь и легкой зыби не выдерживаютъ.

— Ой-ой! И я не выдерживаю. Ведите меня внизъ. Господинъ капитанъ, какъ лучше во время качки: лежать или сидѣть?

Капитанъ пожалъ плечами и не зналъ, что отвѣтить.

— Это какъ кто находитъ удобнѣе. Лучше прилягте и старайтесь такъ, чтобы голова ваша находилась возможно ниже,—сказалъ онъ.

Ворча и придираясь къ мужу, дама стала сходить на нижнюю палубу.

На небѣ было хоть и ясно, но вѣтеръ свѣжѣлъ, и легкая качка дѣйствительно начиналась. Большинство пассажировъ было спокойно, но нѣкоторые хоть и бодрились, но ходили уже съ блѣдными лицами, держались за грудь и поминутно поплевывали. Были уже и страдающіе морской болѣзнью. Замѣчательно, что тотъ самый молодой человѣкъ, который еще при выходѣ отъ Воскресенской пристани совѣтовалъ пассажирамъ перетягиваться поясомъ во время качки на озерѣ, чтобы не страдать морской болѣзнью, захворалъ этой болѣзнью первый. Онъ сидѣлъ около рубки второго класса блѣдный, съ посоловѣлыми глазами и сосалъ цѣлый лимонъ, впиваясь въ него губами.

— Голова кружится? Тошнитъ? Перетянитесь-же скорѣй ремнемъ-то, испытайте на себѣ ваше средство,—сказалъ я ему.

— Перетянулся, но ничего не помогаетъ,—еле далъ онъ отвѣтъ.

— Выпейте коньяку.

— Три рюмки выпилъ, но никакого толку. Даже еще хуже.

Купцы-дровяники и приказчики лѣсопромышленниковъ держали себя бодро, ходили по палубѣ привычными людьми и, улыбаясь на страдающихъ морской болѣзнью, говорили:

— Это что за качка! Это наплевать. А вотъ когда мы осенью ѣздимъ по озеру, да начнетъ вѣтеръ трепать, такъ вотъ это качка!

Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ каютѣ второго класса и преспокойнѣйшимъ манеромъ ужинали, уписывая ситникъ съ крутыми яйцами и запивая все это чаемъ.

— Когда колеса начнутъ работать въ одиночку: сначала одно, а потомъ другое—одно загребаетъ, а другое на воздухѣ вертится, дрова когда на пароходѣ волнами раскидывать начнетъ—вотъ это мы качкой называемъ,—продолжали они.—А это для развлеченія удовольствія даже и пріятно: будто театръ.

Качка усиливалась. Молодая дама, старавшаяся узнать у капитана, качка это или нѣтъ, окончательно набросилась на мужа и просто замучила его своимъ ворчаньемъ. Она уже, не стѣсняясь, ругала его.

— И чортъ тебя понесъ въ такую погоду! Не могъ справиться съ барометромъ! Дуракъ! Лысый песъ! Старая калоша!

— Душечка, да вѣдь барометры вообще врутъ и наконецъ я спрашивалъ тебя, ты сама пожелала,—оправдывался тотъ.

— Молчите ужъ лучше, срамникъ безстыдный! Не раздражайте меня... И безъ васъ тошно...

Всѣхъ больше неистовствовала чья-то нянька съ ребенкомъ. Она то и дѣло вскрикивала:

— Ой, ой, ой! Не могу! Берите ребенка! Подержите ребенка!

Она совала ребенка кому-нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей, а сама бѣжала къ борту парохода и перевѣшивала черезъ бортъ голову.

— Не понимаю, что за невыносливые пассажиры такіе!—говорилъ мнѣ капитанъ, улыбаясь.—Вѣдь и качка-то не велика, а посмотрите, что съ нѣкоторыми дѣлается. Качка-то килевая. Килевая качка всегда самая сносная, даже пріятная. Спрашивается, что было-бы съ ними, ежели-бы была боковая качка, ежели-бы вѣтеръ въ скулу судна дулъ! И наконецъ, посмотрите, какая погода прекрасная, какъ прелестно садится солнце!

Солнце дѣйствительно садилось прелестно. Качка на меня не производила никакого дѣйствія. Напротивъ, стоя на верхней площадкѣ у руля, я чувствовалъ что-то пріятное, ласкающее, убаюкивающее и, нахлобучивъ какъ можно крѣпче фуражку, сталъ любоваться солнечнымъ закатомъ. Золотисто-пурпуровый огненный шаръ опускался въ безбрежную синеву озера, блещущую полосами какъ-бы серебрянаго и золотого глазета. Жалкая картина солнечнаго заката, наблюдаемая съ чахлаго мыска Елагинскаго острова въ Петербургѣ, была ничто въ сравненіи съ этой величественной картиной.

V.

Царила лѣтняя сѣверная блѣдно-лиловая ночь. На горизонтѣ розовой полоской виднѣлась заря. Зыбь на озерѣ все еще продолжалась, пароходъ попрежнему слегка покачивало, но нервные пассажиры, кажется, уже успѣли привыкнуть къ этой качкѣ. Къ тому-же переходъ по Ладожскому озеру уже приближался къ концу. Вдали мигали огоньки двухъ маяковъ, поставленныхъ у устья рѣки Свири—Торпачекъ и Стороженскій. О появленіи огней маяковъ тотчасъ-же распространилось по пароходу и пассажиры двухъ первыхъ классовъ высыпали на верхнюю площадку къ рулю. Было около двѣнадцати часовъ ночи.

— Скоро, скоро будемъ входить въ устье Свири,— успокоивалъ капитанъ.—Вотъ мимо тѣхъ маяковъ такъ и пройдемъ,—оповѣщалъ пассажирамъ капитанъ.—Мимо одного изъ нихъ—Торпачка совсѣмъ вблизи пройдемъ.

Лица пассажировъ прояснились. Молоденькая черненькая дамочка, такъ много дѣлавшая переполоха по поводу качки, черезъ какіе-нибудь четверть часа совсѣмъ уже перемѣнила тонъ. Она перестала держаться за мужа и даже совсѣмъ отпустила его.

— Я все-таки Ладожское озеро считала бурнѣе,— говорила она, слегка улыбаясь.—Я ожидала, что будетъ сильная качка и я окончательно не выдержу. Вѣдь въ открытомъ озерѣ былъ сильный вѣтеръ.

— Ну, какой-же это сильный вѣтеръ... Такіе-ли сильные вѣтры бываютъ,—замѣтилъ молодой человѣкъ, совѣтовавшій въ началѣ путешествія по озеру перетянуться ремнемъ, чтобы избѣжать морской болѣзни.—Вотъ морскіе офицеры мнѣ разсказывали про вѣтеръ въ Тихомъ океанѣ, такъ это вѣтеръ! Тамъ какъ рванетъ...

— Помилуйте, да и здѣсь у одного пассажира вѣтромъ шляпу снесло.

— Что шляпа! Шляпа ничего не доказываетъ. Шляпу можетъ сдунуть самый легонькій вѣтерокъ, ежели она набрежно одѣта.

Огни маяковъ, то сливаясь въ одну точку, то расходясь опять въ двѣ точки, дѣлались все явственнѣе и явственнѣе. Виднѣлись уже темныя полосы праваго и лѣваго берега устья Свири. Зыбь совсѣмъ прекратилась. Мы приближались къ селенію Сермакса, находящемуся при устьѣ рѣки.

— Вотъ тутъ сейчасъ будетъ мель, громадная мель... На эту мель когда-то сѣлъ государь Петръ Великій. Поѣхалъ на гальотѣ да и сѣлъ. Теперь эта мель такъ и называется Царской мелью,—разсказывалъ кто-то.

— Царскія луды зовется, а не мель,—поправилъ другой пассажиръ.

— По здѣшнему луды, а по нашему мель. Что луда, что мель—вѣдь это все единственно. Здѣсь

всякую мель лудой зовутъ. Здѣсь и берегъ берегомъ не называютъ; а называютъ горой. Мы скажемъ: пойдемъ берегомъ, а они скажутъ: пойдемъ горой. Такое ужъ у нихъ обыкновеніе.

Въ первомъ часу ночи мы приставали къ пристани мѣстечка Сермаксы, гдѣ высадилась добрая доля пассажировъ, ѣхавшихъ только до этой пристани. Въ особенности порѣдѣла компанія дровяниковъ и лѣсопромышленниковъ. Началась разгрузка и нагрузка. Загрохотали по пароходу ящиками и бочками, засновали съ тюками.

— До разсвѣта стоять здѣсь будемъ,—объявилъ намъ капитанъ.—Желающіе могутъ выйдти на берегъ и посмотрѣть берегъ, хотя здѣсь рѣшительно нѣтъ ничего, что можно-бы было смотрѣть.

— Охота здѣсь хорошая. По осени сюда въ Сермаксы много охотниковъ наѣзжаетъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ рябовъ и тетеревей бери руками,—разсказывалъ мнѣ пиджакъ купеческой складки изъ числа дровяниковъ.—Когда мы по осени ѣдемъ обратно въ Питеръ, то завсегда здѣсь дичи накупаемъ. Выносятъ ее на пристань множество и цѣна ей грошъ. И рыбу тоже... Здѣсь пятифунтоваго сига можно за двугривенный купить.

— Было да прошло, а ужъ теперь и здѣсь цѣну знаютъ,—возразило купеческое пальто.—Да и кулаки запрещаютъ рыбу и дичь продавать. На всѣхъ пристаняхъ какъ по Свири, такъ и здѣсь въ Сермаксахъ появились кулаки и скупщики. Какъ какой охотникъ или рыбакъ появляется на пристани

и начнетъ пассажирамъ рыбу или дичь продавать— сейчасъ ужъ онъ у кулака на примѣтѣ и кулакъ его старается дошкурить. Ну, и отъучили.

— Чѣмъ онъ его можетъ дошкурить-то?—спрашивалъ какой-то бакенбардистъ въ фуражкѣ съ кокардой.

— Очень просто: перестанетъ у него самъ покупать. Да перестанетъ-то покупать зимой, когда сюда уже пароходы не ходятъ и рыбу, и дичь, окромѣ какъ кулаку продать, дѣвать некуда. А вѣдь здѣшніе крестьяне зимой только дичью да рыбой и живутъ. Куда ему тогда податься-то? Ни взадъ, ни впередъ. Ну, и дошкуритъ.

— Я еще нынѣшней весной ѣхалъ изъ Вознесенья, такъ женѣ во какихъ пятокъ сиговъ чуть не задарма купилъ!—стоялъ на своемъ пиджакъ.

— Да ужъ это такъ какъ-нибудь, гдѣ-нибудь за угломъ, а то кулаки запрещаютъ „Коли, говоритъ, ты будешь продавать пассажирамъ, то вотъ тебѣ, прочувствуй“... И рыбаки ихъ страсть боятся. Потому вѣдь кулакъ покупаетъ огуломъ, покупаетъ много и круглый годъ. Покупаетъ и отправляетъ въ Питеръ.

— Не знаю. Право слово, по веснѣ я у бабы пятокъ сиговъ купилъ,—увѣрялъ пиджакъ.

— Такъ вотъ видишь, у бабы-же, а не у мужика. Бабы нешто народъ разсудительный? Нешто онѣ съ понятіями къ жизни? Стянула у мужа пятокъ рыбинъ, да и понесла продавать на пристань, чтобъ на кофеишко себѣ выручить.

— А здѣсь бабы уже и кофей пьютъ?—спросилъ я.

— Здѣсь-то? Да начиная вотъ съ этихъ самыхъ мѣстъ и по Свири, и по Онежскому озеру вся Олонецкая губернія кофей пьетъ. Первыя кофейницы. И мужики кофей пьютъ. Здѣсь чай въ пренебреженіи, а кофей въ лучшемъ видѣ... Какой ужъ это кофей, не взыщите, а все-таки кофей. Подброситъ горсточку къ фунту цикорія—ну, и ладно... Вся Олонецкая губернія за послѣднее время стала первые кофейники и кофейницы. Да чего вамъ... Въ Петрозаводскѣ изъ-за этого самаго нѣтъ ни одного трактира. Чаю непьютъ. А вѣдь Петрозаводскъ губернскій городъ.

— Да что вы!—удивился я.

— Какъ есть ни одного. Да вотъ увидите. Вы до Петрозаводска ѣдете?

— До Петрозаводска и даже далѣе.

— Такъ вотъ увидите, что ни одного трактира. Вѣдь ужъ по Петрозаводску-то все-таки прогуляетесь. Нѣтъ трактира и нѣтъ.

— Это ужъ совсѣмъ странно для русскаго города.

— И пробовали тамъ открывать трактиры, сколько разъ пробовали, но какъ откроютъ—сейчасъ прогорятъ. Полированный народъ по трактирамъ не ходитъ, потому у него два клуба есть, такъ тамъ онъ у себя въ клубахъ и благодушествуетъ, а простой народъ чаю не пьетъ, а водкой и пивомъ пользуется въ кабакахъ.

— Такъ трактиры могли-бы вмѣсто чаю кофеемъ торговать.

— Не пьютъ по трактирамъ, да и что ты хочешь. Въ Олонецкой губерніи простой народъ,—экономный народъ. „Зачѣмъ, говоритъ, я буду въ трактирѣ переплачивать, ежели я могу дома дешевле“... И такъ у нихъ всѣ. Я въ Петрозаводскѣ-то кажинный годъ по три, по четыре раза бываю, такъ ужъ до тонкости его знаю,—разсказывало мнѣ купеческое пальто. — А что насчетъ кофею, чтобы въ трактирѣ его продавать—и тутъ проба была. Попробовалъ нѣмецъ одинъ ресторантъ открыть, на манеръ кофейной. Посидѣлъ, посидѣлъ въ своемъ пустомъ ресторанѣ мѣсяца три сложа руки, да и прогорѣлъ, съ дымомъ и вылетѣлъ въ трубу.

— Но вѣдь бываетъ-же въ Петрозаводскѣ пріѣзжій народъ, который чай пьетъ. Гдѣ такому народу напиться чаю?—допытывался я.

— Да вотъ мы, напримѣръ, пріѣзжіе на постоялыхъ дворахъ пьемъ, тамъ, гдѣ останавливаемся. Наставятъ намъ ведерный самоваръ, заваримъ мы своего собственнаго чайку да и пьемъ со своимъ сахаромъ. Въ овощной лавкѣ наконецъ можно чаю напиться, коли ужъ такъ очень приспичило. Тамъ завариваютъ,—закончило пальто купеческой складки и направилось въ буфетъ третьяго класса, прибавивъ:—Пойти выпить рюмочку. Вѣдь озеро переѣхали.

VI.

Въ Сермаксахъ пароходъ стоитъ только для сдачи и пріемки кой-какихъ грузовъ, но такъ какъ такихъ грузовъ было мало, то черезъ часъ мы уже поднимались вверхъ по рѣкѣ Свири. Среди груза, доставленнаго въ Сермаксы, насколько я успѣлъ замѣтить, было много бочекъ съ пивомъ и даже ящики съ пивомъ. Впослѣдствіи я узналъ, что все побережье Свири и Онежскаго озера питается исключительно петербургскимъ пивомъ, такъ какъ своихъ пивныхъ заводовъ въ Олонецкой губерніи нѣтъ.

Картина береговъ Свири ничѣмъ не замѣчательна. Художнику не на чемъ остановить взоръ. Берега низменные, направо лѣсъ, налѣво лѣсъ, мѣстами погорѣвшій. Есть и свѣжепогорѣвшія мѣста. Нынѣшнее вначалѣ сухое лѣто сильно способствовало уничтоженію лѣсовъ пожарами въ Олонецкой губерніи. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ административныхъ пунктовъ мѣстахъ—лѣса, какъ говорятъ, горѣли безъ всякой попытки тушить ихъ. То-есть попытка являлась, но когда пріѣзжало начальство, чтобы предпринять мѣры тушенія, то пожаръ уже самъ собой кончался, уничтоживъ громадное лѣсное пространство.

— Горѣли все больше казенные лѣса, такъ какъ здѣсь все больше казенные,—разсказывалъ мнѣ

одинъ лѣсопромышленникъ.—А казенные лѣса крестьянинъ не пойдетъ тушить, пока его не погонятъ силой. Онъ разсуждаетъ такъ: съ какой стати я брошу свое дѣло и пойду казенное тушить? Вѣдь загорись мой домъ и мое имущество, казна не придетъ его спасать. Старосты, разумѣется, для очищенія совѣсти, гонятъ народъ, но народъ ихъ не слушаетъ.

Подъ утро, въ пятомъ часу, показалось Лодейное Поле, премилый съ берега городокъ, и взоръ нѣсколько отдохнулъ на его картинѣ. Берегъ довольно высокій, на берегу красивая каменная церковь и нѣсколько двухъэтажныхъ деревянныхъ опрятныхъ домиковъ. Я невольно залюбовался имъ.

— Дальше будутъ все такіе высокіе берега, а въ порогахъ уже встрѣтите и совсѣмъ живописныя мѣста,—сказалъ мнѣ капитанъ парохода.

Въ Лодейномъ Полѣ при Петрѣ I была верфь для постройки такихъ судовъ, которыя-бы могли служить для военнаго дѣла, но отъ исторической верфи этой, гдѣ когда-то работала рука императора-плотника, остались только сгнившія сваи. Былъ здѣсь и дворецъ Петра, но отъ дворца, какъ говорятъ, ужъ и слѣдовъ не осталось. Нашелся, впрочемъ, одинъ купецъ, который въ 1832 году на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ, поставилъ чугунный памятникъ съ двуглавымъ орломъ и на памятникѣ сдѣлалъ слѣдующую надпись: „Да знаменуетъ слѣды Великаго сей скромный простымъ усердіемъ воздвигнутый памятникъ“.

Ближе къ порогамъ по правую и по лѣвую сторону Свири начались возвышенные берега съ громадными камнями-валунами и начались дѣйствительно живописныя мѣста. Села стали попадаться все богатыя съ двухъэтажными домами, хорошо окрашенными въ яркіе цвѣта, а нѣкоторые даже убраны рѣзьбой.

— Богатый народъ все живетъ въ здѣшнихъ селахъ,—кивнулъ мнѣ одинъ изъ дровяниковъ.

— Все больше рыбаки?—спросилъ я.

— Рыбачатъ-то они рыбачатъ, но въ самой Свири мало рыбы ловится. Рыболовство главнымъ образомъ въ истокѣ да въ устьѣ рѣки, а здѣшніе крестьяне судовщики, суда имѣютъ, а кто не имѣетъ судовъ, тѣ служатъ на судахъ, лѣсомъ барышничаютъ, дровами и перепродаютъ ихъ крупнымъ торговцамъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ лоцмана, а это дѣло барышистое. Вѣдь ни одно судно въ порогахъ не пройдетъ безъ лоцмана.

Близъ деревни „Подпорожье“ и на нашемъ пароходѣ появились два лоцмана, пожилые мужики въ купеческихъ пиджакахъ и картузахъ. Одинъ изъ нихъ былъ даже съ серебряной медалью на станиславской лентѣ въ петлицѣ. Они тотчасъ размѣстились у перваго и у второго руля. Съ деревни „Подпорожье“ теченіе рѣки дѣлается уже настолько быстро, что пароходъ управляется двумя рулями.

— Вѣдь здѣсь теченіе-то рѣки десять верстъ въ часъ,—сказалъ мнѣ дровяникъ.

Первый порогъ называется „Сиговецъ“. Пароходъ сдѣлалъ малый ходъ. Рѣка шла извилинами. У руля стояли, кромѣ лоцмана, двое рулевыхъ и до того усиленно работали, что потъ съ нихъ лилъ градомъ.

— Пятнадцать-двадцать верстъ такъ пойдемъ...—повѣствовалъ мнѣ мой собесѣдникъ.—Дальше даже еще тише. Гдѣ Медвѣдицы,—пороги начинаются, тамъ пароходъ будетъ еле двигаться. Ночью тутъ ни одинъ лоцманъ не берется судно проводить.

— Что лоцманамъ платятъ за проводъ судна?—задалъ я вопросъ.

— На это у нихъ такса есть. Вѣдь они лоцмана присяжные. Вотъ этотъ пароходъ платитъ четыре рубля. Въ Медвѣдицкихъ порогахъ будутъ ужъ другіе лоцмана. Хорошія деньги эти лоцмана зарабатываютъ, а теперь заработки ихъ будутъ и еще лучше. Прежде ихъ артель была изъ восьмидесяти пяти человѣкъ, а нынче путейство ихъ сократило до пятидесяти. Пришлось изъ своей среды тридцать пять лоцмановъ исключить.

— И исключили?

— Исключили. Исключенные-то какъ плачутся! Отъ крестьянскихъ работъ отвыкли, только тѣмъ и занимались, что суда проводили, а теперь опять къ крестьянскимъ работамъ привыкай. Да гдѣ привыкнуть! Не привыкнешь. Одно спасеніе—въ люди идти. Я по себѣ знаю. Вѣдь вотъ я тоже крестьянинъ и дровами занимаюсь, а отними отъ меня дровяное занятіе и заставь хлѣбопашествовать—мнѣ не въ моготу. И радъ-бы да не въ моготу. Куда

идти? Въ приказчики? Да изъ хозяевъ-то ужъ и въ приказчики не гожусь.

Пароходъ, между тѣмъ, все болѣе и болѣе замедлялся на ходу. Рѣка съузилась и шла самыми причудливыми извилинами, теченіе дѣлалось все быстрѣе и быстрѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже было видно, какъ бурлила вода, проходя между каменьевъ и еле прикрывая ихъ. Вмѣстѣ съ суженіемъ рѣки и берега дѣлались круче, обрывистѣе... Мѣстоположеніе дѣлалось совсѣмъ живописнымъ.

— Нынче еще легче проходить въ порогахъ по Свири, а прежде было куда трудно. Министерство недавно уширило рѣку въ порогахъ, повзорвало камни, углубило фарватеръ, цѣлые мыски по берегу срѣзало, чтобы извилинъ-то этихъ было поменьше. Землечерпательныя-то машины, видите, стоятъ. Это все онѣ работали. Да и по сейчасъ работаютъ. Эти машины нарочно для Свири и заказывали, здѣсь обыкновенными землечерпательными машинами ничего не подѣлаешь, потому приходится ужъ не землю со дна черпать, а булыжные камни. Булыжникъ и булыжникъ... Видите, сколько булыжнику навалено,—продолжалъ повѣствовать дровяникъ.

По берегамъ грядами дѣйствительно лежали цѣлыя горы булыжнаго камня.

— „Медвѣдицы, Медвѣдицы! Самые большіе свирскіе пороги“...—заговорили на пароходѣ и пассажиры, интересующіеся путемъ, стали высыпать изъ каютъ къ рулю на верхнюю площадку.

VII.

Пороги кончились, лоцманы сошли на берегъ, и пароходъ пошелъ полнымъ ходомъ.

Тамъ, гдѣ кончаются пороги, Свирь дѣлается хотя и шире, но окончательно теряетъ свою живописность: берега становятся отлогими, болотистыми, съ рѣдкимъ населеніемъ и потому отличаются однообразіемъ. Охотники до красотъ природы сошли съ верхней площадки и, удалившись въ каюты, принялись за истребленіе ухи и жареной рыбы. Я перекочевывалъ изъ класса въ классъ, изъ каюты въ каюту.

Въ каютѣ второго класса давно уже обратили на себя мое вниманіе два брата, два молодыхъ человѣка — одинъ лѣтъ двадцатипяти, а другой лѣтъ девятнадцати. Изъ разговоровъ ихъ съ другими пассажирами я узналъ, что оба они служатъ приказчиками—старшій гдѣ-то въ рынкѣ въ суровской лавкѣ, а младшій—въ фруктовой. Оба они ѣхали къ роднымъ на побывку въ деревню и должны были сойти на берегъ гдѣ-то между порогами и Вознесенской пристанью, гдѣ на берегу рѣки расположена и самая ихъ деревня. На пароходѣ они ѣхали одѣтые совсѣмъ по дорожному: въ высокихъ сапогахъ, въ картузахъ, въ купеческихъ пиджакахъ, застегнутыхъ на всѣ пуговицы и безъ признаковъ воротничковъ и манжетъ, но, переѣхавъ

пороги, вдругъ пришли въ движеніе и стали переодѣваться. Изъ коробовъ выглянули на свѣтъ Божій шляпы котелкомъ, штиблеты съ вострыми носками, визитки, пестрыя брюки. Братья удалились куда-то изъ общей каюты второго класса и явились обратно переодѣтые франтами. Въ особенности отличался пестротою наряда старшій братъ. На немъ появились желтые штиблеты въ видѣ лыжъ, лѣтній свѣтлый пикейный жилетъ, красный галстухъ, часовая цѣпь черезъ шею съ зеленымъ камнемъ въ задвижкѣ, изображающимъ изумрудъ, пестрыя брюки, а изъ кармана визитки торчалъ кончикъ голубого фуляра. Младшій братъ былъ одѣтъ скромнѣе, но все-таки пестро. Всѣ невольно обратили вниманіе на такое переодѣванье. Мрачный на видъ приказчикъ-дровяникъ, наливавшійся чаемъ до седьмого пота, долго разсматривалъ братьевъ и наконецъ спросилъ старшаго:

— На побывку въ деревню?

— Да. Я три года не бывалъ у себя дома, а братъ цѣлыхъ шесть.

— Изъ какой деревни?

Онъ назвалъ деревню и прибавилъ:

— Тутъ по берегу. Черезъ полчаса сходить. Надо будетъ лодку кликать. Капитанъ насъ на лодку спуститъ.

— Родители есть?

— Мать и дядя, сестра замужняя. Вотъ подарки веземъ. Дикая дикость и сѣрая сѣрость. Ничего-то у нихъ нѣтъ настоящаго. Писали: привези лимоновъ, привези икры паюсной. Дядя-то живалъ въ Питерѣ на лѣсномъ якорѣ, такъ привыкши къ питерскимъ порядкамъ, а матушка никуда и не выѣзжала дальше монастыря Александра Свирскаго. Вотъ дядѣ коробочку сардинокъ въ подарокъ везу, коньяку, хересу. Пусть попробуетъ и старину вспомнитъ. Вѣдь въ нашей деревнѣ даже селедокъ и стеариновыхъ свѣчей не найдешь, хотя и лавочка есть.

— Знаю. Глухая деревня, — кивнулъ дровяникъ и, еще разъ подозрительно посмотрѣвъ на братьевъ, прибавилъ:—Къ чему-же вы оба такъ вырядились?

Старшій братъ нѣсколько покраснѣлъ и смущенно отвѣчалъ:

— Да такъ ужъ... чтобы во всемъ парадѣ. У кого что есть, такъ чего-жъ стѣсняться? Пущай смотрятъ. Мы въ Петербургѣ отполировались и всегда ходимъ чисто одѣмшись.

— Неужто хозяинъ позволяетъ въ такихъ шлепанцахъ въ лавкѣ быть?—опять кивнулъ дровяникъ на штиблеты изъ желтой кожи.—Вѣдь это на манеръ поярца.

— Въ лавкѣ ходимъ въ обыкновенныхъ сапогахъ, а эти надѣваемъ коли ежели на гулянье въ Аркадію или Зоологическій садъ. Эти штиблеты послѣдняя новомодность.

— Такъ деревня-то ваша нешто Зоологическій садъ? Тамъ по грязи придется такими поярскими сапогами шлепать.

— Теперь сухо. А загрязнимъ, такъ вычистимъ.

Вѣдь эти полусапожки даромъ что изъ желтой кожи, а они въ лучшемъ видѣ чистятся. Ихъ мокрой тряпкой отеръ и довольно.

— Деревенскіе-то, поди, ротъ разинутъ на такіе сапоги,—не унимался дровяникъ.

— На то и надѣли, чтобы ротъ разѣвали. Пущай смотрятъ, какъ полированные люди въ Питерѣ ходятъ,—на этотъ разъ уже не смущаясь отвѣтилъ молодой человѣкъ и прибавилъ:—Да и что-жъ тутъ такого удивительнаго? Сапоги какъ сапоги.

Не довольствуясь тѣмъ нарядомъ, который на немъ былъ, онъ сталъ надѣвать на руки ярко-желтыя перчатки съ широкимъ бѣлымъ швомъ, досталъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ оттуда большой перстень съ краснымъ камнемъ и вздѣлъ его на указательный палецъ правой руки поверхъ перчатки. Очевидно онъ хотѣлъ поразить земляковъ своимъ петербургскимъ франтовствомъ. Онъ осмотрѣлъ и одежду брата и сказалъ:

— Возьми щетку и почистись. Смотри, спина-то у тебя какъ у борова. Да и рукавъ тоже...

Сказавъ это, онъ полѣзъ въ сакъ-вояжъ за щеткой и, подавъ ее брату, все еще продолжалъ копаться въ сакъ-вояжѣ. Вкорѣ по каютѣ распространился крѣпкій запахъ духовъ. Оказалось, что молодой человѣкъ опрыскался духами.

Дровяникъ понюхалъ воздухъ и произнесъ:

— Экъ, тебѣ землякамъ пыль-то въ глаза пустить хочется! Смотри, какіе духи распустилъ.

— Кто къ чему привыченъ, такъ зачѣмъ стѣсняться!—былъ опять отвѣтъ.—Ежели отъ человѣка пахнетъ дегтемъ и пóтомъ пахнетъ, такъ нешто это лучше по цивилизаціи?—отвѣчалъ франтъ и, обратясь къ брату, онъ сказалъ:—Ну, Васютка, забирай вещи, да надо наверхъ... Скоро къ деревнѣ нашей подъѣзжать будемъ. Постой...

Онъ взялъ новый дождевой зонтикъ, снялъ съ него клеенчатый чехолъ и сунулъ чехолъ въ сакъ-вояжъ.

— Ну, теперь все въ порядкѣ. Тащи вещи наверхъ. Черезъ часъ дома будемъ.

Онъ кивнулъ дровянику, и, вооружившись зонтикомъ, сталъ подниматься на палубу. Я заинтересовался братьями и пошелъ за ними.

Они стояли на палубѣ у борта около своихъ сакъ-вояжей и чемодановъ и внимательно смотрѣли на берегъ, ожидая селенія.

— Ты, Васютка, съ мужиками-то не очень за панибрата. Держи себя на деликатной нотѣ,—дѣлалъ наставленія старшій братъ младшему, стараясь говорить тихо.

— А ежели двоюродные братья? Вѣдь они двоюродные братья,—возразилъ братъ.

— И съ двоюродными братьями особенно якшаться нечего. Ты ужъ отполировавшись, а они люди сѣрые. Держи себя на точкѣ, вотъ и все.

— Нельзя-же, коли ежели потчивать будутъ.

— Ты и выпей, и съѣшь, а только будь въ аккуратѣ... Я вѣдь три года тому назадъ былъ, помню. Они сейчасъ въ городки и въ бабки начнутъ пред-

лагать играть въ праздникъ, такъ ты ужъ полировки не порть. Шашечницу дядѣ и карты веземъ въ подарокъ—въ шашки можешь. Да вотъ еще что: ежели будутъ спрашивать про меня, сколько я у хозяина жалованья получаю, такъ ты говори, что полторы тысячи. А про себя можешь сказать, что шестьсотъ.

— Да вѣдь тогда мать пристанетъ, чтобы въ деревню еще больше денегъ высылали.

— Ну, ужъ это не твое дѣло. Я съумѣю какъ фасонъ отвести. Деревня! Наша деревня!—воскликнулъ старшій братъ.—Вонъ показались избы. Махай платкомъ, чтобы съ берега лодку подали.

И оба брата, вынувъ изъ кармановъ платки, принялись махать ими.

Деревня выяснялась все отчетливѣе и отчетливѣе. Показалась колокольня.

— Съ попомъ, съ попадьей, съ ихъ семинаристами можешь компанію водить. Эти люди хоть и не полированные, но при своемъ образованіи,—все еще научалъ старшій братъ младшаго.—Кромѣ того, тамъ теперь Порфирій Михайлычъ изъ Москвы на побывку пріѣхалъ и проживаетъ. Мать вѣдь писала намъ. Вотъ для насъ и компанія.

Подъѣхали къ деревнѣ. Пароходъ замедлялъ ходъ, чтобы спустить пассажировъ. Съ берега замѣтили маханіе платками и уже ѣхала лодка къ пароходу. Гребли усиленно три мужика.

Лодка у парохода. Въ лодку спустили двухъ братьевъ и ихъ багажъ и она поѣхала обратно.

Младшій братъ тотчасъ-же сѣлъ на скамейку, а старшій, надѣвъ шляпу на бокъ, стоялъ въ лодкѣ во весь ростъ, подбоченившись, смотрѣлъ по сторонамъ орломъ и покуривалъ папиросу.

VIII.

Ближе къ истоку Свири находятся острова, голые, безлѣсные или покрытые мелкимъ кустарникомъ и зарослью ольхи. Острова эти очень напоминаютъ Невскіе острова, находящіеся при устьѣ Невы, какъ Крестовскій, Петербургскій, Аптекарскій и Елагинъ, такіе-же низменные, болотистые, да и сама рѣка Свирь, хоть протяженіемъ она болѣе чѣмъ втрое Невы, имѣетъ очень много общаго съ Невой. Пройдя мимо свирскихъ островов, часовъ около 6 вечера мы были у Вознесенской пристани *).

Вознесенская пристань находится на лѣвомъ берегу Свирскаго истока, при селѣ „Намойные Пески“, расположенномъ на очень низменной мѣстности. На противоположной сторонѣ рѣки находится селеніе „Вознесенскій погостъ“, а все вмѣстѣ извѣстно подъ именемъ „Вознесенья“. Вознесенская пристань—мѣсто очень населенное, переполненное пришлымъ народомъ изъ другихъ губерній, благодаря заработкамъ, которые даетъ Онежскій каналъ,

*) Поѣздка эта была совершена въ 1891 г.

оканчивающійся у Вознесенья, каналъ, по которому проходитъ ежегодно болѣе 3.000 судовъ, приходящихъ съ низовыхъ пристаней и нагруженныхъ хлѣбомъ. На рейдѣ Онежскаго озера также стоитъ не мало гальотовъ, пришедшихъ съ онежскаго побережья и перегружающихъ свои грузы въ малыя рѣчныя суда. Чистыхъ, коренныхъ олончанъ, живущихъ въ Вознесеньи, какъ мнѣ передавали, не наберется и четверти всего населенія. Вознесенье напоминаетъ болѣе городъ, чѣмъ село. По набережной село обстроено довольно порядочными домами, въ которыхъ то и дѣло видишь вывѣски черныхъ трактировъ, портерныхъ лавокъ, питейныхъ домовъ. Тутъ-же пріютились жидъ-портной, жидъ-часовой мастеръ. Есть и аптека. Изъ правительственныхъ учрежденій въ Вознесеньи имѣются почтово-телеграфная станція, метеорологическая станція, даже станція спасанія на водахъ, а также и мореходные классы, изъ которыхъ выпускаютъ шкиперовъ и штурмановъ для каботажнаго плаванія.

Въ Вознесеньи двѣ церкви: одна по одну сторону рѣки—старая, другая по другую сторону—новая. Эта новая церковь построена на средства мѣстнаго лѣсопромышленника, крестьянина Сердешнаго. Освященіе ея, какъ мнѣ передавали, долго тормазилось изъ-за какихъ-то капризовъ, но нынѣ церковь освящена и въ ней происходитъ богослуженіе.

Близъ самой пароходной пристани въ Вознесеньи находится и входъ въ Онежскій каналъ. Такъ какъ пароходъ долженъ былъ стоять у Вознесенья часа

четыре, то я пошелъ на берегъ посмотрѣть этотъ каналъ. По каналу протаскивали лошадиной тягой барки съ хлѣбомъ для дальнѣйшаго слѣдованія по Свири. Было воскресенье. По бичевнику сновали взадъ и впередъ цѣлыя толпы мужиковъ и бабъ, бродили торговки съ хлѣбомъ, съ подсолнечными зернами. Звенѣла отборная крупная ругань на одной сторонѣ канала, откликалась на другой, раздавалась съ барокъ, изъ устъ рулевыхъ, переливалась съ самыми утонченными варіантами у погонщиковъ лошадей, тянувшихъ барки. И среди всего этого пищали нѣсколько гармоній, а женскіе голоса визжали какія-то пѣсни. Такъ какъ пловучій мостъ черезъ каналъ былъ разведенъ, то желающихъ попасть на другую сторону канала перевозили за копѣйку маленькіе мальчишки въ лодкахъ, лавируя между проходящими барками. И съ лодокъ также раздавалась трехъэтажная крупная ругань. Ругались мальчишки, перевозящіе „публику“, ругалась переѣзжающая публика.

Барки, выходя изъ канала, чинно строились въ рѣкѣ, становясь на причалы и якоря. Ихъ ждали уже буксирные пароходы, грязные, закоптѣлые, съ помятыми трубами.

Интересно самое отправленіе въ путь барокъ на буксирѣ. Вотъ пароходъ, пыхтя трубой, зачалилъ канатомъ нѣсколько барокъ, и шкиперъ кричитъ съ парохода на барки: „смирно“! Звенѣвшая до сихъ поръ на всѣ лады ругань на баркахъ мгновенно

прекращается. Барочные мужики вылѣзаютъ изъ закрытыхъ мѣстъ барокъ и становятся на бортахъ ея.

— Молись!—снова раздается команда стоящаго уже у руля шкипера буксирнаго парохода.

И мгновенно обнажаются головы, какъ у мужиковъ на баркахъ, такъ и у пароходной прислуги. Всѣ обращаются на востокъ и крестятся, долго крестятся, дѣлая усердные поясные поклоны.

Молитва кончена.

— Готово?—кричитъ барочникамъ шкиперъ.

— Готово,—отвѣчаютъ ему съ барокъ.

— Тихій ходъ!—командуетъ шкиперъ своему машинисту.

Винтъ забурлилъ, около парохода заволновалась вода, пароходъ тронулся, тронулись и барки, сильно дѣйствуя своими рулями, дабы пройти, не задѣвъ стоящихъ на якоряхъ другихъ судовъ. Шкиперъ, стоя у руля, кричитъ снующимъ по рѣкѣ лодкамъ:

— Дорогу!

Лодки плохо слушаютъ его команду. Онъ беретъ рупоръ и кричитъ въ него:

— Дорогу, черти окаянные!

Мало пользы. Лодки не внимаютъ. Шкиперъ въ третій разъ кричитъ въ рупоръ „дорогу“ и уже на сей разъ съ прибавленіемъ трехъэтажныхъ словъ.

Мужики на баркахъ какъ-бы ободряются, услыхавъ трехъэтажныя слова, и сами начинаютъ сыпать ими. Сыпятъ встрѣчную ругань на сосѣднихъ баркахъ, откликаются руганью съ лодокъ.?

Гулко въ воздухѣ по рѣкѣ на вечерней зарѣ—и далеко, далеко несутся эти отклики.

IX.

Вознесенская пристань съ двумя своими селеніями, раскинутыми на двухъ берегахъ истока Свири, существуетъ на сельскомъ положеніи, но жители ея ждутъ со дня на день, что имъ дадутъ городскія права, и многіе этимъ не довольны.

— Помилуйте, ужъ и такъ съ насъ податей страсть что сходитъ, а будемъ городомъ, такъ городская управа и совсѣмъ насъ новыми налогами замучаетъ,—говорили мнѣ нѣсколько вознесенцевъ, ѣхавшихъ со мной на пароходѣ и съ которыми я успѣлъ сойтиться въ разговорахъ.

Вознесенье по своему типу напоминаетъ Усть-Ижорское селеніе, что́ на Невѣ, съ тою только разницею, что здѣсь каменныхъ строеній меньше, чѣмъ въ Ижорѣ. Больше все деревянные, опрятные дома, хорошо выкрашенные и даже отдѣланные рѣзьбою. Опи изрѣдка чередуются съ жалкими развалюгами, вросшими въ землю. Одинъ изъ домовъ мнѣ пришлось встрѣтить даже убраннымъ вьющимися растеніями и съ цвѣтникомъ подъ окнами. Такъ азываемый дикій виноградъ застлалъ всю стѣну дома и стремился подъ крышу.

Такъ-же, какъ и въ Ижорѣ, здѣсь множество трактировъ и всякихъ питейныхъ заведеній, такъ-же шумно и такъ-же пьяно, съ тою только разницею, что Ижора переполнена рабочими, работающими на кирпичныхъ заводахъ, а здѣсь—людомъ пришлымъ на баркахъ и занимающимся разгрузкой и нагрузкой судовъ. Всѣ вознесенскіе трактиры, разумѣется, такого свойства, что въ нихъ только пьютъ, но не ѣдятъ. Зная Вознесенье за рыбное мѣсто, я зашелъ въ одинъ изъ трактировъ и хотѣлъ заказать себѣ порцію рыбной селянки или ухи, но буфетчикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и отвѣчалъ:

— Извините-съ, у насъ этого нѣтъ-съ... Вы толкнитесь на постоялый дворъ.

Побродивъ по улицамъ Вознесенья, я вернулся на пароходъ и засталъ тамъ много новыхъ лицъ. Всѣ они сидѣли въ каютахъ, пили пиво и ѣли пароходную стряпню.

— Однако, пассажировъ-то поприбавилось,—замѣтилъ я буфетчику, заказывая себѣ ужинъ.

— Это не пассажиры-съ, а это такъ пришли попить и поѣсть. Которые ежели здѣсь въ Вознесеньи почище—всегда у насъ на пароходѣ пользуются,—отвѣчалъ тотъ.—Какъ пароходъ стоитъ у пристани—они уже къ намъ пображничать. Сегодня къ тому-же воскресенье, день праздничный. Отъ нихъ вообще хорошая прибавка къ торговлѣ.

Пароходъ, между тѣмъ, заканчивалъ нагрузкой. Таскали дрова для топлива, перегружали въ трюмы

изъ барки мѣшки съ ржаной мукой для отправки въ Петрозаводскъ, который главнымъ образомъ потребляетъ муку, идущую изъ Рыбинска.

Въ часъ ночи мы должны были выдти въ Онежское озеро. Погода стояла тихая, прекрасная. Царила свѣтлая сѣверная ночь. На небѣ свѣтились одинокія самыя яркія звѣздочки. Капитанъ началъ давать свистки... Вотъ первый свистокъ, второй, третій, но пароходъ все еще стоитъ. И здѣсь, такъже какъ и въ Петербургѣ, поджидали какихъ-то Ивановъ Ивановичей.

— Скоро тронемся?—слышны вопросы.

— Не всѣ еще пассажиры собрались,—отвѣчала пароходная прислуга. — Иванъ Иванычъ играетъ въ карты у лѣсничнаго. Должно быть заигрался и не слышитъ свистковъ. За нимъ ужъ послали. Карадѣева еще нѣтъ. Тотъ тоже ѣдетъ въ Петрозаводскъ.

— Да вѣдь у васъ, господа, такъ называемое срочное пароходство. Въ который часъ назначено, въ тотъ и надо ѣхать.

— Нельзя-съ... Сердиться будутъ, ежели не подождать. Пассажиры постоянные. Они сейчасъ... За ними ужъ послано. Вѣдь тутъ недалеко.

Наконецъ, пароходъ вышелъ въ озеро. Онежское озеро было спокойно. Стояла только самая легкая зыбь. Привѣтливо мигали звѣзды. Мы были на 267 футъ выше Бѣлаго моря и на 240 футъ выше уровня Балтійскаго. Онежское озеро принадлежитъ къ разряду высокихъ, такъ называемыхъ, альпій-

скихъ озеръ. Занимаемое имъ пространство въ наибольшую длину 220 верстъ и въ ширину 90 верстъ.

Путь изъ Вознесенья до Петрозаводска идетъ параллельно западному берегу озера и не далѣе 4—5 верстъ отъ него. На пути отъ Вознесенья до Петрозаводска встрѣчаются три маяка: Сомба, Брусно и Ивановскій. Также имѣются двѣ бухты: Шокшинская, берегъ которой славится мѣстонахожденіемъ порфира, и Бруснинская, находящаяся у маленькаго островка того-же имени, на берегу котораго имѣется древняя полуразвалившаяся деревянная церковь во имя св. Николая чудотворца, построенная, какъ увѣряютъ, въ 1612 году. Въ эти бухты, во время бури, суда, застигнутыя бурей, могутъ заходить на стоянку, что̀ съ нами и случилось на обратномъ пути.

Западный берегъ Онежскаго озера, который уже явственно былъ виденъ, когда совсѣмъ разсвѣло, мѣстами возвышенъ и съ хорошими дикими видами.

— Все корелы живутъ вотъ по этому берегу,— разсказывалъ мнѣ ѣдущій въ Петрозаводскъ тамошній житель лѣсопромышленникъ.—Чудной народъ. По-русски еле понимаютъ, а ругаются такъ ужъ куда ловко по-русски и русскія пѣсни поютъ. Спроси его: что ты поешь? Не знаетъ. Коверкаетъ слова и поетъ. По наслышкѣ. Своихъ-то пѣсенъ нѣтъ, ну, они отъ русскихъ мужиковъ и перенимаютъ. Подальше-то отъ берега есть и русскія деревни. Вы спать не будете?—спросилъ онъ меня.

— Я ужъ выспался.

— Ну, такъ не прозѣвайте, когда будете подъѣзжать къ Петрозаводску, Ивановскіе острова. Видъ отъ Ивановскихъ островов на Петрозаводскъ очень отличный.

Около 7 часовъ утра, пройдя Ивановскіе острова, мы стали входить въ Петрозаводскій заливъ, и Петрозаводскъ, расположенный по скатамъ холмовъ, открылся передъ нами какъ на блюдечкѣ. Общій видъ города довольно живописенъ: купола собора и церквей, перемѣшанные съ зеленью садовъ бѣлые и сѣрые домики, высящіеся одинъ надъ другимъ, городская деревянная пристань длинная предлинная, далеко выдавшаяся лентой въ заливъ и пестрѣющая ожидавшей уже пароходъ публикой и массой извозчиковъ. Когда мы начали подъѣзжать къ пристани, отъ нея отдѣлился спасательный ботикъ петрозаводской пристани спасанія на водахъ и сталъ лавировать около парохода. На веслахъ сидѣлъ мужикъ для чего-то въ красной шапкѣ и весь увѣшанный пробками. Бывалые пассажиры, глядя на эту лодку и его гребца, смѣялись и говорили:

— Всегда выѣзжаетъ во время прибытія парохода, какая-бы ни была тихая погода, все равно выѣзжаетъ. А къ чему? Зачѣмъ?

— Да вѣдь дѣлать-то нечего ему иначе—вотъ и выѣзжаетъ,—слышалось замѣчаніе.

— Станетъ онъ выѣзжать, ежели-бы начальство не приказывало! Просто начальство приказываетъ.

Съ пристани уже явственно доносились голоса. Виднѣлись суетящіеся квартальные, размахивающіе руками. Городовые ровняли извозчиковъ.

— Здѣсь на пристани и возницу себѣ найдете для поѣздки на Кивачъ. Не берите только пару, а нанимайте тройку, да торгуйтесь хорошенько, а то запрашивать будутъ,—говорилъ мнѣ капитанъ.

X.

Кому на водопадъ Кивачъ? Господинъ! На Кивачъ не поѣдете-ли? Вотъ я подрядился-бы свезти? У меня лошади отличныя!—кричали извозчики на Петрозаводской пристани, когда пассажиры сходили съ парохода.

— Да вѣдь вы, господа, на одиночкахъ, такъ какъ-же?..—возразилъ я.—На одиночкѣ на Кивачъ не доѣдешь. Вѣдь, говорятъ, шестьдесятъ семь верстъ до Кивача.

— Даже больше считается, но это ничего не обозначаетъ. Мы пару или тройку приведемъ.

— Такъ вотъ тройку хорошихъ лошадей, да чтобы и тарантасъ былъ хорошій. Отвезти и обратно въ Петрозаводскъ къ пароходу привезти. Сколько возьмете?—началъ рядиться я.

— Ночевать тамъ будете? Сколько сѣдоковъ поѣдетъ?—засыпали вопросами извозчики.

— Поѣдемъ трое. Понравится такъ ночуемъ, а нѣтъ, такъ пробудемъ три-четыре часа и обратно.

— Двадцать два рублика не дадите?—спросилъ рыжебородый извозчикъ, какъ-бы пробуя.

— Я за двадцать повезу. Прикажите лошадей приводить!—кричалъ черный возница.

— За семнадцать рублей, господинъ, хотите?—протискался молодой парень съ еле пробивающимися усиками и бородкой совершенно льнянаго цвѣта.

— И я за семнадцать, баринъ, и я!—подхватили другіе извозчики.

— Прикажите мнѣ, господинъ, лошадей привезти. Я за пятнадцать рублей повезу,—взялъ меня за рукавъ молодой парень.

— Чего ты цѣну-то, лѣшій, сбиваешь! Вѣдь лошадямъ-то два дня отдыхать надо!—накинулись на него извозчики.

— Мнѣ въ Кончозерскѣ у дяди побывать надо. Тамъ дядя почтовую станцію содержитъ. До Кончозерска я самъ повезу, а дальше дядя на своихъ лошадяхъ прокатитъ. Прикажите, баринъ, за пятнадцать рублей. Дешевле ужъ никто не повезетъ.

Я не торговался. На пароходѣ мнѣ сказали, что обыкновенно возятъ на Кивачъ и обратно на тройкѣ за двадцать, двадцать два рубля.

— Только чтобъ тарантасъ былъ крытый,—выговаривалъ я, подрядивъ возницу.—Видишь, дождь собирается.

— Крытыхъ тарантасовъ во всемъ Петрозаводскѣ

и взаводѣ нѣтъ. А что насчетъ дождя, то Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ. Подъ елкой гдѣ-нибудь въ лѣсу укроемся.

— Ну, такъ пріѣзжай сюда скорѣй на пристань,— рѣшилъ я.

Парень засуетился. Извозчики, какъ водится, принялись ругать его, зачѣмъ цѣну сбиваетъ.

— У него, господинъ, и тарантаса-то своего нѣтъ! Ему придется побираться насчетътарантаса!— кричали они.

— Не ваша забота. Достанемъ.

Парень, пріѣхавшій на пристань въ легковой упряжкѣ, на одиночкѣ, крикнулъ мнѣ: „такъ вы собирайтесь, а я сейчасъ", стегнулъ лошадь и помчался за тройкой и дорожнымъ экипажемъ.

Черезъ полчаса тройка стояла у пристани. Возница, бывшій раньше въ обыкновенномъ извозчичьемъ армякѣ, для чего-то перерядился въ пиджакъ, новый картузъ, сапоги бутылками и даже выпустилъ часовую цѣпь поверхъ жилетки. Такъ какъ я былъ предупрежденъ, что какъ по дорогѣ къ Кивачу, такъ и на самомъ Кивачѣ ничего кромѣ молока и хлѣба не достанешь, то я распорядился взять съ собой въ дорогу изъ буфета провизіи, чаю и сахару.

Черезъ четверть часа мы тронулись въ путь. Сначала въ тарантасѣ сидѣть было какъ-будто тѣсно, но потомъ всѣ какъ-будто умялись, какъ-будто съежились и сдѣлалось удобнѣе. Явленіе обычное для того, кто ѣзжалъ въ компаніи въ тарантасахъ. Мѣ-

шалъ только большой мѣшокъ съ чѣмъ-то твердымъ, который возница положилъ намъ въ ноги.

— Намъ и безъ того въ тарантасѣ тѣсно, а ты еще какую-то кладь дядѣ везешь,—сказалъ я возницѣ, пихая ногою мѣшокъ.

— Это не кладь, а кормъ лошадямъ.

— Какъ кормъ? Лошадиный кормъ мягкій, а тутъ что-то твердое.

— Хлѣбъ. Караваи хлѣба. Четыре каравая. Въ Кончозерскъ пріѣдемъ, вотъ я и стравлю ихъ лошадямъ.

— Да развѣ у васъ лошадей хлѣбомъ кормятъ?

— Когда овесъ дорогъ, то завсегда хлѣбомъ. Въ прошломъ году овесъ-то у насъ не уродился, не вызрѣлъ. Почемъ нонѣ овесъ-то! Страсть! А хлѣбъ дешевле. Господа нонѣ своихъ лошадей у насъ хлѣбомъ кормятъ. А въ такую дальнюю дорогу ѣхать, да кормить однимъ сѣномъ—нельзя.

Впослѣдствіи я узналъ, что это явленіе не выходящее изъ ряду вонъ. Въ Олонецкой губерніи урожай на овесъ бываетъ рѣдко, въ большинствѣ случаевъ онъ не вызрѣваетъ и лошадей въ большинствѣ случаевъ въ прибавленіе къ сѣну кормятъ ржанымъ печенымъ хлѣбомъ.

Путь лежалъ черезъ Петрозаводскъ. Его пришлось проѣхать изъ конца въ конецъ. Мы ѣхали по главнымъ улицамъ дѣтища Петра Великаго, на которое онъ возлагалъ столько надеждъ. Петрозаводскъ основанъ Петромъ Великимъ одновременно съ Петербургомъ въ 1703 году и все, что въ немъ

есть достопримѣчательнаго, относится къ Петровской эпохѣ: пушечно-снарядный заводъ, старинной архитектуры соборъ, городской садъ, когда-то разведенный самимъ Петромъ Великимъ. Мимо всего этого пришлось проѣзжать. Городъ не мощенъ, но дорога сносная, крѣпкая, такъ какъ улицы въ топкихъ мѣстахъ засыпаются самымъ мелкимъ булыжнымъ камнемъ, котораго берега Петрозаводскаго залива предоставляютъ въ изобиліи. Самыя главныя улицы— Соборная и Маріинская, по нимъ и лежалъ нашъ путь. Очень портитъ городъ оврагъ, по которому протекаетъ каменистая рѣчка Лососинка, въ которой, къ слову сказать, какъ увѣряли меня мѣстные жители, никогда и лососины не водилось. Оврагъ этотъ находится въ центрѣ города и, какъ меня увѣряли, съ каждымъ годомъ все увеличивается и увеличивается, такъ какъ желѣзодѣлательный заводъ не останавливается дѣлать изъ него выемку песку. Близъ этого оврага отведенъ выгонъ для скота. Все это очень рѣжетъ глаза, когда проѣзжаешь по главной Маріинской улицѣ, на которой разводится бульваръ, но насаженныя деревья до того чахлы и убоги, что на нихъ жалко смотрѣть. Очевидно, молодыя деревца насадили и совсѣмъ забыли о ихъ поливкѣ и вообще объ уходѣ за ними. Не всѣ деревца даже къ кольямъ привязаны, хотя въ такой лѣсной мѣстности, какъ окрестности Петрозаводска, ужъ въ кольяхъ-то не должно-бы быть недостатка.

Проѣхали мимо памятниковъ Александру II и

Петру Великому, стоящихъ на двухъ площадяхъ. Памятники эти прекрасные и могли-бы служить украшеніемъ даже столицы. Проѣхали домъ, гдѣ когда-то жилъ поэтъ Державинъ, когда онъ былъ олонецкимъ губернаторомъ. Домъ этотъ угловой и находится близъ нынѣшняго губернаторскаго дома и зданій присутственныхъ мѣстъ. Сейчасъ за присутственными мѣстами стоитъ острогъ—тутъ и городу конецъ.

Какъ мнѣ сообщали раньше, такъ и вышло. Проѣхавъ весь городъ, я не встрѣтилъ ни одного трактира, хотя питейныхъ лавокъ въ изобиліи. Вывѣски гласятъ: „ренсковый погребъ“, „штофная лавка“, „ведерная продажа водки“, „оптовая продажа вина“, но ни около этихъ лавокъ, ни около гостинаго двора совсѣмъ не было видно ни продавцевъ, ни покупателей. Мы проѣзжали городъ въ двѣнадцатомъ часу дня, а на другой день я бродилъ по его улицамъ вечеромъ, но улицы были совершенно пустынны. Движенія рѣшительно никакого. У домовъ наглухо закрыты ворота, лаютъ, высовывая изъ подворотенъ свои красивыя умныя морды, лайки, дѣйствительно замѣчательныя олонецкія собаки, нѣсколько напоминающія породу шпицевъ, но только больше этихъ послѣднихъ. Въ оба раза за воротами домовъ я не видѣлъ ни живой души, даже въ окнахъ не видать обитателей. Не видалъ я и играющихъ дѣтей на улицахъ. Улицы даютъ впечатлѣніе вымершаго города. На главныхъ улицахъ по концамъ ихъ еще стоятъ городовые, попадаются проѣзжающіе

извозчики, но побочныя улицы положительно были пустынны во всѣ три мои прогулки по городу. Помню, что, пробродивъ съ четверть часа по городу и встрѣтивъ солдатъ съ сапожной кожей подъ мышкой, я даже обрадовался этой встрѣчѣ. Ежели еще есть какое ни на есть движеніе, то это у пристани въ деревянныхъ лавченкахъ, гдѣ жиды продаютъ разное старье. Тамъ въ открытыя двери лавченокъ видишь вяжущихъ чулки жидовокъ, жиды, стоя на порогахъ, переругиваются другъ съ другомъ на своемъ жаргонѣ.

Евреи эти, впрочемъ, какъ мнѣ передавали, недавнее явленіе въ Петрозаводскѣ. Десять лѣтъ тому назадъ ихъ совсѣмъ не было, а теперь численность ихъ все прибываетъ и прибываетъ. Сначала пріѣхалъ одинъ еврей, повѣсилъ надъ своей лавкой вывѣску „портной изъ Петербурга", сталъ брать дешевле мѣстныхъ портныхъ—и дѣла пошли. Онъ тотчасъ-же выписалъ своего родственника часовыхъ дѣлъ мастера. Часовыхъ дѣлъ мастеръ выписалъ мѣдника, мѣдникъ—сапожника. Потомъ всѣ заторговали старыми вещами и занялись тайнымъ ростовщичествомъ, то и дѣло выписывая своихъ единовѣрцевъ. И вотъ еврей пошелъ, пошелъ и пошелъ и теперь ужъ даже кореннымъ олонецкимъ дѣломъ началъ заниматься—лѣсопромышленничествомъ.

Миновавъ острогъ, мы выѣхали за городъ. Возница остановилъ лошадей и сталъ подвязывать подъ дугу коренника колокольчикъ.

— По городу у насъ съ колокольчикомъ запрещаютъ ѣздить, ну, а за городомъ съ колокольчикомъ много сподручнѣе. Да и звѣрь колокольчика боится,—сказалъ онъ.

— Какой звѣрь?—спросилъ я.

— Да волкъ, медвѣдь.

— А развѣ попадаются по дорогамъ?

— Теперь мало. А по осени да зимой даже и очень часто. Осенью и зимой мы даже ѣздимъ съ двумя колокольчиками. Вѣдь дорога идетъ все лѣсомъ. Направо лѣсъ, налѣво лѣсъ. Звѣрья у насъ здѣсь много. Только бей. Ну, а колокольчиковъ звѣрь боится, такъ вотъ мы и привязываемъ, чтобъ лошадей не пугалъ.

Зазвонилъ колокольчикъ. Бойкія рыженькія лошаденки, очевидно финляндскаго происхожденія, побѣжали шибко. Дорога была хорошая, каменистая. Подъ ногами лошадей встрѣчались гладкія, какъ-бы вычеканенныя поверхности громадныхъ діоритовыхъ камней въ двѣ-три квадратныя сажени. Вдали виднѣлось необозримое водное пространство Онежскаго озера. Дорога шла невдалекѣ отъ берега.

XI.

На седьмой верстѣ отъ Петрозаводска показалась на пригоркѣ первая деревня.

— Сулажгора... — отрапортовалъ возница, указывая кнутовищемъ на деревню.—Сейчасъ свернемъ на Повѣнецкій трактъ.

Изъ-за мелкаго лѣска выглядывали большія двухъэтажныя избы. Нѣкоторыя были даже съ надстройкой мезонина на двухъ этажахъ и такимъ образомъ являлись уже трехъэтажными. Передъ деревней по правую и по лѣвую сторону дороги въ лѣскѣ то и дѣло попадались, какъ оазисы, распаханныя пространства, чѣмъ-то засѣянныя и огороженныя частоколомъ. Я поинтересовался, что это такое растетъ.

— Рѣпа,—отвѣчалъ возница.

— Да неужели все рѣпа? Куда-же столько рѣпы?

— Да на ѣду. Вотъ по осени ее наквасятъ и будутъ зимой въ щахъ ѣсть.

Впослѣдствіи я узналъ, что рѣпа здѣсь вполнѣ замѣняетъ капусту. Рѣпу квасятъ, рѣпу парятъ и солятъ, изъ рѣпы даже квасъ дѣлаютъ. Капусты-же вовсе не разводятъ, такъ какъ она при обыкновенномъ посѣвѣ въ грунтъ по кратковременности лѣта вызрѣть не можетъ, а о парникахъ, гдѣ можно-бы было выводить разсаду и уже разсадой сажать, не имѣютъ и понятія.

Отъ Сулажгоры повернули на Повѣнецкій трактъ. Сейчасъ за деревней идетъ крутой спускъ, настолько крутой, что возница предложилъ намъ выйти изъ тарантаса, а самъ началъ спускать лошадей шагомъ. Дорога направлялась въ широкую долину, по которой извилистой лентой серебрилась рѣка Шуя. Съ горы видъ былъ настолько живописенъ, что отъ него не хотѣлось оторваться. Спускаясь съ горы, саженей сто пришлось пройти пѣшкомъ.

— За лошадей боялся, что-ли?—спросилъ я ямщика, снова усаживаясь въ тарантасъ.

— Лошади молодыя. Храни Богъ... — отвѣчалъ тотъ. — Долго-ли до грѣха... и лошадей зарѣзать можно, да и господъ зашибить.

Болѣе половины пути до Кивача идетъ по очень красивымъ мѣстностямъ, мимо озеръ, возвышающихся другъ надъ другомъ террасами. Озера эти по большей части продолговатой формы и проѣзжать приходится по узкимъ перешейкамъ, отдѣляющимъ одно озеро отъ другого. Есть мѣсто, гдѣ перешеекъ настолько узокъ, что видишь одно озеро по одну сторону дороги, а другое по другую. Озера эти протяженіемъ по нѣскольку верстъ. Первымъ озеромъ показывается Укшозеро, лежащее параллельно съ другимъ озеромъ, называемымъ Кончозеромъ, далѣе открывается Петрозеро или Пертнаволоцкое. На перешейкѣ между Укшозеромъ и Кончозеромъ расположена деревня Косалма. Жители этой деревни занимаются добычей желѣзной озерной руды

для Кончозерскаго желѣзодѣлательнаго завода, который и находится въ нѣсколькихъ верстахъ за Косалмой. Мѣстность отъ Косалмы до Кончозерскаго завода, по которой приходится проѣзжать, самая живописная изъ всего пути на водопадъ Кивачъ. Дорога идетъ между громадными отвѣсными скалами, въ расщелинахъ которыхъ растутъ гиганты сосны и ели. Нѣкоторыя скалы такъ велики, что приходится задирать голову, чтобы видѣть ихъ вершины. Невольный трепетъ обхватываетъ, когда видишь такую скалу и на ней вѣковыя деревья, стволы которыхъ могутъ обнять только трое-четверо. Глядишь и не можешь надивиться, какъ такія деревья растутъ, откуда они берутъ соки для своего питанія. Но вотъ и Кончозерскій заводъ.

Кончозерскій заводъ основанъ Петромъ Великимъ для плавки мѣди, а не для желѣза, которое онъ теперь вырабатываетъ. Старинныя разработки мѣдныхъ рудниковъ, говорятъ, видны еще и по нынѣ по берегамъ не далеко лежащаго отъ завода Петрозера. Самый заводъ построенъ на перешейкѣ, раздѣляющемъ Петрозеро отъ Кончозера и образующемъ естественную плотину, которая удерживаетъ воды Петрозера на высотѣ четырехъ саженъ выше уровня Кончозера.

Здѣсь мы сдѣлали привалъ. Въ Кончозерскѣ земская почтовая станція, и нашъ возница рѣшилъ передать насъ для дальнѣйшаго слѣдованія другому возницѣ.

— Дядя мой земскую почту тутъ держитъ, — сказалъ онъ. — Дядинъ работникъ свезетъ васъ на Кивачъ, вы тамъ побудете, вернетесь сюда на дядиныхъ лошадяхъ обратно, а ужъ назадъ въ Петрозаводскъ опять я васъ повезу. Мои лошади поѣдятъ сѣнца и хлѣбца и къ тому времени отдохнутъ здѣсь.

Начали перепрягать лошадей, а мы по скрипучей лѣстницѣ поднялись во второй этажъ, въ комнату для пріѣзжихъ. Комната была настолько громадна, что желѣзная печь, помѣщавшаяся въ ея углу, казалась маленькой бородавкой и на стѣнахъ были прилѣплены старыя лубочныя картины, засиженныя мухами. Въ углу помѣщались иконы въ серебряныхъ окладахъ и рядомъ съ ними шкапъ со стеклами, сквозь которыя виднѣлись разнокалиберные стаканы и чашки. Заглянула баба.

— Можно криночку молочка получить? Здѣсь мы хотимъ закусить,—сказалъ я.

— Можно, можно. Сейчасъ я принесу, — отвѣчала она. — Можно и ушицу сварить, ежели желаете. Рыба есть.

Черезъ минуту она явилась съ кринкой молока.

— А посуду вонъ берите сами изъ шкапа, которая на васъ ласково глядитъ. Тутъ у насъ и ложки лежатъ,—прибавила она и скрылась, оставивъ насъ однихъ.

Меня удивила такая простота.

— Послушайте... зачѣмъ-же мы сами полѣземъ въ шкапъ? Вы достаньте намъ, что надо, — проговорилъ я ей вслѣдъ.

— Самимъ вамъ лучше. Что ласково глядитъ, то и достаньте, — отвѣчала баба изъ другой комнаты.

— Очень ужъ вы просты. А другой заберетъ вашу посуду да и уѣдетъ.

— Нѣтъ, у насъ здѣсь этого не случается. У насъ тихо.

Подкрѣпивъ себя, мы вышли на улицу. Здѣсь поразили меня дерева, изъ которыхъ были рублены постройки. Нѣкоторыя бревна были положительно десятивершковыя.

— Сколько у васъ стоютъ такія дерева? — спросилъ я пожилого мужика.

— Дерева-то? Нынче дороги. Нынче за полтину не купишь, а прежде можно было купить по двугривенному за штуку. Дешевле еще покупали, — былъ отвѣтъ.

Вся мѣстность около Кончозерскаго завода чрезвычайно живописная. Въ особенности хорошъ видъ на озеро съ пригорка, близъ церкви. Отсюда открывается великолѣпная панорама. Все озеро видно какъ на блюдечкѣ на разстояніи десяти-пятнадцати верстъ. Оно покрыто множествомъ маленькихъ зеленѣющихъ островковъ. Это цѣлый архипелагъ островковъ. Говорятъ, ихъ насчитывается въ озерѣ больше трехсотъ. Острова эти, какъ и самое озеро, узкіе и длинные и вся масса ихъ лежитъ вдоль озера и только одинъ изъ нихъ расположенъ поперекъ. Этотъ островъ больше другихъ и называется у мѣстныхъ жителей „Дуракъ".

— Отчего-же такое названіе? — спросилъ я.

— А зачѣмъ онъ не въ порядкѣ легъ? Компанію нарушилъ — вотъ и дуракъ, — былъ отвѣтъ.

Звонъ колокольчика подъ дугой далъ знать, что свѣжія лошади уже запряжены въ тарантасъ.

— Пожалуйте. Готово! — кричали намъ и мы отправились дальше.

Отъ Кончозерска до Кивача дорога съуживается, и путь идетъ между дремучимъ лѣсомъ, верхушки котораго упираются въ небо. Хвойный лѣсъ уже перемѣшивается съ лиственнымъ и начинаетъ преобладать. Дорога дѣлается настолько узка, что чтобъ разъѣхаться по ней двумъ повозкамъ, одна изъ нихъ должна остановиться. Деревья удивляютъ своей громадностью. Это положительно вѣковой лѣсъ. Высота его такова, про которую говорятъ: закинешь голову, чтобы посмотрѣть на верхушку — и шапка съ головы валится. Лѣсъ этотъ принадлежитъ Горному вѣдомству. Меня поразило небрежное содержаніе: свалившіяся гиганты сосны, ели, осины, березы гніютъ, поросшія мохомъ. Нѣкоторыя деревья навалились другъ на друга и представляютъ непроходимую чащу. Жалко смотрѣть, что пропадаетъ такой цѣнный строевой матеріалъ.

Новый ямщикъ нашъ былъ изъ корелъ, мальчишка лѣтъ шестнадцати и говорилъ по-русски плохо. Въ противоположность первому ямщику франту, онъ былъ одѣтъ въ рваную пестрядинную рубаху и въ сермяжный армякъ.

— Не опасно здѣсь по дорогѣ ѣздить? Смирно? — спросилъ я.

Онъ не понялъ вопроса.

— Не шалятъ тутъ у васъ по дорогѣ?—повторилъ я.

Вопросъ опять не понятъ.

— Не грабятъ тутъ у васъ проѣзжающихъ? Не нападаютъ на сѣдоковъ?

— Нѣ...—пробормоталъ онъ, кажется не понявъ и этого вопроса, крикнулъ на лошадей „оуй", ткнулъ каждую изъ нихъ кнутовищемъ въ задъ, и лошади понеслись вскачъ.

Впослѣдствіи мнѣ объяснили, что не было и примѣровъ, чтобы когда-нибудь по Повѣнецкому тракту кто-нибудь нападалъ на путниковъ.

— Помилуйте, кому тутъ нападать, ежели иногда на пятнадцать-двадцать верстъ нѣтъ жилья. Да и на кого нападать, ежели не каждый день есть проѣзжающіе.

И въ самомъ дѣлѣ. Пока мы ѣхали къ водопаду Кивачъ, на 67 верстномъ пространствѣ намъ встрѣтились только двѣ повозки: ѣхалъ мужикъ въ одноколкѣ, очень напоминающей чухонскую, и проѣзжалъ священникъ на парѣ въ телѣжкѣ, нагруженной рыболовными сѣтями.

Сейчасъ вслѣдъ за Кончозерскимъ заводомъ лежатъ по дорогѣ двѣ деревни, но уже далѣе на разстояніи слишкомъ двадцати пяти верстъ не попадается никакого селенія, кромѣ деревни Викшицы, которая лежитъ уже въ 2—3 верстахъ отъ Кивача. Уже подъѣзжая къ этой деревнѣ, слышишь легкій шумъ водопада, то приближающійся, то

удаляющійся, смотря по густотѣ лѣса, который приходится проѣзжать. Проѣхавъ Викшицу, шумъ дѣлается уже слышнѣе. Его не заглушаетъ и стукъ колесъ повозки о дорогу. Черезъ $2^1/_2$ часа пути отъ Кончозерска мы уже подъѣзжали къ самому водопаду. Показался деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣку ниже водопада. Къ мосту дорога спускалась съ скалистой крутизны. Ямщикъ остановилъ лошадей.

— Господа всегда тутъ слѣзаютъ.

Мы слѣзли и направились къ мосту пѣшкомъ. Водопадъ ревѣлъ, но видно его еще не было.

XII.

Шумъ водопада все усиливался и усиливался, когда мы, спускаясь съ крутого берега, приближались къ деревянному мосту, перекинутому черезъ рѣку Суну. Изъ-за густого лѣса водопада все еще не было видно. Воздухъ дѣлался все влажнѣе и влажнѣе. Сырость тотчасъ-же дала себя знать на платьѣ и оно начало сырѣть. Ближе къ мосту—и въ воздухѣ уже носилась водяная пыль, распространяемая брызгами водопада. Миріады комаровъ облѣпили насъ и принялись жалить. Не было возможности даже отмахиваться отъ нихъ. Они лѣзли въ ноздри, попа-

дали въ ротъ, десятками садились на лицо и на руки. Но вотъ мы ступили на мостъ, весь влажный отъ водяной пыли, и передъ нами открылась величественная картина водопада Кивачъ. Рѣка Суна летѣла съ высоты семи саженъ, образуя изъ себя водяную гору, клокочущую, пѣнящуюся, выбрасывающую столбы брызгъ, которыя, ударяясь объ отвѣсныя скалы, высящіяся по одну сторону, дробились въ свою очередь въ водяную пыль. Невольно нѣмѣешь при видѣ этой величественной картины и останавливаешься, какъ одеревенѣлый.

Съ моста, находящагося саженяхъ въ 50—60 отъ водопада—лучшій видъ на водопадъ, хотя деталей паденія рѣки здѣсь не видать. Тутъ наблюдается водопадъ только въ общемъ и en face. Детали-же паденія Суны надо видѣть съ деревяннаго трапа, идущаго отъ моста къ бесѣдкѣ, расположенной на громадной скалѣ надъ водопадомъ, и изъ самой бесѣдки. На этомъ трапѣ водяная пыль становится все гуще и гуще по мѣрѣ приближенія къ бесѣдкѣ. По лѣстницѣ, ведущей къ бесѣдкѣ, становится уже мокро, и ступени ея, чѣмъ выше, тѣмъ дѣлаются болѣе скользкими. Отсчитавъ ступеней 70—80, мы уже въ бесѣдкѣ, съ колоннъ и перилъ которой буквально струится вода, осаждаясь отъ водяной пыли, выбрасываемой водопадомъ на высоту 14—15 саженъ. Здѣсь происходитъ невольное умыванье. Весь человѣкъ покрывается водяною пылью, пыль эта, соединяясь на тѣлѣ, превращается въ капли и онѣ текутъ потоками по лицу. Я по-

пробовалъ закурить папиросу въ бесѣдкѣ. Спичка вспыхнула, папироса закурилась, но послѣ двухъ-трехъ затяжекъ намокла и потухла.

Изъ бесѣдки этой наблюдается темя водопада, если можно такъ выразиться. Отсюда видно, что рѣка прежде чѣмъ сброситься съ высокой скалы, проходитъ два порога, разстояніемъ одинъ отъ другого на сажень, два порога, представляющихъ изъ себя ступени не болѣе аршина вышины. Рѣка эта, шириною въ 25 саженъ, падаетъ впрочемъ не вся съ отвѣсной скалы, а только одна половина ея, другая-же половина дробится между скалъ на нѣсколько частей и падаетъ отдѣльными водопадами, проходя нѣсколько болѣе или менѣе высокихъ ступеней. Одинъ изъ этихъ маленькихъ водопадовъ превращенъ въ водопроводъ и спущенъ въ деревянный жолобъ съ сажень ширины. Когда-то по этому жолобу спускали сплавлявшіяся по рѣкѣ Сунѣ бревна, направляя ихъ въ Онежское озеро, но нынѣ жолобъ обветшалъ, подгнилъ, непослушная вода подмыла и подняла доски и струится подъ жолобомъ.

Стоя въ бесѣдкѣ и наслаждаясь видомъ бушующаго, ревущаго водопада, я повторялъ мысленно стихи Державина, воспѣвшаго этотъ водопадъ еще въ прошломъ столѣтіи въ бытность свою губернаторомъ Олонецкаго края:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра,

Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми,
От брызговъ синій холмъ стоитъ.
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ".

Я наблюдалъ водопадъ въ 6 часу дня, при пасмурномъ небѣ, но, говорятъ, онъ представляетъ собой еще болѣе грандіозное зрѣлище при восходѣ солнца, когда яркіе лучи его, пронизывая водяную пыль, производятъ радугу, играющую всѣми цвѣтами.

Замѣчательна также пѣна, которою покрыта рѣка у водопада. Пѣна эта, образуемая водопадомъ, лежитъ сплошною массою около береговъ, струится по теченію рѣки и долго долго не разсѣевается. Видъ пѣны, напоминающей снѣгъ, особенно красивъ отъ контраста его со свѣжею и густою зеленью обоихъ береговъ. Говорятъ, что эта пѣна встрѣчается въ рѣкѣ даже за нѣсколько верстъ отъ водопада.

Но какъ ни прекрасна картина водопада изъ бесѣдки, долго въ этой бесѣдкѣ по причинѣ чрезмѣрной мокрыты оставаться было нельзя, не рискуя простудиться, и мы отправились въ такъ называемый павильонъ, находящійся на другой сторонѣ водопада.

Павильонъ этотъ находится на лѣвомъ берегу водопада, на зубчатой скалѣ. Онъ двухъэтажный, состоитъ изъ трехъ большихъ комнатъ внизу и одной вверху и былъ построенъ Горнымъ вѣдомствомъ, въ вѣдѣніи котораго находится Кивачъ, въ 1858 г., къ пріѣзду на водопадъ государя Александра II вмѣстѣ съ принцемъ Виртембергскимъ.

При павильонѣ имѣются два строенія: кухня и сторожка для караульнаго. Дабы пріютиться въ павильонѣ, нужно достать въ Горномъ вѣдомствѣ въ Петрозаводскѣ билетъ, что́ я и исполнилъ. Живущій при павильонѣ сторожъ отобралъ отъ насъ билетъ и впустилъ насъ въ комнаты.

Изъ павильона открывается третій видъ на Кивачъ, но ужъ гораздо худшій, чѣмъ два первые. Здѣсь видны въ деталяхъ тѣ малыя скалы, по которымъ низвергается вода отдѣльныхъ малыхъ водопадовъ. Помѣстившись на террасѣ павильона за чаепитіемъ, я наблюдалъ эти скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ, непокрытыя водою, были испещрены надписями, сдѣланными мѣломъ или бѣлою краскою. Крупными буквами было выведено: „Элизъ и Вольдемаръ, Петя и Нюта, Люба и Саша" и т. п. Перила террасы были также покрыты надписями. Здѣсь уже были вырѣзаны перочиннымъ ножемъ и записаны карандашемъ цѣлыя воспоминанія о проведенномъ на Кивачѣ времени какими-то Nicolas, Annette'ами и т. д., съ обозначеніемъ года и числа. Были здѣсь, какъ водится, и нецензурныя слова и выраженія.

Странно, что Горное вѣдомство, впуская въ павильонъ по билетамъ, не завело книгу, которая могла-бы храниться у сторожа и въ нее-то-бы и записывали свои фамиліи посѣщающіе водопадъ. За границей такія книги находятся вездѣ у сторожей, состоящихъ при какихъ-либо достопримѣчательныхъ мѣстахъ или зданіяхъ. Ужъ ежели па-

вильонъ дѣлали по заграничному образцу (говорятъ, онъ скопированъ съ такой-же постройки у Рейнскаго водопада), то отчего-же не завести по заграничному образцу и книги.

— Ушицы не прикажете-ли сварить? Рыбка свѣжая есть,—предложилъ намъ сторожъ, когда мы окончили чаепитіе, но мы отъ ушицы отказались, рѣшивъ ѣхать обратно, ибо погода не благопріятствовала: было пасмурно, холодно, горизонтъ заволакивало еще бо́льшими свинцо-сѣрыми тучами. Сырость проникала до костей.

Пробывъ на Кивачѣ три часа, мы уѣзжали изжаленные комарами до опухоли, до волдырей. Комары искусали насъ въ тысячахъ мѣстахъ. Проѣзжая еще разъ по мосту, мы еще разъ полюбовались величественнымъ зрѣлищемъ водопада и въѣхали въ просѣку дремучаго лѣса. Звенѣлъ колокольчикъ подъ дугой нашего коренника, тише и тише становился шумъ Кивача и вскорѣ совсѣмъ перестал быть слышнымъ.

Уѣзжая съ Кивача, я сравнивалъ его съ другими видѣнными мною водопадами. Я видѣлъ Рейнскій водопадъ, я видѣлъ Наровскій водопадъ, но, по моему, Кивачъ, гдѣ высота паденія воды значительно болѣе, производитъ неизмѣримо болѣе сильное впечатлѣніе на зрителя. Съ такъ называемымъ водопадомъ Иматрой, который я тоже видѣлъ, Кивачъ и сравнивать нельзя, такъ какъ Иматра прежде всего не водопадъ, а только водоскатъ, гигантскіе пороги, которые, несмотря на свою живописность, все-

таки уступаютъ Кивачу и въ самой живописности и далеко не производятъ того потрясающаго впечатлѣнія, которое производитъ Кивачъ своею дикостью и своимъ величіемъ, вселяя въ взирающаго на него даже какое-то благоговѣйное чувство.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

◆ **ПУХЪ И ПЕРЬЯ**, юмористъ. разсказы въ 54 рисункахъ художника Лебедева. Изд. 2-е. 138 стр. Цѣна 2 р.

◆ **РЕБЯТИШКИ**. Разсказы. Изд. 3-е. 326 стр. Цѣна 1 р.

◆ **АПРАКСИНЦЫ И БИРЖЕВЫЕ АРТЕЛЬЩИКИ**. Очерки. 3-е изд. 310 стр. Цѣна 1 р.

◆ **ДЕРЕВЕНСКАЯ АРИСТОКРАТІЯ**. Очерки сельской жизни. 211 стр. Цѣна 1 р.

◆ **ЦВѢТЫ ЛАЗОРЕВЫЕ**, разсказы. 346 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **ХРИСТОВА НЕВѢСТА**.—Кусокъ хлѣба, романъ и повѣсть. 3-е изд. 285 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **КАРАСИ И ЩУКИ**, разсказы. 323 стр. Цѣна 1 руб. 50 к.

◆ **ТЕПЛЫЯ РЕБЯТА**, разсказы. 216 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **НАШИ ЗАБАВНИКИ**, разсказы. Изд. 2-е. 312 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ**, разсказы. Изд. 2-е. 287 стр. Ц. 1 р 50 к.

◆ **ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ**. Разсказы. 319 стр. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **ГУСИ ЛАПЧИТЫЕ**. Разсказы. 300 стр. Ц. 1 р. 50 к.

◆ **МУЧЕНИКИ ОХОТЫ**. Разсказы. 263 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

◆ **РУКОБИТІЕ, РЯЖЕНЫЯ**. Картины изъ купеческаго быта въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 30 к.

◆ **РАДИ ПОТѢХИ. ШАЛОСТИ ПЕРА**. Изд. 3-е. 384 стр. Ц. 1 р.

◆ **МЕДАЛЬ**, шуточныя сцены, въ 1 дѣйствіи. Ц. 25 к.

◆ **КУМЪ ПОЖАРНЫЙ**, шуточныя сцены, въ 1 дѣйствіи. Ц. 25 к.

◆ **ТЩЕСЛАВІЕ И ЖАДНОСТЬ**, 2 повѣсти. Изд. 2-е. 384 стр. Ц. 1 р.

◆ **ХЛѢБНЫЙ ВОПРОСЪ**, 7 юморис. разсказовъ. Изд. 2-е. 338 стр. Ц. 1 р.

◆ **СВАТОВСТВО ПРОФЕССОРА**, романъ. изд 3-е. 303 стр., Ц. 1 р.

◆ **СРЕДИ ПРИЧТА**. Романъ. Изд. 2-е. 312 стр. Ц. 1 р.

◆ **ЗАПИСКИ ПОЛКАНА**. Повѣсть изъ собачьей жизни. Из[illegible] 2-е. 216 стр. Ц. 60 к.

◆ **ДАЧНЫЕ СТРАДАЛЬЦЫ**. 5 юмористическихъ разс[illegible] Изд. 2-ое. 244 стр. Ц. 60 к.

◆ **СУСАЛЬНЫЯ ЗВѢЗДЫ**. Романъ. изд. 2-е. 423 стр[illegible]

◆ **ВЪ ДЕРЕВНѢ И ВЪ ГОРОДѢ**. Разсказы. И[illegible] Ц. 1 р.

Выписывающіе отъ автор[illegible] «Осколки» (С.-Петербургъ, Спас[illegible] не платятъ.